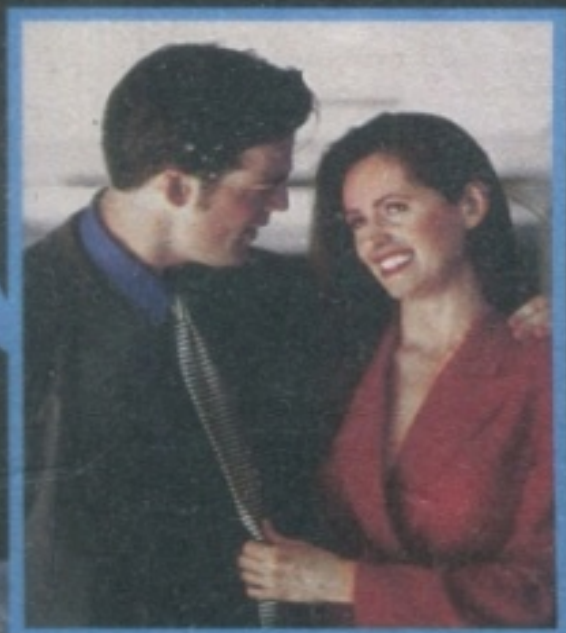

А. АНДРЮХИН

СОЛО ДЛЯ СКРИПКИ
С МАРГАРИТОЙ

Исчез известный музыкант, через год его истлевшие останки обнаружили в Москве-реке. Казалось бы, все ясно, но на улицах города появляется бомж, не помнящий родства, удивительно похожий на погибшего скрипача. Предсказательница, дав совет безутешной вдове, так никогда и не узнала, в какую невероятную историю попала ее клиентка...

А. АНДРЮХИН

СОЛО ДЛЯ СКРИПКИ
С МАРГАРИТОЙ
М

Москва 2001

Александр АНДРЮХИН

СОЛО для скрипки с Маргаритой

За полтора года до этой истории в Москве в первых числах мая у здания бюро судебно-медицинской экспертизы, что неподалеку от метро «Вернадского», остановился белый «мерседес». Из него вышла стройная молодая женщина в элегантном черном костюме и бархатной шляпке с вуалью. Она молча прошла мимо дежурного милиционера, показав пропуск, и, обдав проходную какими-то немыслимыми духами, направилась на второй этаж.

На лестнице ее уже ждали два эксперта и следователь прокуратуры по особо важным делам Виктор Дрянцов. Женщине накинули на плечи халат и повели в какую-то жуткую темную лабораторию, выложенную белым кафелем и меблированную всего лишь одним металлическим столом и несколькими облупленными светильниками. На столе уже лежала цинковая коробка метр в длину и полметра в ширину.

Прежде чем открыть ее, патоморфолог внимательно посмотрел на женщину и предостерегающе произнес:

— Мужайтесь, Виктория Эдуардовна! Зрелище не из приятных.

Женщина вцепилась в край стола и напряглась. Судмедэксперт открыл ящик.

В нем лежали человеческие останки, выуженные из Москвы-реки. По существу, только череп, кости и часть одежды.

— Экспертиза установила, — произнес следователь, — что рост человека составлял один метр семьдесят восемь сантиметров.

— У моего мужа был метр семьдесят, — прошептала женщина, давая ужас. — Хотя я точно не знаю. Точный рост записан в его медицинской книжке.

— У большинства рост с возрастом уменьшается от одного до пяти сантиметров из-за деформации позвонков и суставов, — пояснил эксперт. — Рост вопросов не вызывает. Вызывает вопросы другое: рентгеновский анализ обнаружил на черепе в области темени небольшой деформационный участок, о котором ничего не сказано в амбулаторной карте вашего мужа.

— Он ударялся головой, — произнесла женщина. — Это было четыре года назад в Париже. Мой муж был приглашен на фестиваль исполнительского искусства и попал в аварию. Перевернулся автобус с музыкантами. Многие получили серьезные ранения, а один виолончелист из Австралии скончался на месте. Об этом много писали. Мой муж отделался легкими ушибами и повреждением головы. От госпитализации он отказался, поскольку на следующий день должен был играть. Когда же он вернулся домой, то в поликлинику так и не пошел. Сначала было некогда, а потом мы про это забыли.

Патоморфолог достал из ящика раздробленный в области лба череп без нижней челюсти и протянул женщине.

— Посмотрите внимательно на зубы. Зубы без единой пломбы.

Женщина с ужасом отшатнулась от того, что протянул ей судмедэксперт. Дрожащими руками она откинула вуаль и пристально взгляделась в череп, не рискуя взять его в руки. Прежде чем открыть рот, женщина два раза судорожно шмыгнула носом.

— Зубы у него всегда были хорошие, — произнесла она дрожащим голосом. — За всю жизнь мой муж только два раза был в зубном кабинете.

— Совершенно верно, — кивнул головой судмедэксперт. — В медицинской стоматологической карточке указано только о двух запломбированных зубах на нижней

челюсти. Но нижняя челюсть отсутствует. Теперь посмотрите на фрагмент одежды.

Патоморфолог вытащил из ящика комок грязной ветоши.

— Узнаете?

Женщина пожала плечами. Тогда он достал из стола целлофановый пакет и пинцетом вытянул из него клочок выстиранной коричневой ткани.

— Да! — воскликнула женщина. — Это от его пиджака. Он купил его в Милане. Именно в этом пиджаке он отправился в тот день на репетицию.

— А какие на нем были брюки? — спросил из-за спины следователь.

— Темно-синие в крупную полоску, — ответила женщина.

— В такую? — спросил эксперт, вытягивая пинцетом из пакета клочок синей ткани.

— Да, это от его брюк, — кивнула женщина.

— И последнее: носил ли он какие-нибудь украшения на теле?

— Он не любил ни цепочек, ни медальонов. Даже обручального кольца не надевал. Но он всегда носил на мизинце левой руки малахитовый перстень. Перстень, по его словам, давал ему здоровье.

— Этот? — спросил эксперт, вытягивая из пакета перстень.

— Да, это он. Это его перстень, — заплакала женщина и закрыла лицо руками.

— Спасибо! На этом все. Извините за эту процедуру! — сказал следователь, беря женщину за локоть. — Понимаем, что для вас она мучительна. Но такова наша работа. Вам еще нужно расписаться в протоколе и можете быть свободны.

Через пятнадцать минут женщина, поддерживаемая следователем и дежурным милиционером, вышла на крыльцо. Лицо ее было бледным, взгляд помутневшим.

— Спасибо, — еле слышно произнесла она. — Дальше я сама.

— Может, вас отвезти домой? — услужливо предложил следователь.

— Нет-нет! Спасибо. Мне нужно побыть одной.

Она, покачиваясь, поплелась к своему «мерседесу», дважды запнулась, с трудом открыла дверь и без сил плюхнулась на сиденье. Затем уткнулась лбом в руль. Следователь, наблюдавший эту сцену с крыльца здания бюро, покачал головой и произнес:

— Шикарная вдовушка!

— Долго не задержится во вдовах, — выдал свое резюме дежурный.

Через несколько минут женщина оторвалась от руля и повернула ключ зажигания. В этот момент позвонил мобильный. Она вяло поднесла к уху телефон. Мужской голос в трубке произнес:

— Вы убедились?

— Да! — ответила она и тронулась с места.

В этот же день и в это же время на другом конце Москвы, в Измайловском парке, наряды милиции оцепили небольшую зеленую поляну с огромным дубом посередине. На нижней ветке дуба на бельевых веревках висели друг против друга два окоченевших трупа. Это были юноша и девушка лет двадцати. Вокруг копошились эксперты, а неподалеку перед милицейским кордоном собралась толпа любопытных. Милиции было дано указание не пускать на поляну никого из посторонних, особенно корреспондентов. Единственный, кто был допущен из прессы к месту происшествия, — это спецкор «Коммерсанта» Анатолий Калмыков. Журналист по пятам ходил за начальником отдела по борьбе с организованной преступностью полковником Кожевниковым и настойчиво допытывался, какое отношение этот инцидент имеет к организованной преступности, если юноша с девушкой, судя по

предварительным данным экспертов, свели счеты с жизнью добровольно.

— Совершенно верно, — солидно отвечал полковник. — Никаких следов насилия у жертв не обнаружено. Скорее всего, они повесились по обоюдному согласию. Но все дело в том, что за этой парочкой мы гоняемся уже восемь месяцев. У следствия есть все основания полагать, что на их счету восемь заказных убийств...

Маргарита не любила осени. Осень всегда наводила на нее тоску. Другие времена года тоже не отличались особой веселостью, но осень высасывала из груди последние капли жизни. Каждой осенью Маргарита умирала, впадая в тяжелую депрессию, но в то октябрьское утро она проснулась с твердым намерением противостоять судьбе.

Она поднялась с постели и подошла к зеркалу. То, что отразилось в нем, не вызвало особого восторга, но и обычного уныния — тоже. Женщина как женщина, среднего роста, нормального телосложения, тридцати двух лет. Маргарите было ровно столько, сколько отразилось в зеркале. Старше своих лет она не выглядела, но и меньше ей никогда не давали. В ее внешности не было ничего отталкивающего. Почему же она до сих пор одна?

Маргарита сбросила сорочку, чтобы осмотреть свое тело более детально. Ноги, конечно, не от ушей, но короткими их не назовешь: прямые, гладкие, женственные, бедра средних размеров. Более того, при пристальном рассмотрении можно заметить, что у нее ножка маленькая, подъем изящный, пятки и щиколотки довольно тонкие, а на ступнях очень милые подушечки. Ягодицы тоже безукоризненные, еще довольно упругие, сорок четвертого размера. Талия, конечно, не шестьдесят, а шестьдесят пять сантиметров. У некоторых женщин ее возраста и того нет, однако живут. И даже с мужчинами. Грудь обыкновенная, один к одному как у Венеры Милосской. Такая сейчас не в моде, но говорить о том, что у нее вообще прыщики, тоже нельзя. Шея не сказать чтобы лебединая, но и не короткая, самая что ни на есть нормальная. Словом, сложена она безукоризненно, классически, по всем законам золотого сечения. Это тоже сейчас не в моде.

Маргарита вздохнула и стала пристально разглядывать свое лицо. Губы обыкновенные. Нормальные отечественные губы, интеллигентные, без всяких куртизанских припухлостей. Нос как нос, тонкий, чуть вздернутый. Глаза как глаза, конечно, не таких размеров, как у коровы, но поросячьими их тоже не назовешь. Более того, глаза даже могут показаться красивыми: кошачий разрез, серые, больше к голубому.

Женщина всмотрелась в свое отражение и увидела в глазах такую тоску, что стало тошно. Вот что отталкивает мужчин, — глаза. Говорят, мужчины в первую очередь смотрят на ноги, но это неправда. Без сияющего взора даже самые красивые ноги не привлекут внимания мужчин. Она попробовала улыбнуться, но улыбка смотрелась затравленной усмешкой. «Классическая старая дева», — мелькнуло печально, и Маргарита поплелась в ванную. Там, через силу шаркая зубной щеткой, она подумала, что с глазами нужно что-то делать: либо закапывать в них капли для блеска, либо прятать под очками, либо выколоть к чертовой матери!

Сегодня она решила действовать. Высушив феном волосы, подкрасив ресницы и надев самое лучшее, Маргарита вскрыла копилку и выгребла из нее все свои накопления за три года. Это чуть более трехсот долларов. Она без всякого сожаления положила их в сумочку, надела шляпу, плащ, очки и вышла на улицу.

Погода была омерзительной. Тяжелые тучи висели над головой, и от этого казалось, что на безлюдных улицах столицы еще раннее утро, хотя часы показывали двадцать минут двенадцатого. Дождя не ожидалось, но ветер был настолько ледяным, что хотелось плюнуть на все и вернуться домой. Однако Маргарита твердо решила либо изменить свою судьбу сегодня, либо вообще никогда. Конечно, она зря надела широкополую шляпу в такой

ветрище. И очки тоже зря. Но не возвращаться же...

Маргарита не стала ждать автобуса, а пошла к метро пешком. Это всего четыре остановки. За время пути ни один мужчина не взглянул в ее сторону. А ведь на ней очки. Значит, дело не только в глазах. Дело в чем-то еще. Сегодня она это выяснит.

В метро было пусто, поскольку день субботний. Она спокойно доехала до Кропоткинской, без труда нашла нужную улицу и дом. Произошла, правда, небольшая заминка у подъезда, поскольку она не знала кода. Но пока Маргарита раздумывала, откуда можно позвонить, дверь подъезда отворилась и из него вышла молодая женщина с ребенком. Наша героиня, воспользовавшись моментом, тут же нырнула в подъезд, поднялась на лифте на седьмой этаж и позвонила в нужную квартиру. Когда она услышала за дверью шаги, в груди неопределенно екнуло. «Если и на этот раз наткнушь на жуликов, то так и умру старой девой», — мелькнуло в голове.

В то же мгновение дверь широко распахнулась, и перед Маргаритой возникла стройная блондинка лет двадцати двух в вельветовых джинсах, розовом джемпере и с обворожительной улыбкой. «Вот на таких мужчины западают», — отметила про себя Маргарита и произнесла:

— Могу я видеть потомственную колдунью Анжелику?

— Можете, — обаятельно произнесла девушка и провела ее в какую-то маленькую комнатку с занавешенными окнами. — Посидите, Анжелика сейчас вас примет!

Девушка исчезла, а Маргарита осмотрелась. Это была бывшая кухня, из которой убрали плиту и мойку, наскоро обклеили дешевыми обоями под дерево и занавесили окна, чтобы посетители не замечали засаленных углов и желтых потолков. Даже с мебелью поскупились: два обшарпанных кресла и сильно поцарапанный журнальный столик, видимо приобретенные в комиссионке, — вот и весь интерьер салона магии и астрологии.

Через пару минут в комнату вошла сияющая девушка, сказала, что предсказательница ждет, и повела посетительницу через коридор в самую дальнюю комнату. По пути Маргарита, заметила, что эту типичную двухкомнатную квартиру изо всех сил пытаются выдать за офис с помощью приглушенного света, дешевых обоев под дерево и какой-то нелепой чеканки, развешенной по стенам. Такое открытие не подняло настроения клиентки. Если она заподозрит обман, то денег от нее не добьются.

Маргарита вошла в полутемную, обкуренную благовониями и обвешанную иконами комнату, посередине которой стоял огромный стол, накрытый бордовым бархатом. На столе горели две тоненькие свечи. За столом сидела пухлая женщина лет тридцати пяти с белым лицом и распущенными волосами. «У этой талия все восемьдесят, — подумала Маргарита. — А наверняка мужики от нее без ума».

За спиной предсказательницы висела огромная плюшевая занавеска — панно с каким-то азиатским орнаментом.

Ее черные глаза очень внимательно осмотрели гостью. Затем колдунья взяла в руки зеркальный шар, величиной с хоккейный мячик и, не отрывая глаз от посетительницы, принялась вращать пухлыми пальцами.

— Кто вас направил ко мне? — спросила строгим, властным, но в то же время вкрадчивым голосом.

— Никто, — оробела Маргарита. — Я прочла объявление в журнале «Семь дней».

— Я так и думала. Вам не случайно попало на глаза это объявление. Садитесь! — произнесла она ласково. — Вижу, у вас большие проблемы с мужчинами. Рассказывайте!

Маргарита присела и посмотрела предсказательнице в глаза. Эта упитанная чужая тетенька почему-то вызывала у нее доверие.

— Да, у меня проблемы с мужчинами, — честно призналась. — Они меня не замечают, словно я замороженная. Мне уже тридцать два года, а я все одна...

Предсказательница молча изучала посетительницу и крутила в руках шар. Она сурово осмотрела ее с головы до пояса, насколько позволял стол, затем неожиданно спросила:

— Вы кто по гороскопу?

— Телец, — ответила Маргарита.

Колдунья расширила глаза.

— Как вы вовремя! Сегодня последний день новолуния. Завтра начинается власть Сатурна. А он не любит тельцов. Вам покровительствует только Луна. Сегодня решающий день в вашей жизни. Само провидение послало вас ко мне.

Колдунья закрыла глаза и стала что-то страстно шептать над свечкой. Затем внезапно взяла левую руку Маргариты и вложила в нее шар. Кисть сделалась полупрозрачной.

— Вижу причину вашего одиночества, — произнесла предсказательница. — На вас карма предков, поэтому вас не хотят мужчины. Был человек, который хотел вас как женщину и который мог бы снять вашу карму. Но вы его отвергли.

— Да-да, — закивала головой Маргарита. — В десятом классе один тип из параллельного класса приставал ко мне на дискотеке. Пьяный. А потом чуть не изнасиловал на скамейке.

— Вижу! Это была твоя судьба. По звездам, именно он должен был лишить тебя девственности.

Глаза Маргариты сделались круглыми.

— Тот пьяный козел? Он вонял блевотиной, мочой и потными носками!!!

— Такова жизнь, — сурово произнесла колдунья. — В ней ничего не дается даром. Чтобы что-то получить, нужно с чем-то расстаться. Древние приносили человеческие жертвы, чтобы остальные жили в мире. Святые ради возвышения духа отдавали на поругание тело. Ты же свое тело оставила себе и теперь его ненавидишь. Запомни, никому не нужное сокровище не нужно и тому, кто им обладает. Оно имеет цену только в том случае, когда его хотят другие.

Маргарита растерялась.

— Как это? Значит, мне не нужно было сопротивляться?

— Что было, того не вернешь, — неопределенно ответила колдунья.

— И уже ничего не исправить? — пробормотала Маргарита, бледнея.

Колдунья тяжело вздохнула и отрицательно покачала головой. Гостья с мольбой заглянула прорицательнице в глаза, но та отвела взор. Маргарита проглотила слюну и произнесла не своим голосом:

— Так я и знала. Сколько с меня?

— Моя такса триста долларов, — ответила Анжелика. — Но я не беру денег с тех, кому не могу помочь.

— Значит, мой случай безнадежен, — через силу улыбнулась Маргарита, медленно поднимаясь со стула. — Но, может быть, вы посоветуете, к кому мне можно обратиться еще?

— Обратиться можно, — покачала головой предсказательница. — Но времени у вас уже нет. Сегодня последний ваш день, в который еще можно избавиться от кармы. Дайте правую руку!

Колдунья взяла руку своей расстроившейся клиентки и положила ее на шар. Она долго всматривалась в полупрозрачную кисть с розовыми ветками вен, после чего устало опустила веки и еле слышно произнесла:

— Вижу!

— Что? — прошептала Маргарита, холодея от ужаса.

— Вижу рядом с вами мужчину. Это не просто мужчина. Это ваша спасение.

Глаза Анжелики вспыхнули лунным фосфорическим светом.

— Слушайте меня внимательно: первому попавшемуся в брюках, который сегодня обратится к вам на улице, вы должны сказать: «Я хочу, чтоб вы пошли со мной...» Кто бы это ни был, что бы он у вас ни спросил.

— И вести к себе? — рассеянно пробормотала Маргарита.

— Разумеется, — ответила Анжелика.

— Но со мной обычно не заговаривают на улице.

— Сегодня заговорят.

Маргарита дрожащими руками расстегнула сумочку, вытащила из нее три стодолларовые купюры и робко положила на стол. Она взглянула предсказательнице в глаза, скороговоркой поблагодарила и поспешно покинула квартиру.

Едва дверь за ней захлопнулась, занавеска за спиной колдуньи откинулась и из-за нее вышел высокий молодой брюнет с кобурой на ремне.

— Слушай, у меня очко сыграло, когда ты сказала, что не берешь денег с тех, кому не можешь помочь. Ну ты артистка! Даже я поверил!

— В нашем деле главное не столько раскрутить клиента, сколько сделать так, чтобы он не потребовал бабки обратно. Понял? Тут нужно очень капитально влезть в доверие. А доверия у таких теток можно добиться, только когда сделаешь вид, что ее несчастные баксы тебя не интересуют. Это же училка! Такая десять раз удавится, прежде чем расстанется со своими кровными.

— Тебе бы, Петровна, в театре работать! Ты так правдоподобно заливала про то, как люди жертвуют телом ради возрождения духа, что я чуть не прослезился. Ты откуда про все это знаешь? Ты же в школе всегда на осень оставалась.

— Еще раз назовешь меня Петровной, отправлю обратно в деревню, — раздраженно дернула плечами предсказательница, гася пальцами свечи.

— Извиняюсь! — виновато засмеялся парень. — Больше не буду. Хотя отчество у тебя как отчество. И с именем вполне сочетается... Кстати, как твоим родителям в деревне пришлось в голову назвать тебя Анжеликой?

— Не меня одну так назвали. И не только в моей деревне. Это по всей стране такое поветрие было. После фильма «Анжелика — маркиза ангелов». Помнишь?

— Слушай, а как ты узнала, что на эту бабу вообще кто-то западал?

— По пьянке западают на всех. Хоть раз в жизни, но она была в пьяной компании. В России все-таки живет. И потом, у меня все-таки бабка была колдунья, — улыбнулась прорицательница, пряча гонорар в сейф за занавеской.

— Э-э! — поднял палец брюнет. — Про свои колдовские способности заливай кому угодно, только не мне. Тебя я знаю как облупленную. Мы с тобой все-таки в одной деревне росли. Нет, серьезно, откуда ты узнала, что она старая дева?

— Старых дев видно по глазам. У них взгляд тоскливый и осуждающий. К тому же у старых дев полностью атрофировано обаяние. Запомни, любая женщина, какой бы красивой ни была, без мужика — всего лишь бумажный цветок.

В это время в квартиру снова позвонили.

— Быстро на место и ни звука! — цыкнула на парня Анжелика.

Брюнет спрятался за занавеску, а колдунья зажгла свечи и приняла серьезный вид. Она услышала, как помощница впустила в квартиру клиентку и проводила ее на кухню. Затем проследовала к ней.

— Кто это, Вика? Опять она? — прошептала колдунья.

— Нет! Какая-то другая женщина. Из новых русских. Пахнет французскими духами. Плащ баксов за восемьсот. Костюмчик тянет на все пятьсот. Туфельки как у Золушки. Эта выложит двойную цену и глазом не моргнет.

— Зови! — приказала Анжелика.

Через минуту в комнату вошла стройная, красивая женщина, в черном деловом костюме, пахнувшая дорогой парфюмерией. Ее светлые волосы были аккуратно уложены под золотую заколку, на лице минимум косметики, в ушах бриллиантовые сережки, тонкие

пальцы в кольцах.

— Я слышала о вас как о самой проницательной ясновидящей, — грустно улыбнулась женщина, — поэтому к вам и приехала.

— Вижу, что само провидение направило вас ко мне, — серьезно произнесла Анжелика, насторожившись лестью посетительницы. — Сядьте и расскажите, что вас привело?

Женщина элегантно опустилась на стул и посмотрела предсказательнице в глаза.

— Можете вы по фотографии определить, жив человек или нет?

— Это элементарно. Фотография при вас?

Женщина щелчком открыла сумочку, вытянула двумя пальцами фото и протянула предсказательнице.

— Это ваш муж? — спросила Анжелика, всматриваясь в фото.

— Муж, — ответила женщина.

— Ушел из дома и не вернулся?

— Да, — еле слышно пролепетала женщина и судорожно вздохнула. — Прошло уже два с половиной года.

Анжелика долго, не мигая, в течение двух или трех минут глядела на фото, с которого смотрел на нее улыбающийся мужчина лет сорока, во фраке и бабочке, со скрипкой в руках. Колдунья подняла на посетительницу глаза и заметила, что та бледна, как бумага, и все это время не сводила с колдуньи глаз.

— Да не расстраивайтесь вы так, — неожиданно улыбнулась предсказательница. — Жив ваш муж.

— Что вы сказали? — встрепелась женщина. — Он жив?

— Жив! — подтвердила предсказательница. — Я его вижу живым. И рядом с ним вижу какую-то женщину.

Глаза клиентки расширились до невероятных размеров.

— Нет! Этого не может быть, — простонала она. — Он всегда был верным мужем. И всегда любил только меня! Посмотрите лучше!

Анжелика положила обе руки на стеклянный шар и закрыла глаза. С минуту она молчала, качаясь взад-вперед, затем произнесла:

— Эта женщина лет тридцати, среднего роста, глаза голубые, волосы пепельного цвета. Ничем особенным не отличается. Таких в Москве тысячи.

— Так мой муж в Москве? — удивилась женщина.

— В Москве, — кивнула Анжелика.

— А где именно, в каком районе?

Глаза посетительницы готовы были выпрыгнуть из орбит. Ее волнение не ушло от внимания колдуньи. Она закрыла глаза и напрягла лоб.

— Нет! Район определить невозможно, — произнесла она, вздохнув. — Требуется очень большое напряжение. Сейчас всю энергию я потратить не могу. У меня еще сегодня посетители.

— Я заплачу двойную цену! — воскликнула женщина и полезла в сумочку. Она вытащила из нее шесть стодолларовых купюр и бросила на стол.

— Немедленно уберите деньги, они мешают сосредоточиться, — сердито произнесла ясновидящая, поднимая ладони к вискам, но, едва посетительница протянула руку к столу, колдунья воскликнула:

— Вижу! Вижу Казанский вокзал!

Предсказательница отняла от висков ладони, тяжело вздохнула и устало покачала головой. Она подняла глаза на посетительницу, которая продолжала сидеть и пожирать колдунью своим сумасшедшим взглядом, и произнесла:

— Это все, что в данный момент я могу сказать про вашего мужа.

Посетительница намека не поняла.

— А чем он занимается? — спросила она, не сводя с предсказательницы глаз.

— Играет в метро на скрипке, — ответила ясновидящая, покосившись на фотографию.

— Этого не может быть, — растерянно прошептала женщина. — Он все-таки дипломант международного конкурса.

— В наши дни все может быть, — отрезала Анжелика.

И на этих словах в прихожей раздался звонок. «Клиент пошел косяком», — подумала колдунья и покосилась на валявшиеся на столе деньги.

— Что ж, — произнесла женщина, расстроенно поднимаясь с места, — пожалуй, я пойду. Но насколько, Анжелика Петровна, можно доверять вашей информации?

— На сто процентов! — рявкнула ясновидящая, неприятно удивившись тому, что эта женщина знает ее отчество.

— Можете вы рассказать еще какие-нибудь подробности? — спросила женщина.

— Могу, но в следующий раз. Сегодня я израсходовала весь свой энергетический потенциал.

Женщина щелкнула сумочкой и достала визитку.

— Я оставлю вам фотографию и визитку. Очень прошу вас, если увидите еще какие-нибудь подробности, позвоните мне на мобильный. Это будет оплачиваться отдельно.

Женщина тяжело вздохнула и вышла из комнаты.

— Эта бабенка — золотая жила, — прошептал за занавеской парень. — А ты вправду думаешь, что ее мужик жив?

— Вряд ли он жив, — произнесла задумчиво предсказательница.

— А вдруг найдут его труп? Тогда твоей репутации хана, — хихикнул за занавеской парнишка.

— Скорее твой труп найдут, если ты сейчас не заткнешься.

В комнату вошла Вика с недоумением на лице:

— Какой-то парень подозрительный. В кожаной куртке, в джинсах средней паршивости, пахнет пивом. Для клиента слишком веселый.

— Зови!

Через минуту в комнату вошел высокий небритый мужчина лет тридцати, в коричневой куртке, с кожаной сумкой через плечо, взлохмаченный, с зелеными живыми глазами. Он веселым и несколько ироничным взглядом осмотрел комнату, после чего широко улыбнулся хозяйке и плюхнулся на стул.

— Добрый день! Вы потомственная колдунья Анжелика... Извините, не знаю вашего отчества.

— Неважно, — ответила колдунья.

— Меня интересует вот что, — продолжал парень, нисколько не смутившись ее холодным тоном. — Я слышал, что вы заряжаете кошельки с целью приманивания денег. Такое действительно возможно или это сказки?

— Никакие не сказки, — произнесла обиженно Анжелика. — У людей бывает

кармическая бедность. Такие никогда не разбогатеют, если маги не снимут с них блокировку на прибыль. Обычно такие люди трудятся день и ночь, но все равно бедствуют. Это говорит о том, что в прошлой жизни они либо сами были ворами, либо их предки прибирали к рукам все, что плохо лежит. В этой жизни они искупают карму. Но такая карма бедности снимается так же, как порча или сглаз. Процедура это не простая. Но для меня нет ничего невозможного.

— Прекрасно! — обрадовался посетитель. — И сколько это стоит?

— В зависимости от тяжести кармы. В среднем от трехсот до пятисот долларов.

— Не так уж и дорого, если в перспективе навсегда расстанешься с безденежьем!

Значит, вы считаете, деньги нужно не зарабатывать. Деньги нужно приманивать! — сделал какой-то дурацкий вывод посетитель.

Анжелике это не понравилось.

— Вы хотите, чтобы я посмотрела вашу карму?

— Почему бы нет? Если вы зарядите мой кошелек, я буду счастлив. Но учтите, я не совсем клиент. Я журналист.

Посетитель вытащил из кармана удостоверение и сунул в лицо колдунье. «Леонид Берестов, — прочла она. — Газета «Московские вести».

— Колдовство и магия это как раз моя тема. Но прежде чем посмотреть мою карму, не согласились бы вы мне ответить на несколько вопросов?

— Нет! — отрезала колдунья.

— Нет — потому что боитесь разоблачения? — добродушно улыбнулся журналист.

— Нет — потому что устала, — произнесла как можно спокойней Анжелика. —

Сегодня я потеряла много энергии, поскольку работала с фотографией. Это отнимает такие силы, которые надо восполнять неделями.

— Вы лечили? — иронично произнес Берестов, косясь на фото на столе.

— Определяла, живой или мертвый.

— Это у той женщины, с которой мы столкнулись в коридоре? — оживленно завопил журналист. — У нее пропал родственник? Ушел из дома и не вернулся?

— Я не имею права разглашать тайны клиентов.

— Какие же это тайны? У нас в газете есть специальная рубрика «Найди меня». Мы помогаем разыскивать людей. Так что можете смело дать мне адрес вашей клиентки. Я ей могу помочь реально, а не виртуально.

Анжелика, не раздумывая, протянула назойливому гостю визитку своей посетительницы и сказала:

— Оставьте моей помощнице ваш телефон. Она вам позвонит.

— Так вы не отказываетесь от интервью? — поднял брови журналист. — Прекрасно!

Только запомните, порча, лечение, сглаз меня не интересуют. Меня интересует механизм приманивания денег...

Когда Маргарита вышла на улицу, то заметила, что небо немного просветлело. Ветер утих, но теплее не стало. Прохожих на улице было по-прежнему мало, все с озабоченными лицами неслись по своим делам. Какие, к черту, мужчины? Кто с ней заговорит? Сегодня суббота. Жены хлопочут на кухне, мужья возлежат перед телевизором.

Но ощущение, что сегодня произойдет нечто судьбоносное, осталось. Она решила поехать на Пушкинскую. Там много праздного сброда. Маргарита вспомнила того придурка из параллельного класса и представила, что бы было, если бы она отдалась ему тогда на скамейке. Несчастную бросило в дрожь. Грязные руки, отвратительный запах, тупая похотливая физиономия! Воспоминание вызывало такое омерзение, что к горлу подкатила тошнота. И она, согласно звездам, должна была ему принести свое тело в жертву? Ну уж нет! Лучше умереть старой девой. И плевать она хотела на звезды, которые предначертали ей такую судьбу.

Честно говоря, Маргарита не особенно верила в судьбу. Она никогда не давала объявления в газеты о знакомстве, но всегда их читала. Читала с улыбкой и, когда попадалась подходящая партия, обводила объявление ручкой, но никогда не звонила. Так же скептически она относилась к брачным агентствам и своим подружкам, обещавшим познакомиться с будущим спутником жизни.

Знакомили ее шесть раз. С двумя неженатыми и четырьмя разведенными. Оба неженатых после вечеринки провожали ее до дома. Оба обещали позвонить на второй день, но не позвонили. Из четырех разведенных трое ее обнимали, но все трое избегали притрагиваться к интимным местам. Один трижды поцеловал в засос, а потом расстегнул две верхние пуговицы. После чего расплакался у нее на груди и признался, что развод с любимой женой — это самая большая глупость в его жизни. В тот вечер Маргарита успокоила его чем могла, в основном валерьянкой и советом объясниться с бывшей супругой, после чего проводила его с богом.

Это было четыре года назад. С тех пор в ее квартиру не ступала ни одна мужская нога. Жизнь текла своим чередом, скучно и безрадостно. Маргарита преподавала в музыкальной школе гитару, вела дополнительные занятия, чтобы подработать, и поэтому особой нужды не испытывала. Все у нее было, все она имела, всего у нее хватало. Вокруг люди мучились от безденежья, отсутствия жилья, безработицы, падения рубля, повышения цен. Всех каким-то образом задевал кризис, волновали хаос в стране, коррупция в верхах, разгул преступности в низах. Ее странным образом это не задевало. Квартира у нее была — двухкомнатная, светлая, прекрасная, просторная. Досталась от бабушки. Мебель тоже. Подарила тетка из Америки. С одеждой тоже никаких особых проблем не было. То приносили подруги, то присылали родственники. Никогда она не испытывала «напряга» с деньгами. Все ей выплачивали вовремя, возвращали в срок, если не хватало — сотрудники давали займы. Как-то так получалось, что все социальные, коммунальные и бытовые проблемы всегда проходили мимо нее. И только не было в жизни самого главного — любимого человека.

Маргарита не спеша цокала по Тверской в сторону Красной площади и тайком посматривала по сторонам. Даже на Тверской в этот день и час народу было немного. В основном малолетки и иностранцы. Коренные жители столицы по субботам выползают из квартир ближе к вечеру. Уныние и отчаяние опять стали расплзаться по телу и разъедать

душу, точно соляной кислотой.

И вдруг под козырьком гостиницы «Интурист» она увидела высокого красивого мужчину лет сорока, в длинном стильном пальто и фетровой шляпе — единственный мужчина на всем ее пути. Он явно был иностранцем, поскольку смотрел на нее прямо, широко и белозубо улыбался. Сердце Маргариты забилося. Если он обратится к ней на иностранном, на каком языке она должна будет произнести свою заветную фразу? В случае чего, она сможет ответить и по-английски, поскольку владеет им свободно. И даже по-французски. Вот с немецким у нее сложности. Но, кажется, это не немец, а американец.

Мужчина грациозно сошел со ступеней и двинулся ей навстречу. Только бы не заметил он эту собачью тоску в глазах. Нужно срочно изобразить улыбку!

Когда он подошел совсем близко, Маргарита вдруг разглядела, что он смотрит не на нее, а куда-то за ее спину. Она оглянулась и увидела роскошную длинноногую женщину в шикарном пальто-разлетае и шелковом кашне с кистями. Она улыбалась мужчине и кокетливо делала глазки. Маргарите ничего не оставалось, как позорно потупить взор и прибавить шаг. Она услышала сзади французскую речь и оглянулась. Парочка мило обнималась.

В переходе «Торговых рядов» с ней неожиданно заговорила сидящая на ступенях старушка. Одной рукой она крестилась, другую протягивала Маргарите.

— Поддай, дочка, сколько сможешь, на хлеб!

Еще не отошедшая от смущения после облома с иностранцем, Маргарита остановилась, внимательно осмотрела бабульку и протянула ей десять рублей. «Поскольку она не в штанах, ее незачем тащить домой», — усмехнулась про себя и уныло поплелась дальше.

Она походила по «Торговым рядам», пересекла по диагонали Манежную площадь, послушала стихи какого-то поэта, читающего под лошадью Жукова, и, немного подумав, решила перекусить в кафе около ГУМа.

Вокруг по-прежнему было безлюдно и сонно, будто утро еще не кончилось. А между тем на часах обозначилось три. В кафе сидела молодая пара иностранцев и две девушки со скрипками в кофрах. Маргарита заказала кофе и два бутерброда с горбушей. Не успела она приложиться к чашке, как с улицы зашел мужчина средних лет с озабоченным лицом в замшевом пальто. Он внимательно посмотрел на Маргариту и направился к бару. Заказав пиццу, чипсы и бутылку пива он подошел к ее столику. Маргарита побледнела и отвернулась к окошку. Мужчина сел напротив и посмотрел еще более внимательно.

— Извините, — произнес он, сморщив лоб, — это вы Сверилина?

Маргарита вне себя от волнения подняла на него испуганные глаза и уже открыла было рот, чтобы произнести роковую фразу, как в тот же миг в кафе влетела запыхавшаяся женщина в длинном сиреневом пальто. Она сразу же бросилась к их столику и спросила у мужчины:

— Извините, вы Олег?

— А вы Маша Сверилина? — оживился мужчина. — Слава богу! А то я подумал, что не в то кафе пришел. Что вам заказать?

Они пересели за соседний столик и стали оживленно беседовать по поводу какого-то загородного дома. Маргарита быстро проглотила бутерброды, допила кофе и поспешно покинула кафе. На улице она отдышалась и вдруг поняла, что колдунья ее обманула. Вся инсценировка в той двухкомнатной квартире на Кропоткинской, называвшейся магическим салоном «Анжелика», с фальшивыми дешевыми обоями, благовониями и свечами была

устроена для того, чтобы с нее, с бедной несчастной Маргариты, содрать ее последние триста долларов.

Слезы навернулись на глаза. Денег было не жалко. Обидно было за этот жалкий мир, привыкший наживаться на чужих несчастьях, но если бы только на несчастьях, на самом сокровенном — на людских надеждах.

Маргарита подошла к автомату и набрала номер телефона своей подруги Светки. Всегда, когда ей плохо, она изливает душу Светке. Это, конечно, гнусно — звонить лучшей подруге только в том случае, когда плохо. У Светки и без нее хлопот полон рот. У нее два сына. Младший нормальный, а старший имбецил, с которым она мучается уже двенадцать лет и еще не научилась улыбаться. И все же кроме Светки, у которой не жизнь, а сплошной ад, Маргарите пожаловаться было некому.

Светка оказалась дома. Звонку Маргариты Светка обрадовалась.

— Я сегодня отдыхаю! Я сегодня кайфую! — сообщила она радостно. — Муж забрал пацанов и повез к родителям. Я одна, в тишине, пью кофе, лопаю банан, спокойно, без страха, что сейчас Кирилл подбежит и вырвет из рук. Словом, я наслаждаюсь жизнью. А у тебя как дела?

Маргарита подумала, что это очень эгоистично омрачать своими проблемами подруге праздник, который выпадает раз в три месяца, однако не выдержала и рассказала во всех подробностях о своем визите к колдунье и о том, как ее по-детски обвели вокруг пальца. Когда она закончила, Светка долго молчала. Потом неожиданно спросила:

— А как сложилась жизнь того парнишки из параллельного класса, которому ты не далась?

— Странный вопрос. Откуда я знаю? — пожала плечами Маргарита. — Шпаной он был уличной и пьянью гидролизной. Наверное, сейчас на зоне отбывает очередной срок. А может, уже скопытился или спился. А ты зачем меня о нем спрашиваешь?

— Видишь ли... — задумчиво произнесла Светка, — в этом что-то есть: никому не нужное сокровище не нужно и тому, кто им обладает. Слушай, когда тебя лапал тот парнишка после дискотеки, твое тело как-нибудь отзывалось?

— Бр-р! О чем ты говоришь? Я вспоминаю об этом с диким омерзением.

— Значит, все-таки отзывалось?

— Если чувство омерзения можно так назвать.

— Можно! Тело противится, значит, что-то чувствует. Понимаешь? Слава богу, что ты не знаешь полного равнодушия тела к мужскому прикосновению. Не души, а именно тела. Порой душа может откликаться, а тело равнодушно.

— Я понимаю... — неуверенно, произнесла Маргарита, вспоминая прикосновение всех тех мужчин, с которыми ее пытались свести подруги. Ни на одно прикосновение ее тело не реагировало.

— Я много думала на эту тему, — произнесла Светка. — У меня был в жизни один человек. От его прикосновения вздрагивала каждая клетка моего тела. Понимаешь? Это было перед свадьбой. Мы уже подали с Вадькой заявление, и он уехал в командировку. А я пошла в трехдневный водный поход. Народу там было уйма. И вот вечером к нам в палатку подселили одного туриста. Как звать — не знаю. Ложится в спальнике рядом со мной. И вдруг среди ночи начинает меня лапать. Подружки храпят, а он лапает. Я, естественно, сопротивляюсь, поскольку — девственница, а сама умираю. Каждое его прикосновение пронизывает меня насквозь. Понимаешь, собрала я последние силы и отправилась спать в

другую палатку. Вот за это меня бог и наказал.

— Чем? — удивилась Маргарита.

— Неужели не понимаешь? Кириллом! Отдайся я в ту ночь тому парнишке, у меня бы родился нормальный ребенок. Вместо этого я три дня ходила как пьяная — чувствовала его прикосновения и отводила от него взгляд. Потом приехал Вадька и лишил меня невинности. Ни одна клетка не шевельнулась во мне. И не шевелится до сих пор.

— А куда он потом делся, тот парнишка?

— Утонул...

Снова возникло молчание. Маргарита окончательно приуныла. Она уже хотела попрощаться и положить трубку, как Светка неожиданно воскликнула:

— Слушай, как же у меня из дырявой башки вылетело! У нас на работе Петрович из конструкторского отдела развелся с женой. Он попросил меня подыскать ему женщину. Я сказала, что у меня есть подруга — симпатичная, отзывчивая, интеллигентная, с двухкомнатной квартирой. Он сразу заинтересовался.

Маргарита криво усмехнулась и произнесла со вздохом:

— Ты читала «Божественную комедию»? Данте? Обратила внимание, что сводники в аду находятся на самом дне, гораздо ниже убийц и садистов. А знаешь почему? Потому, что сводить людей для совместной жизни — прерогатива богов, а не презренных людей.

— А разве я хочу свести вас для совместной жизни? — удивилась Светка. — Я просто хочу познакомить любимую подругу с интересным человеком. Не более. Словом, так, Ритка! Сейчас я ему позвоню. А ты мне перезвони через пять минут.

Ровно через пять минут Маргарита перезвонила Светке, и та, не спросив даже «кто?», взволнованно воскликнула:

— Он нас ждет! Встречаемся через час у Казанского вокзала!

Маргарита повесила трубку и поморщилась. Это новое знакомство ей не нравилось. В нем было явно что-то унижительное. Она взглянула на часы и направилась к метро. Через двадцать минут она уже была на «Комсомольской». Не торопясь вышла, миновала три длинных перехода, осмотрев по пути все киоски, и только после этого подошла к зданию Казанского вокзала. Но до встречи все равно еще оставалось долгих полчаса.

Она побрела в сторону универмага. У вокзала наблюдалась суeta. Сновали носильщики с тележками, спешили к поездам пассажиры с баулами и чемоданами, таксисты зазывали приезжих, отъезжающих обрабатывали какие-то предприимчивые молодые люди, предлагая в качестве подарка утюги и миксеры. Бомжи с бордовыми лицами рылись в урнах и тянули к прохожим немые ладони.

Маргарита остановилась около пустой скамейки, чтобы взглянуть в зеркальце. Расстегнула сумочку, достала помаду и вдруг услышала позади усталый мужской голос:

— Девушка, скажите, какой это город?

Маргарита резко обернулась. Перед ней стоял бомж. Он был в ушанке, мятом потасканном пальто, раздолбанных ботинках и грязных рваных джинсах. Бомж был с длинными слипшимися волосами и кучерявой бородой. Его лицо давно не видело мыла, однако перегаром от него не пахло. На вид ему было не больше сорока. Лицо белое, а не бордовое, как у классических алкоголиков, глаза большие, синие, печальные. В них была какая-то растерянность, а не желание выпросить на пиво.

— Я хочу, чтобы вы пошли со мной, — неожиданно произнесла Маргарита.

На улице журналист завел машину и взгляделся в визитку, которую сунула ему прорицательница — лишь бы отвязался. К такому обращению Берестов привык. Такова журналистская доля — сносить пренебрежение и неприязнь. Также было очевидно, что добровольно колдунья интервью не даст, а тем более никогда не согласится сфотографироваться. Берестов на жуликах подобного рода съел собаку. Она будет откладывать встречу на неделю, на месяц, на два, а потом съедет с квартиры, потому что к этому времени накопится порядочное количество клиентов, которые захотят вернуть свои деньги обратно. Так что Берестов по ее поводу особых иллюзий не питал. Ему нужна была обманутая клиентка, которой зарядили кошелек.

Выцыганенная у колдуньи визитка была шикарной: из черного пластика, с обеих сторон на английском и русском выгравировано золотыми буквами: «Баскакова Виктория Эдуардовна — директор международного концертного агентства «Орфей». Там же было несколько телефонов, в том числе и два мобильных.

Берестов позвонил по одному из них, и ему ответил обаятельный женский голос.

— Добрый день, Виктория Эдуардовна! Вам звонит журналист Леонид Берестов. Ваш телефон мне дала хозяйка магического салона «Анжелика». Она мне рассказала, что вы разыскиваете своего пропавшего мужа. Может быть, я вам смогу чем-нибудь помочь?

— Чем же вы сможете мне помочь? — спросила женщина после некоторого молчания.

— В нашей газете есть рубрика под названием «Найди меня!». Вы расскажете, где, когда и при каких обстоятельствах исчез ваш муж. Поместим его фотографию. Может, кто-то его и видел. Наши читатели очень активны.

Женщина долго раздумывала. Затем произнесла:

— Спасибо. Я обойдусь своими силами.

— Вы меня удивляете, Виктория Эдуардовна! — горячо воскликнул Берестов. — Вы обращаетесь к проходимцам, платите им большие деньги и отказываетесь от бесплатных услуг тех, кто может вам помочь реально.

— По-вашему, Анжелика Петровна проходимка? — удивилась женщина.

— Естественно! Я этой колдовской братией занимаюсь десять лет. Девяносто процентов из них шарлатаны. Настоящих — один на тысячу, и то вряд ли.

После этих слов в трубке воцарилось молчание.

— Ну... хорошо, — произнесла женщина неуверенно. — Тогда давайте встретимся...

Встретились через час на Кузнецком мосту. Берестов пересел из своих «жигулей» в ее белый «мерседес», и сразу же его обволокло запахом нездешней дорогой парфюмерии.

Красивая молодая женщина, холеная, ухоженная, в бриллиантовых сережках и золотом колье смотрела синими глазами на журналиста так внимательно, что Леонид смутился.

— Вы сказали, что колдунья Анжелика проходимка? — спросила, сощурив глаза.

— Естественно! Кто обладает даром ясновидения, не берет денег. Это закон. Кто свой божий дар пускает на коммерческие рельсы, у того бог его отбирает. Так говорят настоящие маги.

— Вы мне можете найти настоящую ясновидящую?

— Найти проблемы нет. Но, может быть, вам следует производить розыск более традиционными методами, через средства массовой информации например...

— У меня не совсем обычный случай, — перебила женщина. — Два года назад мой муж был объявлен в розыск. А потом его останки нашли в Москве-реке. Меня приглашали для опознания. Это было ужасно. — Глаза женщины наполнились слезами. — Он был такой высокий, симпатичный, обаятельный, а тут его кости в какой-то коробочке метр на полметра. Что я могла узнать? Ну, часть полуистлевшей одежды. Вроде она. Зубы без единой пломбы. Тоже вроде его. И все.

— Значит, вы не уверены, что это были останки вашего мужа? — спросил Берестов.

— Тогда была уверена. Экспертиза доказала, что это именно он. Но недавно мне сказали, что снова видели его на улице в Москве.

— Что значит снова? — удивился Берестов.

— До того как выловили его труп, моего мужа без конца встречали на улице, — пояснила женщина. — Но после того как мы его похоронили, его больше никто не видел. Я уже смирилась с его смертью, но вот мне вчера опять звонит моя знакомая и сообщает, что Антона видели у Казанского вокзала.

Женщина шмыгнула носом и полезла в сумочку за платочком.

— А вы хорошо знаете вашу знакомую, которая звонила?

— При чем здесь это? Врать ей нет никакого резона.

— Она видела сама?

— Сама она не видела. Муж ее якобы видел. Как всегда! Начинаешь выяснять, кто видел, оказывается никто ничего не видел. Только слышал, что кто-то видел.

— Это типичный случай, пока не похоронят останки, — покачал головой Берестов. — Так что зря вы поспешили выложить деньги колдунье.

— Есть одно «но», — сказала женщина, промокнув платочком слезы. — До этого никто никогда не указывал место, где видели моего мужа. А в этот раз указали: Казанский вокзал. И Анжелика Петровна мне сказала, что мой муж обитает где-то у Казанского вокзала.

— Так-так-так! — закатил глаза Берестов, соображая. — Скажите, Виктория Эдуардовна... за эту подробность колдунья взяла с вас дополнительную плату? Ну, аргументировала якобы тем, что на это уходит много энергии.

— Да, взяла, — удивленно подняла глаза женщина. — Точнее, я сама предложила...

— Ну это понятно! А теперь вспомните, кто из ваших знакомых сказал, что видел вашего мужа у Казанского вокзала?

— Бывшая моя одноклассница.

— А не знакома ли бывшая ваша одноклассница с колдуньей?

— Нет. Близко, кажется, не знакома. Но пользовалась ее услугами два года назад...

И вдруг глаза Виктории сверкнули. Она посмотрела на журналиста осмысленным взором и тихо произнесла:

— Вы думаете, они меня обработали?

— Не думаю, а уверен, — улыбнулся Берестов. — Я вам сразу сказал, что знаю эту братию как облупленную. У них даже приемы по обработке клиентов одни и те же. Если маг говорит, что у него недостаточно энергии для более скрупулезного выявления каких-то деталей, то это явный намек, что клиент должен добавить...

— Но моя знакомая выбралась из нищеты только после того, как Анжелика зарядила ей кошелек.

— Это она вам сказала?

— Почему сказала? Все происходило на моих глазах. Ей никогда не везло с деньгами. И

муж ее пил. Тогда она пошла к Анжелике. Та подкорректировала ее карму, и проблемы исчезли. Моей знакомой стало везти.

Берестов понимающе улыбнулся.

— Верю, что после посещения колдуньи у вашей подруги появились деньги. Только не потому, что Анжелика сожгла ее карму, а потому, что она стала поставлять клиентов.

— Не может быть! — покачала головой женщина. — Со мной она не могла так поступить. Мы с ней знакомы с детства.

— А вы мне не могли бы дать ее телефон? — попросил Берестов.

— Без ее разрешения не могу! — ответила женщина.

— Я вам взамен обещаю дать адрес настоящей ясновидящей, бабки Матрены. Она живет, правда, в Тверской области, но по силе не уступает Ванге.

Женщина подумала и сказала:

— Что ж, записывайте. Но учтите, мы с вами не знакомы!

— Заметано! — обрадовался Берестов и полез в сумку за записной книжкой.

После того как они обменялись адресами, настроение Берестова значительно улучшилось. Главное было достигнуто: он получил клиентку, которой зарядили кошелек и которая, кажется, с колдуньей в доле. Это была удача. Да еще какая! Тем не менее смываться сразу было как-то неудобно.

— Если вы сомневаетесь, что ваш муж погиб, мы можем поместить в газете его фотографию. А, кстати, при каких обстоятельствах исчез ваш муж?

— При весьма странных, — вздохнула женщина. — Два года назад он выехал, как обычно, на работу, а вечером не вернулся. Он работал в оркестре театра «Рубикон». Первая скрипка. Победитель двух международных конкурсов. Музыкант в Москве довольно известный. Антон Баскаков! Может, слышали?

— Как же! Конечно, слышал! — воскликнул Берестов, выкатывая глаза. — Так это ваш муж? Вот как складывается судьба. Надо же! — грустно покачал головой Берестов, искренне сожалея о том, что за свои тридцать пять лет он ни разу не был в «Рубиконе» и никогда не слышал о скрипаче Антоне Баскакове.

— С утра была репетиция, — продолжала Виктория Эдуардовна. — После нее Антон должен был поехать в автосервис менять шины, но почему-то не поехал, а отправился куда-то пешком. Назад не вернулся. Машина несколько дней стояла у театра. А он исчез. Через год его останки нашли в Москве-реке. Случайно. Во время очистительных работ. Он был убит из пистолета двумя пулями.

— Что говорят правоохранительные органы?

— Уголовное дело еще не завершено. Прокуратура уверена, что убийство заказное.

— Заказное? У него были враги?

— В том-то и дело, что не было. Предполагается, что его убили по ошибке. Следователь мне сказал, что Антон был похож на одного авторитета из можайской криминальной группировки...

Женщина судорожно вздохнула и отвернулась к окну. После некоторого молчания она произнесла:

— Вы оставьте свой номер телефона, возможно, я воспользуюсь вашим предложением...

Словно в забытьи неслась Маргарита в сторону метро, и сердце ее колотилось. Незнакомец молча следовал за ней, не отставая ни на метр. Не оглядываясь, девушка прибавляла шаг и чувствовала, что идущий за ней мужчина тоже ускоряет ход. Бомж не стремился поравняться с ней, а шел на одинаковом расстоянии, в полутора метрах позади, шаркая разбитыми ботинками. Она вошла в метро через турникет и помчалась вниз по ступеням, услышав, как сзади захлопнулись створки.

Маргарита оглянулась. Бомж покорно стоял перед турникетом и растерянно смотрел ей вслед. К нему уже спешил контролер, чтобы выгнать на улицу. Сердце Маргариты сжалось. Она оглянулась второй раз и увидела, что контролер тащит бомжа за рукав в сторону милицейского пункта, а тот растерянно указывает вниз рукой, пытаясь что-то объяснить.

Женщина решила больше не оборачиваться, чтобы не терзать сердца. Она прошла на другой конец зала, села на скамейку и закрыла лицо руками. Сейчас домой, поставить к ногам обогреватель, плюхнуться лицом в подушку и обо всем забыть...

Маргарита услышала грохот подходящего поезда, оторвала от лица руки и обомлела. Он стоял в полутора метрах от ее скамейки, робко прислонившись к стене и украдкой посматривая на нее. «Как его пустили, боже мой? — мелькнуло в голове. — Сказать ему, чтоб отвязался?..»

Пассажиры высыпали из вагона. Маргарита вошла в переднюю дверь. Бомж вошел в заднюю. Она села на свободное место. Он прислонился к двери машиниста и опустил голову. Доехали до ее станции «Спортивная»: она — сидя на лавке, украдкой наблюдая за ним, а он — прислонившись к двери, уставясь на собственные ботинки. «Здесь уже нужно что-то предпринимать», — подумала Маргарита и вышла из вагона.

Бомж вышел следом и пошел за ней в том же темпе, что и она. «Сейчас доеду до верха и укажу на него милиционеру», — решила девушка, потом подумала, что это будет подло. Она ему просто скажет, как только они выйдут наружу, чтобы конал на все четыре стороны. И даст десять рублей.

Но когда вышли, Маргарита, повернувшись к нему и взглянув в глаза, увидела в них какую-то детскую доверчивость, и ее язык онемел. Она не сказала ничего. Молча развернулась на каблуках и пошла к своему дому через дворы. Он шел следом, но уже не в полутора метрах, а в трех. Когда девушка подошла к подъезду, он робко остановился на середине двора, не решаясь подойти поближе. Маргарита, открыв дверь, оглянулась на него, затем посмотрела по сторонам и громко скомандовала:

— А ну быстро в подъезд!

Он сорвался с места, подошел и остановился, не решаясь пройти вперед. Маргарита впихнула его в подъезд и захлопнула за собой дверь. Главное, чтобы не встретились соседи!

Соседи, слава богу, не встретились. Она вызвала лифт и, когда он подошел и распахнул двери, бомж решил шагнуть в него только после хозяйки. В абсолютном молчании они доехали до пятого этажа. Прежде чем выйти на площадку, Маргарита внимательно осмотрелась по сторонам, затем быстро отперла решетку, за ней — обе свои двери и, распахнув их, посмотрела на своего гостя.

— Входите! — произнесла она сурово.

Он взглянул ей в глаза и произнес.

— Только после вас.

Маргарита молча схватила мужика за воротник и втощила в прихожую, досадуя на его излишнюю воспитанность. Она захлопнула обе двери и, наконец, вздохнула с облегчением. Он робко стоял у двери и смотрел на нее, ожидая дальнейших приказаний.

— Что ж, раздевайтесь, раз уж вы здесь! — сказала она и, скинув с себя плащ со шляпой, повесила в шкаф.

Он разулся, обнажив свои рваные, разящие потом носки, снял пальто, оставшись в черной рабочей куртке, и перекинул пальто через руку, не решаясь, видимо, повесить свое рванье в шкаф.

— Положите ваше пальто на пол и идите в ванную, — произнесла Маргарита.

Он аккуратно положил пальто в угол и прошел в ванную. Хозяйка включила свет и сказала:

— Можете принять ванну. Шампунь наверху, мыло на полке. Вот этим розовым полотенцем можете вытереться.

— Спасибо! Вы очень добры, — произнес он вежливо и закрылся.

Маргарита прошла на кухню и открыла форточку. От его пальто пахло помойкой. Она немного поразмыслила, после чего решительно бросилась в прихожую, подобрала пальто с башмаками и отнесла их в мусоропровод. Затем спустилась на третий этаж к тете Лиде, которая на мужниных поминках навязывала всем костюмы и рубашки супруга, и спросила, не осталось ли что-нибудь из одежды.

— А зачем вам, Риточка? — поинтересовалась тетя Лида.

— Знакомые просили для беженцев из Чечни.

Одежда осталась. И очень даже много. Тетя Лида достала две рубашки: одну байковую, клетчатую, почти новую, другую белую, на выход. Нашлись пара брюк, джинсы, пиджак и турецкий джемпер, почти неношенный, потому что покойный не любил синтетику. Кроме того, нашелся спортивный костюм и черная болоньевая куртка.

— А как насчет нижнего белья? В Чечне ужасный дефицит.

Тетя Лида порылась в шкафу и извлекла из него две белые майки, кальсоны на ляпочках и трусы в горошек. Упаковав все это в четыре пакета, Маргарита вздохнула, что для полного счастья не хватает только носков и шлепанцев. Носков нашлось целых четыре пары, из чистого хлопка, а вот шлепанцев — увы. Зато остались китайские кеды сорок второго размера.

— Пойдет? — спросила тетя Лида.

— Вполне! — улыбнулась Маргарита.

Она поднялась в квартиру, и, кажется, вовремя. Распаренный и благоухающий ее французским шампунем гость уже вышел из ванной облаченный в свою старую одежду. Он дожидался ее в прихожей, не решаясь без команды пройти в комнату.

— Помылись? Прекрасно! — произнесла сурово Маргарита и сунула ему в руки пакет. — Теперь снова зайдите в ванную и переоденьтесь. А старую одежду сложите в пакет. Я ее выброшу в мусоропровод.

— Спасибо, — произнес он кротко и послушно закрылся в ванной.

Через две минуты незнакомец вышел облаченный во фланелевую клетчатую рубашку и синие джинсы, которые ему были коротки на целую ладонь. Зато рубашка и носки были впору.

Маргарита критично осмотрела его с ног до головы. Мокрые русые волосы его были

аккуратно зачесаны назад. Вымытая борода тоже выглядела вполне прилично. Глаза его немного прояснились и потеплели, но были по-прежнему настороженными.

— Пойдемте на кухню, — сказала Маргарита. — Есть хотите?

— Спасибо, я сыт! — торопливо ответил он.

Его вежливость начала раздражать хозяйку.

— Вы вообще-то кто? — спросила она миролюбиво, ставя на плиту чайник.

Глаза гостя сделались тревожными. Он напряг лоб, затем грустно улыбнулся и пожал плечами.

— Я не знаю, — прошептал он.

— Как это вы не знаете? — удивилась Маргарита. — Зовут вас как?

Глаза его снова сделались растерянными.

— Я не знаю.

Маргарита присела напротив и, сощурившись, пристально вглядывалась в гостя. «Может быть, шизик, сбежал из больницы. А я, дура, привела», — подумала она.

— Ну а где вы жили до этого?

— Не знаю, — ответил он.

— Вы что же, инопланетянин, ничего не знаете? А что вы знаете? Вы, может быть, лежали в больнице?

Глаза его сделались сосредоточенными.

— Нет. Больницу я не помню. Помню, я мыл бутылки...

— Их немывыми не принимали, что ли?

— Нет. Я мыл бутылки в цехе, на каком-то заводе, из шланга. На мне был резиновый фартук и резиновые сапоги.

Он замолчал, снова сморщил лоб. Затем посмотрел на хозяйку совершенно осмысленным взглядом:

— Еще помню, как я ехал в тамбуре какого-то товарного вагона и чего-то опасался. А вокруг были леса. С обеих сторон леса, леса, и так долго-долго... А потом я оказался в этом городе. Три дня назад на вокзале меня разбудил милиционер и выгнал на улицу.

— И вы все три дня ошивались на вокзале?

— Да. Я не знал, куда мне идти. А там я помогал пассажирам таскать чемоданы. Мне платили. Много платили. У меня есть деньги. Я вам заплачу за одежду. — Он полез в карман и вытащил несколько скомканных десяток.

— А где же вы спали? — спросила Маргарита, не обращая внимание на деньги и все больше убеждаясь, что он болен.

— Я, можно сказать, почти и не спал, — произнес он устало.

И тут только Маргарита заметила в его глазах ужасную усталость и поняла, что он буквально валится с ног и только робость и вежливость удерживают его в сидячем положении. Сердце ее сжалось.

— Сейчас я вас уложу, — произнесла она. — А пока поешьте.

— Нет-нет, спасибо, я сыт, — произнес он скороговоркой.

Она налила ему огромную чашку чая, моментально сделала три здоровых бутерброда, с сыром, горбушей и ветчиной и, строго приказав все съесть, пошла застилать диван в комнате. Когда она возвратилась в кухню, гость уже клевал носом, но при виде ее выпрямился и виновато улыбнулся. На столе перед ним не было ни крошки. Чашка из-под чая, чистая, лежала кверху дном около мойки. Тарелка, на которой лежали бутерброды, тоже

была помыта и аккуратно поставлена на полку. «Не похоже, что он из больницы, — подумала Маргарита. — У него манеры хорошего семьянина. Впрочем, возможно, это профессиональное. Ведь он мыл бутылки».

— Пойдемте, я вас уложу, — сказала она.

И гость покорно поплелся за ней. Увидев диван с белоснежной постелью, он испуганно попятился.

— Что вы. Мне лучше на полу.

— Быстро ложитесь. И больше ни слова.

— Спасибо. Вы очень добры, — произнес он растроганно и стал расстегивать рубашку...

В субботу вечером колдунья с охранником праздновали удачу. Вика сбегала за огненной водой и ушла домой, отказавшись участвовать в пьянке. Анжелика, открыв все форточки, чтобы выветрить благовония, нетерпеливо разлила водку и подмигнула охраннику. Парочка весело чокнулась и залпом опустошила стаканы.

— Если бы каждый день, как сегодня, — мечтательно причмокнул Валера. — Девятьсот баксов за день. Не фигово!

— У меня эти журналисты вот где сидят, — прохрипела прорицательница, хлопая себе по горлу. — Из-за них я уже седьмой раз меняю квартиру.

— Кстати! — воскликнул охранник, давась ветчиной. — Ты зачем журналисту отдала визитку этой тетки? Ее еще доить и доить.

— Второй раз с такой лучше не встречаться, — сказала Анжелика. — Поверь моему опыту.

— Так она же еще придет.

— Если успеет. На следующей неделе мы сматываемся на другую квартиру.

Колдунья разлила остатки, но выпить парочке не удалось. В прихожей раздался звонок.

— Это еще кто? — удивилась Анжелика. — Иди посмотри! Если кто-то из сегодняшних вернулся, скажи, что я буду только в понедельник.

Охранник отправился в коридор. Поговорил с кем-то через дверь и вернулся.

— Там какая-то девица. Ей надо срочно кого-то приворожить. Примешь?

Анжелика подумала и спросила:

— Как я выгляжу? Нормально?

— Да чего тебе будет со стакана?

— Зови! Водку тащи в кухню.

Парень взял бутылку со стаканами и вышел. Анжелика сгребла закуску в стол, закрыла форточку, зажгла свечи, благовония и поправила волосы. Она услышала, как в коридоре щелкнул замок. И вдруг какая-то возня донеслась до ее слуха. Явно послышался глухой шлепок, стон охранника, и тяжелые ботинки громко затопали по квартире. В тот же миг в комнату колдуньи ворвались четверо здоровых стриженных парней. Самый высокий презрительно скривил рот:

— Ты потомственная колдунья Анжелика?

— В чем дело, мальчики? Я никому ничего плохого не делала... — залепетала испуганно прорицательница.

— Заткнись! Так это ты, сука, воду мутишь? Давай рассказывай, где и у какого вокзала ты видела скрипача?

Анжелика покосилась на лежащую перед ней фотографию мужчины во фраке и все поняла.

— Ничего я не видела. Вы меня с кем-то перепутали...

— Заткнись! — зло скривил губы парень. — Ты днем сказала женщине, что ее муж жив. Так?

— Я наврала! — призналась колдунья.

Орлы переглянулись, а парень, медленно наклонившись к ней, зловеще прошептал:

— Ты знаешь, что бывает за такое вранье?

— Я знаю. Простите! Больше не буду, — забормотала по-детски.

— Так я не понял, — произнес парень, поднимая со стола фотографию, — этот скрипач жив или нет?

— Не знаю! — прошептала Анжелика, бледнея.

— Ты же колдунья!

— Нет, я не колдунья. Как на духу вам говорю, что не колдунья.

Парни снова молча переглянулись, и кривой рот их главаря растянулся в усмешке.

— Чего же ты людям голову морочишь да еще такие деньги берешь?

— Я больше не буду...

Парень вытащил из кармана сотовый телефон и протянул ей.

— Звони!

— Кому?

— Клиентке! Скажи ей, что вышла ошибочка. Никакого мужа у Казанского вокзала не видела, денежки возвращаю и выплачиваю компенсацию в таком же размере...

— Но у меня нет ее телефона.

— Она тебя оставляла визитку.

— Я отдала ее журналисту, Леониду Берестову...

Воцарилась жуткая тишина.

— Зачем же ты, сука, чужие визитки раздаешь, тем более журналистам, — произнес сквозь зубы парень и вдруг схватил своей могучей пятерней потомственную колдунью за волосы. — Ты знаешь, что за это бывает?

Слезы брызнули из глаз бедной Анжелики. Парень тяжело вздохнул и произнес:

— Набирай. Диктую!

Анжелика дрожащими руками взяла телефон, набрала продиктованный парнем номер и, услышав голос своей утренней клиентки, жалобным голосом сказала все, что от нее требовали.

— Деньги я вам верну, — произнесла она совсем упавшим голосом.

— В двойном размере, — подсказал парень.

— В двойном размере, — вздохнула она.

Затем обвела орлов заискивающим взглядом и кисло улыбнулась.

— Что? — спросила она в трубку. — Как на духу вам признаюсь, никакого дара у меня нет. Бабка моя, говорят, была колдуньей, а сама я — нет. Да-да! Простите Христа ради! Что? Сверилину не помню. Два года назад? Вообще не помню. Как на духу! Вот крест вам святой! Я многим вообще-то заряжала кошельки. Да? Ну, это случайность...

Весь разговор парни слушали внимательно, не шелохнувшись, не отрывая от нее глаз. Только когда она закончила, главарь позволил себе усмехнуться.

— Ну что, Анжелика Петровна, пора платить по счетам? Тысячу двести вы должны вернуть бедной вдове, четыре нам за вызов и тысячу за то, что вы работали без лицензии. Итого шесть двести. Извольте!

Колдунья растерялась:

— Но у меня нет таких денег!

— Вы берете по шестьсот баксов с клиента и у вас нет денег? — покачал головой главарь. — Рассказывайте! Вы хотите, чтобы мы вам включили счетчик?

— Нет. Я отдам!

— Еще тысячу сверху за вранье.

Анжелика тяжело поднялась с места и зашла за занавеску. В наступившей тишине было слышно, как проскрипела тахта, затем послышался шелест пакета, наконец зашелестели купюры. Всю эту процедуру четверо стриженных слушали не дыша, вытянувшись по стойке «смирно». Наконец Анжелика вышла из-за занавески и дрожащими руками протянула пачку стодолларовых купюр главарю.

— Надеюсь, не фальшивые, — улыбнулся он.

— Обижаешь, начальник, — скривила губы Анжелика.

Парень сунул пачку в карман, стремительно развернулся и пошел на выход. За ним, так и не вымолвив ни слова, дисциплинированно потопала его команда. Когда дверь за архаровцами закрылась, колдунья простонала:

— Козел, ты зачем их пустил?

В конце коридора послышался шорох и тихий стон. Через минуту в дверях, покачиваясь и держась за распухшую челюсть, появился охранник. Глаза его были мутны, на лице кровоподтеки.

— Профессионалы, собаки! — произнес он, прислонившись к косяку. — Вот бы мне с ними... с собаками... Ну что, Анжелика, пора уматывать в деревню.

— Тащи водку, идиот!

Угрюмо допив остатки, Анжелика нарушила молчание:

— Дисциплина, как в римских легионах. С такими ребятами можно далеко пойти.

— И откуда ты все знаешь: «римские легионы», «древние приносили жертвы, чтобы жить в мире»? Ты же в школе на одни тройки училась. Я сейчас думаю знаешь о чем? Хорошо, что Вики не было. Ее бы они точно пустили по кругу.

— Идиот, — прошипела сквозь зубы Анжелика. — Мы полные банкроты, а ты о какой-то Вике...

Когда минут через двадцать Маргарита заглянула в комнату, то увидела, что ее гость уже спит. Джинсы и клетчатая рубашка были аккуратно повешены на стул. Рядом с кроватью стояли кеды, и в них были вложены носки. Он лежал на спине, залихватски запрокинув руку под голову. Вторая рука лежала на животе поверх одеяла. Он спал очень тихо, почти не сопя, и поза его была красивой. Это Маргарита отметила сразу, как только вошла в комнату.

Маргарита видела спящих бомжей на лавочках, в углах забегаловок, в метро и просто на тротуарах. Их позы были жалкие, съезженные, сгорбленные. Они всегда лежали на боку, положив одну ладонь под щеку, а второй непременно закрывали солнечное сплетение, словно ожидая удара. Этот, не помнящий своего имени, спал в позе уверенного в себе мужчины, ибо Маргарита читала у Юнга, что уверенные в себе мужчины спят на спине.

Теперь, когда гость был в забытьи, можно было разглядеть его в деталях. Собственно, деталей было не так уж и много: то, что выползло из-под одеяла — голова, обе руки и половина ступни. Голова у него была как голова, простая, спящая, бородатая голова бомжа, а вот руки, теперь наконец отмытые от привокзальной грязи, были белыми, тонкими, с длинными красивыми пальцами, хотя и с черными отметками под ногтями. Маргарита обратила внимание и на его довольно тонкую кожу, под ней просматривался синий ажур кровеносной системы.

Ступня была не вполне отмытой, но если не брать во внимание давно не стриженные, загнутые ногти, то его нога была довольно аккуратной: ровные пальцы, мелкие щиколотки и размер не более сорок второго при росте приблизительно метр восемьдесят.

Скрупулезно рассматривать лицо Маргарита не стала. Спящих нельзя рассматривать пристально. Плохая примета. Отметила только, что напряжение в лице бомжа исчезло. Его лоб разгладился, и пропала глубокомысленная морщина между бровей.

Маргарита на цыпочках вышла из комнаты и посмотрела на часы. Еще не было семи. Светка должна уже вернуться с вокзала. Маргарита унесла телефон из прихожей в спальню и набрала ее номер. Когда позывные гудки оборвались, Маргарита вздохнула свободно.

— Алло! — услышала она Светкин голос.

— Светка, это я. Прости! — произнесла Маргарита полупшепотом. — Ты приходила?

— Я-то приходила. Ты куда делась? И почему ты шепчешь?

— Понимаешь, это сразу не объяснишь... Словом, у меня отдыхает один человек. Он не спал три ночи. Я боюсь его разбудить.

— Это мужчина? — спросила Светка.

— Не совсем, — замаялась Маргарита. — Как бы тебе объяснить...

— Что значит «не совсем»? — удивилась Светка. — Ты не можешь определить пол? Или он голубой?

— Да нет, пола он мужского. Но это не совсем то, что ты думаешь...

— Ты что, бомжа сняла?

— Как ты догадалась? Можно сказать, бомжа. Понимаешь, это не совсем бомж. Как бы тебе объяснить...

— Ритка, кончай юлить. Ты можешь сказать определенно? — повысила голос Светка. — Не совсем мужчина, не совсем бомж. Я ничего не понимаю!

— Я саманичего не понимаю. Словом, у меня в комнате спит мужик. Он ничего не

помнит. Даже как его зовут.

— Он в дупель, что ли?

— Нет. От него не пахнет.

— Обколотый?

— Да нет, вроде бы не обколотый.

— А ты посмотри на сгибе локтя, там должны быть следы от уколов.

— Сейчас посмотрю, ты подожди, Светка!

Маргарита на цыпочках прокралась в комнату и внимательно осмотрела сгиб локтя закинутой за голову руки. На сгибе было чисто. Осмотреть второй сгиб представляло некоторую сложность. Рука была прижата к животу. Маргарита вернулась к телефону.

— Светка, одна рука чистая, вторую рассмотреть не удалось. Что скажешь?

— Вообще-то наркоманы колют в обе. Значит, говоришь, три дня не спал?

— Да, сейчас спит как убитый.

— Говоришь, ничего не помнит... Ну, это обычное явление, если долго не спишь. Как проснется, все вспомнит. Но я тебе не советую ждать, когда он проснется и что-то вспомнит, вызови милицию, и пусть его заберут.

— А что я им скажу?

— Это уже твои заботы. Ой, звонят! Мои приехали! Я тебе перезвоню! Пока!

Как только Светка бросила трубку, Маргариту охватила тревога. «Действительно, нужно вызвать милицию, — подумала она. — Страшно оставаться с неизвестным мужиком ночью».

Однако никакую милицию она не вызвала. Легла в спальне на кровать и включила телевизор. Шла криминальная хроника: «Пойманы трое азербайджанцев, нигде не работающие и не зарегистрированные. Они врываются в квартиры москвичей в тот момент, когда хозяин открывал квартиру...» Маргарита поежилась. К ней и врваться-то нет никакой необходимости. Сама впустила. «Опергруппой Ленинского района Московской области задержан маньяк-убийца. Он проникал в квартиры одиноких граждан под видом работника РЖЭУ, после чего убивал хозяев и расчленял их в ванной...» Маргарита прикрыла ладонью рот и покачала головой. В данном случае и проникать не надо. Сама привела и в ванной помыла. Надо будет спрятать куда-нибудь все ножи. «Двадцатилетние юноша и девушка выбросились из окна девятого этажа...»

— Ну его к черту! На ночь глядя такое показывать... — прошептала Маргарита и переключила канал.

На другом канале шли новости культуры: «Победителем международного конкурса виртуозов, проходившем в Нью-Йорке, стал российский скрипач Олег Кирсанов. Он исполнил сонату собственного сочинения, за авторство которой был учрежден специальный денежный приз в двести тысяч долларов...»

«Неужели еще кого-то интересует классическая музыка? — усмехнулась Маргарита. — Неужели за нее еще отваливают такие деньги?»

Маргарите в музыкальной школе за преподавание классической гитары платили гроши. Если бы не дополнительные индивидуальные занятия, пришлось бы туго. Но учеников всегда хватало. Больше пятерых она старалась не брать. Каждый день по одному дополнительному после работы, вполне достаточно. Кстати, к понедельнику нужно будет разучить для ученика одну пьеску из Палау.

Но ты был в комнате, где спал бомж. Там же на стене висела гитара. Маргарита выключила телевизор и на цыпочках прокралась в комнату. За окнами было темно. Она не

стала зажигать свет, чтобы не тревожить гостя. Кинула взгляд на диван, но в темноте ничего не увидела. Она тихо подошла к тумбочке, открыла ее и нащупала пачку нот. И вдруг сзади скрипнул диван и раздался тихий стон. Маргарита замерла. После тягостной тишины бомж неожиданно произнес:

— Нужно вспотеть и выйти на ветер...

— Что? — переспросила Маргарита, холодея от ужаса.

Ее рука сама потянулась к торшеру. Она зажгла свет и увидела, что ее гость по-прежнему спит на спине, почти в той же позе, только рука из-под головы переключалась на лоб, ладонью вверх. Эту бессмысленную фразу он сказал во сне. Взор Маргариты привлек огромный рубец на его ладони. Лицо было по-прежнему спокойным, а дыхание ровным.

Маргарита облегченно вздохнула, взяла ноты, сняла со стены гитару и выключила свет. После чего отправилась на кухню и плотно закрыла за собой дверь. Она всегда играла на кухне. На кухне хорошая акустика. Однако поиграть не удалось. В спальне зазвонил телефон.

Звонила Светка.

— Ты как, живая? Бомжик тебя еще не расчленил?

— Типун тебе на язык! Криминальных новостей насмотрелась?

— Он по-прежнему спит?

— Спит.

— Милиция уже едет?

— Знаешь, я не вызвала. И, наверное, не вызову до утра.

— А не боишься?

— Боюсь.

— Это прекрасно, если боишься. Значит, чувство самосохранения у тебя еще не совсем атрофировано. Ну теперь расскажи подробно, как это тебя угораздило притащить в квартиру бродяжку с вокзала.

Маргарита рассказала подруге все, вплоть до его только что сказанной фразы и увиденного шрама на ладони. Светка долго раздумывала. Затем неожиданно спросила:

— Ты ножи спрятала?

Маргарита вздрогнула.

— Светка, кончай пугать. И без тебя у меня поджилки трясутся. Как психолог ты можешь сделать какое-нибудь заключение по поводу него?

— По поводу него — нет! По поводу тебя — могу.

На этом распрощались. Светка настоятельно советовала сдать его в милицию, Маргарита ответила, что подумает. Она достала из стола ножи и сунула их под холодильник. Туда же она засунула и никелированный топорик для разделки мяса. Затем порылась в сумочке и нашла газовый баллончик.

Эта находка несколько успокоила. Маргарита направилась в спальню, придвинула к двери пуфик и, не выключая светильника, легла в кровать. Баллончик решила на всякий случай держать в руке.

Вообще Маргарита всегда спала чутко. Ее часто мучила бессонница. За ночь она просыпалась по нескольку раз. Но тут, едва коснувшись головой подушки, она сразу же уснула и проспала без снов до утра.

Только под утро ей приснился удивительный сон. Она брела по аллею, усаженной с обеих сторон розами. Аллея вела к огромному дому с двумя колоннами в виде муз, держащих в руках по лире. Из него доносилась музыка. Маргарита была в длинном вечернем

платье из бордового бархата и золотых туфельках. На ней были дорогие украшения, а в руках белая лилия. И дом, и парк, и пруд, из которого она выудила лилию, принадлежали ей. Также она знала, что в доме находится тот единственный мужчина, которого она всю жизнь ждала, и маленькая дочка. «Все-таки я дождалась его, — подумала она во сне. — Кто же он?» И в тот же миг с крыльца ее дома вспорхнула и кинулась навстречу маленькая кудрявая девочка в трогательных белых панталончиках и розовом платице. За ней, полный достоинства, вальяжно сошел с крыльца высокий, стройный мужчина. Он улыбнулся ослепительной улыбкой и пошел навстречу. «Кто же он, кто?» — терялась она в догадках, пытаясь рассмотреть его лицо. Но это никак не удавалось. «Сейчас, сейчас он подойдет поближе и я увижу...»

Но когда он подошел поближе, сон оборвался. Последнее, что запомнилось из его облика, — высокий лоб и гладкий подбородок.

Было уже светло. Сквозь тюль можно было разглядеть, что над Москвой по-прежнему тучи. И ветер порывами налетает на стекла. Словом, действительность, в отличие от снов, не радуется разнообразием. Маргарита еще несколько минут лежала в постели, наслаждаясь нездешним обаянием этого сна и досадуя про себя, что так и не разглядела лица того мужчины, и вдруг вспомнила, что в ее квартире чужой человек.

Она сжала обе руки и не обнаружила баллончика. Бедняжка ощупала постель, залезла под подушку, посмотрела в карманах пижамы — баллончик пропал. Маргарита прислушалась. В соседней комнате царил подозрительная тишина. Она тихо поднялась, влезла в тапочки и тут-то увидела, что баллончик на полу.

Маргарита накинула халат, сунула баллончик в карман и бесшумно направилась в другую комнату. Заглянув туда, она с удивлением обнаружила, что диван не только пуст, но и заправлен покрывалом. Простыня с одеялом были аккуратно свернуты и положены вместе с подушкой на кресло. На стуле не висело никакой одежды.

Маргарита робко заглянула в кухню, но и там была пусто. И тут она увидела, что в ванной горит свет.

В ту же минуту дверь ванной распахнулась и из нее вышел гость. Он улыбнулся ей и вежливо произнес:

— Доброе утро! Я хотел уйти, но не нашел ни ботинок, ни пальто. Извините.

— Куда же вы хотели уйти? — спросила Маргарита.

Незнакомец задумчиво пожал плечами.

— На вокзал. Там нужны носильщики.

Его взгляд был более осмысленным, нежели вчера.

— Вы что-нибудь помните? — спросила Маргарита.

— Я помню все. Я вчера у вас спросил, что это за город, а вы сказали, чтобы я пошел с вами.

— А почему вы именно ко мне подошли с этим вопросом?

— Я ко многим подходил с этим вопросом. Мне отвечали по-разному: кто говорил, что это Лондон, кто — Париж, кто — Милан. Один даже сказал, что это Рио-де-Жанейро. Но в Рио-де-Жанейро у самого входа в вокзал растут две пальмы. Это я хорошо помню.

Последние слова вызвали у Маргариты улыбку.

— Пройдите на кухню и сядьте за стол. А я умоюсь, — сказала Маргарита и зашла в ванную. — Можете включить телевизор! — крикнула она вдогонку и открыла кран.

Но гость не включил телевизор. То ли постеснялся, то ли не знал, как пользоваться

пультом. Он тихо сидел за столом и терпеливо ожидал хозяйку. Когда она зашла, то увидела на столе шесть грязных разглаженных десяток и горсть мелочи.

— Это что? — спросила она.

— Это вам. Извините, что так мало, но у меня больше нет.

— Уберите немедленно.

Маргарита налила в чайник воду и поставила на плиту. Она посмотрела на его руки. Они были безупречно чистыми. Из-под длинных ногтей было выскоблено до мельчайшей соринки.

— Этот город называется Москва, — произнесла она.

— Москва? — удивился бомж и задумался. — Москва... как много в этом звуке. Москва златоглавая... звон колоколов.

Он неожиданно поднял влажные глаза на Маргариту.

— Вы знаете, мне кажется, я когда-то жил в Москве. Сретенский переулок, дом номер шесть. Есть такой?

— Сретенский переулок есть. Насчет дома не знаю, — ответила Маргарита.

— А может, не дом, — пробормотал он задумчиво. — Может, палата номер шесть?

Маргарита насторожилась, но виду не подала. Она поставила на стол две чашки, положила перед ним батон и колбасу.

— Порежьте хлеб и сделайте бутерброды. Нож в столе.

Гость открыл стол и принялся греметь ложками, но никакого ножа, естественно, не нашел. Маргарита, вспомнив, что вчера спрятала ножи под холодильник, под его недоуменным взглядом извлекла из-под холодильника самый маленький нож и подала ему. Он ловко нарезал батон и колбасу. Намазал маслом и аккуратно положил на них ровные тоненькие дольки колбаски. «Режет, как в ресторане, — подумала Маргарита. — Уж не поваром ли он был?»

Закончив эту процедуру он смел крошки в ладонь и незаметно кинул себе в рот. После чего взял нож и снова положил его под холодильник.

— Вам чай или кофе? — спросила Маргарита, едва сдерживая улыбку.

— Мне все равно.

Она разлила по чашкам кипяток и поставила перед ним банку растворимого «Нескафе». Он сыпанул себе в чашку ложку кофе, и глаза его стали бегать по столу в поисках еще чего-то. Маргарита пододвинула ему сахарницу. Бомж благодарно кивнул и продолжал напряженно осматривать стол.

— Вы что-то ищете?

— Щипчики для сахара.

— Можете взять руками, — произнесла Маргарита и отвернулась к окну, чтобы он не заметил улыбки.

Гость аккуратно взял кусочек сахара и опустил его в чашку. Маргарита незаметно наблюдала за ним. Размешивал и пил он довольно интеллигентно, бесшумно, маленькими глоточками.

Разделавшись с кофе и двумя бутербродами, он поблагодарил. И вдруг спросил:

— Извините, а как вас зовут?

— Маргарита. А вас? Вы вспомнили?

Он напряг лоб и долго смотрел в пространство.

— Помню маму, платье в горошек, фонтан... Она меня звала Антошей... Чехонте...

Хотя не уверен. Нет-нет, точно: она мне говорила: Антоша, отойди от фонтана!

— И больше вы ничего не помните?

— Напротив фонтана большой дом с колоннами... И колесница на фасаде...

Он долго молчал, морща лоб и шевеля губами.

— Себя четко помнить начал только четыре дня назад. Милиционер меня тряс за плечо и сгонял с лавки. Меня вытолкнули из помещения на улицу, и я увидел поезда. Это был вокзал. Я спросил, что это за город, и мне сказали Рио-де-Жанейро. Три дня я жил на этом вокзале, а потом подошли вы и привели меня сюда.

Он поднял взволнованные глаза на Маргариту.

— Вы меня знали?

— Нет.

— Вы меня никогда не знали и привели к себе? — удивился он. — Это опасно. Вокруг так много нехороших людей.

У него со лба стекал пот. Незнакомец был напряжен и взволнован. Было видно, что он очень старался вспомнить что-то очень важное, но у него не получалось. Неожиданно Маргарита произнесла:

— Вы ночью во сне сказали странную фразу: «Нужно вспотеть, а потом на ветер».

С минуту он осмысливал сказанное Маргаритой, и вдруг глаза его наполнились ужасом. Он посмотрел на свою ладонь со шрамом, и боль перекосила его лицо.

— Нет! Это невозможно, — прошептал он, трясась от ужаса, и вдруг рухнул лицом на стол...

До Марии Сверилиной Берестову удалось дозвониться только в понедельник.

— А я выходные провожу на даче, — радостно сообщила она. — Надоела, знаете ли, эта Москва.

Такая словоохотливость понравилась журналисту. Опыт подсказывал, что из такой дамочки при грамотной постановке дела можно выцыганить любую информацию. Представившись, как можно обаятельней и популярно объяснив, что от нее требуется, Берестов попросил о встрече.

— Не подумайте, что это нечто разоблачительное. Наоборот, это будет реклама для Анжелики, — уверил журналист.

— Но ведь никто не поверит, — радостно засмеялась она. — Знаете, я тоже сначала не верила, а потом нищета так забодала...

— Стоп-стоп, Мария Александровна! — прервал ее журналист. — Давайте с вами встретимся как цивилизованные люди, в кафе, что-нибудь выпьем, съедим и вы мне не спеша по порядку обо всем расскажете.

Они встретились через час в кафе на Тверской.

Мария Сверилина была высокой румяной девахой лет тридцати — из тех, у которых всегда душа нараспашку.

— Вы знаете, — начала она, едва они сели за стол, — я сама не верила во все эти чудеса, ворожбу, сжигание кармы. А привлечение денег при помощи магии мне вообще казалось диким бредом. А сейчас, — Мария расплылась в счастливой улыбке, — коттедж под Москвой покупаю. Около Солнечногорска, на Ленинградском направлении. Сорок минут на машине. Еще два года назад я о таком даже мечтать не смела. Знаете, — Маша интимно наклонилась к журналисту, — три этажа. Пятьсот квадратных метров. Двенадцать соток участок. И знаете за сколько? Всего за семьдесят тысяч.

Берестов мысленно себя поздравил. Это просто находка для журналиста.

— И все благодаря колдунье? — улыбнулся он.

— Исключительно благодаря ей, — просияла Маша. — Дай ей бог здоровья! Дело в том, что я рентгенолог. Ну какая у рентгенолога зарплата? А с деньгами мне вообще никогда не везло. Мои родители были обыкновенными советскими инженерами. Жили мы от получки до аванса. Ни машины, ни дачи. Так, какой-то задрипанный участок — двести километров на электричке.

— Далековато, — согласился Берестов.

— Не только далековато, а вообще невозможно! — поддержала Сверилина. — Вышла я замуж рано. В девятнадцать лет. Нам с Сережкой накидали на свадьбу столько, что можно было купить два «жигуля». А тут бац! Реформа. Ну сняли мы с книжки все деньги и купили себе по паре джинсов и две пары кроссовок. И пошло-поехало: опять безденежье, как у родителей, опять эта тягомотина от аванса до получки. Ну помните, в девяносто третьем все торговали. Мы тоже, заняли денег, начали торговать, заработали кругленькую сумму — положили в «РДС» — бац! И там надули. Опять остались без копейки. Что делать? Снова заняли. Начали челночить. Вернее, муж челночил. Я-то работала в своей поликлинике. Только более-менее начали вставать на ноги — бац! — августовский кризис. А муж перед этим занял в долларах. Чтобы отдать долги, пришлось выгрести все свои рублевые

накопления. Так мы в третий раз остались у разбитого корыта. Мои подружки к этому времени уже все имели роскошные квартиры, дачи, иномарки; они объездили весь мир, а мы как сидели с мужем в однокомнатной хрущобе, так и сидим. Муж с горя запил. Руки опустились. За что-либо братья уже нет никакой охоты. Я получаю в своей поликлинике жалкие гроши. На них мы и жили. Делать нечего, вылезать как-то надо. Вот я, можно сказать, с отчаяния и поперлась к этой потомственной колдунье. Выгребла из заглазника последние триста долларов, думаю, все равно Сережка проплет, и пошла к ней. Анжелика посмотрела мою карму и сказала, что мой дед по материнской линии был вором и мне предписано отбывать за него наказание. Но это можно исправить. Анжелика пошептала что-то над свечой, покрутила свой магический шар и говорит: «Чтобы избавиться от кармы, ты должна отдать последнее». Словом, все деньги, которые у меня еще оставались, я должна раздать нищим. А перед этим я у первой попавшейся женщины должна купить то, что она мне предложит. И вот то, что я у нее куплю, принесет мне удачу.

Маша взглянула сияющим взором на Берестова. Журналист улыбнулся:

— Очень интересно! Продолжайте!

— Выхожу я от этой Анжелики. В кошельке денег — вот только со слезами дотянуть до аванса. Иду через переход и раздаю последние деньги нищим. А был конец мая. Везде продают клубнику, которую я уже не покупала пять лет. У меня текут слюни, а я бездарно раздаю свои последние десятки нищим. Выхожу я из метро на своей станции, половины денег уже нет, но продолжаю совать десятки во все ладони. И ни одна торговка с клубникой не предложила мне купить ягод. И вот у самого выхода подлетает ко мне какая-то толстая тетенька и сует под нос «Московский комсомолец». Мол, купите свежий номер! Я его покупаю, раздаю последние деньги и прихожу домой. Валюсь на диван, открываю газету и сразу натываюсь на объявление «Фирма ищет сотрудника на высокооплачиваемую работу. Предпочтение медработникам». Звоню. Подтверждают. Действительно, фирма в медработниках нуждается. Только им в данный момент нужен рентгенолог. Я отвечаю: «Я и есть рентгенолог». — «Прекрасно! Приходите завтра на собеседование». Прихожу! Оказалась солидная зарубежная фирма.

— Название? — спросил Берестов.

— Название? — поморщилась Сверилина. — Это было российское представительство международной организации ЮНИСЕФ. Оно проводило независимое медицинское исследование. Но у представительства, насколько я поняла, что-то не ладилось с Министерством здравоохранения. Ну сами знаете, какая у нас бюрократия: и сами ничего не делаем, и другим не даем! Тогда, в мае, представительство намеревалось обследовать группу студентов, но они не знали, как это организовать официально. За каждого обследуемого фирма платила 500 долларов. Естественно, голова от таких деньжищ у меня пошла кругом. Я тут же вспомнила, что рядом с моим домом находится автомеханический техникум. Я говорю иностранцам, давайте передвижную лабораторию, сейчас сниму с занятий любую группу из автомеханического техникума и заставлю пройти флюорографию. Меня тут же сажают в автобус. Оборудование там — последний писк. Рентгеновский аппарат — я таких и не видела. В мое распоряжение дают сотрудника — иностранца. Симпатичного мужчину. По-русски — ни бельмеса. Подъезжаем мы к техникуму, захожу я в первую попавшуюся аудиторию, там сидят две группы. Ждут преподавателя. Спрашиваю: что за курс? Они отвечают: «Четвертый! Ждем, «препода». Сейчас должна быть консультация. А завтра экзамен». Я им: «Кто не прошел флюорографию, к экзаменам допущен не будет.

Поторопитесь, пока машина во дворе!» Они все с криком «ура!» рванули во двор. Буквально за полчаса я прогнала обе группы в пятьдесят человек через свой аппарат, и вдобавок мой сотрудник сделал студентам прививки.

— Прививки от чего?

— От всего. Новая прививка от всех болезней. Гарантия три года. Мне тоже сделали. И вот уже два года прошло, а я, тьфу-тьфу-тьфу, ни разу не болела.

— Ну а деньги-то вам заплатили?

— В тот же день, как с куста двадцать тысяч баксов! Представляете? За полчаса работы. Более того, мои организаторские способности им очень понравились. Мы с ними сотрудничаем до сих пор. Они ко мне частенько обращаются с просьбой найти студентов для независимого обследования.

— Вы продолжаете нелегально снимать группы с занятий? — улыбнулся Берестов.

— Да, продолжаю снимать нелегально! А что делать? — Развела руками Маша. — Один раз я пробовала с директором одного ГПТУ договориться легально. Абсолютный нуль! «Без разрешения Минздрава никаких независимых обследований!» Я вышла из его кабинета, сняла с занятий первый же попавшийся класс — и на улицу! Прогнали через автобус тридцать человек, и ни один преподаватель не сказал ни слова.

— И много таким образом вы заработали? — улыбнулся журналист, догадываясь, что девушка, кажется, склонна к фантазиям.

— Два раза в год, как часы, перед летними и зимними каникулами господ из ЮНИСЕФ мне звонят и я им нахожу группу студентов для обследований. Всего, благодаря мне, они обследовали более двухсот человек.

— Это сто тысяч долларов за два года? — поднял брови Берестов.

— Больше! — замахала руками Сверилина. — Только вы об этом не пишите. И фамилию мою не упоминайте. Мне об этом вообще-то запрещено рассказывать.

— Почему?

— А завистников много. Да и сами видите, какие у нас чиновники в Минздраве. Сами ничего не предпринимают для улучшения здоровья нации и другим не позволяют.

Берестов улыбался и понимал, что его разыгрывают. Все это, конечно, было придумано для того, чтобы подчеркнуть силу потомственной колдуньи Анжелики.

— Вы потом поделились гонорами с колдуньей или забыли ее в тот же час, как разбогатели?

Сверилина смущенно засмеялась.

— С моей стороны, это, конечно, свинство, но эту милую женщину я так и не поблагодарила. Но знаете, зато я ее рекомендую всем своим знакомым. У моей подруги муж гулял. Уже дело доходило до развода. Я посоветовала ей сходить к Анжелике. Та сходила, и что бы вы думали — сейчас они с мужем не разлей вода... Или вот, у моей одноклассницы пропал муж. Он знаменитый скрипач...

— Это не Баскаков случайно? — проявил свою осведомленность Берестов.

— Да, Баскаков! — обрадовалась Сверилина. — Вы слышали? Так вот, он — муж моей подруги, Вики. Два с половиной года назад ее муж вышел из дома и не вернулся. Он был объявлен в розыск, но — безрезультатно. Как в воду канул. И вот начинают ходит слухи, что видели его то в одном месте, то в другом. Договорились до того, что якобы Антон Вику бросил, а сам ушел к другой бабе. А ее было за что бросить.

— За что? — насторожился Берестов.

Сверилина покосилась по сторонам:

— Вы только никому не говорите: стерва она! Гуляла направо-налево от такого мужика — красивого, талантливое, удачливое, богатое. Нет! Ей все чего-то не хватало. Впрочем, она со школы была такой. Вот такая она, Вика. Что имеем, не храним. А сейчас раскаивается, ждет. Не верит, что он погиб. Замуж не выходит. Однако поезд уже ушел! Раньше нужно было любовь свою проявлять, — вздохнула Маша.

— То есть вы полагаете, что он погиб?

— Естественно! Останки его нашли в реке, экспертиза признала, что это он.

— Тогда зачем вы посоветовали сходить ей к колдунье?

— Откуда вы знаете? — удивилась Сверилина.

— Вы сами сказали.

Мария смутилась и задумалась.

— Понимаете... Мы все-таки подруги. Мне Вику чисто по-человечески жалко. Она мучается. Не верит, что Антона давно нет. Вот я и посоветовала сходить к колдунье, чтобы та убедила ее, что муж давно в раю, что теперь нужно смириться, успокоиться и как-то жить дальше...

— Хотели сделать как лучше? — произнес скептически Берестов. — А колдунья ей сказала, что ее муж жив, и слупила с нее шестьсот баксов.

Мария ахнула и побледнела.

— Не может этого быть! Это какая-то ошибка...

— Почему не может, — понимающе подмигнул Берестов. — Когда вы сами сказали своей подруге, что видели ее мужа живым и здоровым у Казанского вокзала.

— Нет, я не видела! — замахала руками Мария. — Это мой муж видел. Хотя сам он тоже не видел. Видел его знакомый...

Минут десять на кухне царил тягостная тишина. Казалось, гость умер на кухонном столе. Она трижды подносила руку, чтобы тряхнуть его за плечо, и трижды отдергивала. Наконец бомж оторвал свою лохматую башку от стола и виновато поднял глаза.

— Извините, что принес вам столько беспокойства. Я не могу больше пользоваться вашей добротой. Мне надо срочно уходить.

— Куда? — спросила Маргарита.

— Не знаю. Но рядом со мной вам находиться опасно. Меня ищут.

— Кто, милиция?

— Нет. Милиции я не нужен. Меня ищут здоровые парни в черных куртках. У них под куртками пистолеты с глушителями.

«Шизик!» — подумала Маргарита и вздрогнула...

— Что вы такого натворили?

В глазах гостя мелькнула боль.

— Я знаю то, чего мне знать нельзя.

— Что именно? — напирала Маргарита.

Бородач низко наклонился к столу и, снизив голос до полусшепота, произнес:

— Только, ради бога, никому ни слова. Это очень опасно. — Он испуганно поднял глаза на люстру и шепотом спросил: — Это не камера?

— Это светильник, — ответила Маргарита.

— Так вот, — продолжил он, недоверчиво косясь на люстру. — Я узнал способ, как стать самим собой. Нужно сначала вспотеть, а потом выйти на ветер.

«Точно, шизик, — убедилась Маргарита, услышав этот бред. — Вот, влипла»...

Гость немного помолчал, затем медленно поднялся из-за стола.

— Я пойду. Дайте мне мое пальто и ботинки.

— А вашего пальто уже нет, — ответила хозяйка, поднимаясь с табуретки и направляясь в прихожую. — Но есть куртка. Вот примерьте!

Она достала из пакета черную болоньевую куртку и надела на гостя. Куртка пришлась впору. Маргарита мигом отыскала в шкафу свою черную вязаную шапочку и напялила бородачу на голову. Он безропотно выдержал и эту процедуру. Вид у него получился вполне приличный. Мужик как мужик. Ни один милиционер не докопается. Единственное, что его портило, — это кеды и короткие, выше щиколоток, джинсы. Гость стеснительно посмотрелся в зеркало и благодарно улыбнулся хозяйке.

— Прощайте, — произнес он перед тем, как выйти. — Вы очень добры и... очень красивы!

Он тотчас развернулся и вышел вон. После того как хлопнула входная дверь, а следом — железная решетка, Маргарита спустилась по стене на пол и закрыла ладонями глаза. У нее внутри все сжалось. Ей никто никогда не говорил, что она красивая.

Маргарита посмотрела в зеркало. Какая же она красивая? Дура она бездушная! Выпроводила больного человека черт знает куда... Прошла в кухню, чтобы увидеть из окна, как он выйдет из подъезда, и вдруг увидела на столе его мятые шестьдесят рублей и горсть мелочи.

«Как же он без единой копейки пройдет в метро?» — мелькнуло в голове, и глаза

непроизвольно налились слезами. Маргарита соскребла деньги в карман и выбежала из квартиры. Она догнала его внизу, когда бомж пытался открыть дверь подъезда.

— Антон! — крикнула женщина из открытого лифта.

Мужчина повернул голову и замер. Маргарита подбежала к нему, схватила за рукав и потащила обратно. Он почти не упирался. Только в лифте произнес.

— Зря вы вышли в халате. Можете простудиться.

Маргарита ничего не ответила. На пятом этаже молча вытолкнула его на площадку, а затем втощила в квартиру.

— Никуда вы не пойдете, — произнесла она властно. — Вам некуда идти. Вам нужно в больницу. Там вам восстановят память.

— Что вы? — грустно улыбнулся он. — Больницы те парни проверяют в первую очередь.

Гость снова был раздет и посажен за кухонный стол. На этот раз Маргарита решила активно вовлечь его в домашнюю работу. Как после выяснилось, картошку чистить он умел, но очень плохо. Кожуру снимал толсто и медленно. А перед этим он ее очень долго и тщательно мыл. Зато нарезал чищенный картофель очень тоненькими ровными квадратиками. После чего спросил, можно ли из части того, что он начистил, сделать салат по-корейски.

— Валяйте! — разрешила Маргарита. — Вы были в Корее?

— В Корее не был. В Китае, кажется, был.

Картофель он только на минуту опустил в кипяток, после чего промыл, высыпал в тарелку, приправил солью, уксусом, перцем и тертым яблоком. Ничего подобного Маргарита не пробовала за всю свою жизнь.

— А что вы еще умеете готовить?

— Салат из мяса омаров. Омаров можно заменить креветками.

Маргарита закатила глаза.

— Вас этому тоже научили в Пекине?

— Нет. В Милане.

— Так вы, может быть, были поваром?

Антон задумался.

— Нет, поваром точно не был. Я мыл бутылки.

После неловкого молчания он продолжил:

— Это был какой-то огромный завод за колючей проволокой по производству водки. Таких, как я, там было много.

— Что значит: таких, как вы? — спросила Маргарита.

Антон замер и долго мучительно двигал бровями. Затем взглянул на свою ладонь и произнес:

— Это значит меченых. Работали там только меченые. Немеченые присматривали.

Снова пошел какой-то бред. Стоящая у плиты Маргарита на всякий случай повернулась к нему вполоборота.

— Кто же вас метил? — спросила Маргарита.

— Сатана, — ответил Антон.

Маргарита вздрогнула.

— Вы его видели своими глазами, Сатану?

Ложка, которой Антон мешал салат, выпала из его рук. Глаза сделались безумными.

— Кажется, да, — прошептал он, еле слышно. — Он высокий, черный. Глаза карие. Брови широкие, сросшиеся. На нем длинное черное пальто, а поверх пальто белый шарф. Он всегда в бабочке и в блестящих лакированных ботинках. Над бровью шрам. Под ухом родинка величиной с монету. Он видит насквозь и слышит все, до самых затаенных мыслей.

«Он очень больной», — подумала Маргарита и посмотрела на часы. Первый час. Светка уже должна явиться с прогулки. По воскресеньям они с Кирюшкой гуляют только до обеда.

Хозяйка оставила гостя на кухне, приказав следить за кипящей кастрюлей, а сама направилась в спальню звонить Светке. И точно, Светка только что вернулась с прогулки, не успела даже разуться.

— Что? — изумилась она. — Бомж у тебя до сих пор?

— Да не совсем он бомж. Он просто меченый...

— Немедленно выгони, дура!

— Я уже пыталась, но не получилось. Помчалась за ним и вернула обратно.

— Даже так? — задумалась Светка. — А звонишь чего?

— Его нужно поместить в больницу. По-моему, он не совсем здоров. В понедельник прозондируй у себя. Есть ли у вас места?

— Он тебе что же, дорог? Ладно, не отвечай! Я поняла! Сидите, я сейчас подъеду.

— Спасибо, Светка! И еще вот такая просьба. Прихвати какие-нибудь штанцы своего мужа... И обувь...

Светка явилась через полчаса, запыхавшаяся, красная, полная энергии. Сразу стало весело. Едва влетев в квартиру, она оттолкнула подругу и, не разувшись, прошла на кухню. С минуту она молча смотрела на «казанское чудо», затем произнесла: «Здрасьте!» и дурашливо кивнула. «Сейчас поставит руки в боки и выгонит», — подумала Маргарита.

— Доброе утро, — вежливо ответил бомж и растерянно перевел взгляд на Маргариту.

Светка взяла подругу за рукав и вывела в коридор.

— А мужик-то породистый, — произнесла она и сбросила с себя дубленку. — Ставь чайник, сейчас я его выведу на чистую воду...

После того как чайник вскипел, Светка выпроводила Маргариту из кухни и принялась тестировать незнакомца по всем направлениям. Маргарита даже из соседней комнаты слышала, как неохотно отвечал гость на серию ее глупых вопросов. Но потом ответы его сделались уверенней, бубнение превратилось в членораздельную речь. «Такая разговорит кого угодно, — подумала Маргарита. — Все-таки она профессионал...»

Таким образом они беседовали около часа. Маргарита все это время сидела как на иголках. Наконец на кухне разговор прекратился, и Светка вошла в комнату.

— Ну что? — спросила хозяйка, робко поднимая на подругу глаза.

Вид у гостя был усталый. На лбу испарина, на щеках румянец. Она опустилась в кресло и промокнула лицо платочком.

— По-моему, никакой шизофрении у него нет. Просто сильно напуган. На первый взгляд может показаться, что у него мания преследования, но у кого мания, тот прежде всего боится за себя. Он боится за окружающих. Это самая болезненная его точка. С чем это связано, выяснить не удалось. А вообще натура у него чувствительная. Пролетарию это несвойственно. Он не из пролетариев. На физической работе, судя по всему, недавно. Чем занимался до этого, не помнит. Но потеря памяти связана у него не со стрессом.

— А с чем же? — удивилась Маргарита.

— Не знаю, — ответила Светка. — Память мужику можно вернуть только в том случае,

если поместить его в ту же среду, из которой он вышел. Разбудить ее можно даже с помощью предметов из его бывшего обихода. Понимаешь? Твоя кухня ему чужда. И предметы, которые на твоей кухне, ему непривычны.

От Сверилиной у Берестова осталось двойное впечатление. Либо эта девушка не так проста, как кажется на первый взгляд, либо он, тертый и остро чувствующий жулье журналюга, вконец потерял свой волчий нюх. Ни единого факта, ни единой зацепки, разоблачающей ее связь с колдуньей. Получалась сплошная реклама для Анжелики.

Абсолютно не в духе вернувшись в редакцию, он сел за стол и задумался. Что же, получается, что эта простодыра Маша его переиграла? Нет-нет, здесь что-то не то...

Подошел заместитель редактора, спросил:

— Мага нашел?

— Найти-то нашел. И клиента, которому зарядили кошелек, нашел. Только все это подозрительно...

И Берестов вкратце рассказал свой разговор со Сверилиной.

— Нечего думать. Отлично! Давай фотографию этой тетки и делай с ней интервью. Правда, действительно получается как-то слащаво для колдуньи, но поговори с ней: может, она отстегнет пару тысяч, тогда сделаем ей рекламу. Если нет — ее салон упоминать не будем.

Вариант, конечно, не блестящей, но что делать, если журналистское расследование не удалось? Берестов позвонил в салон Анжелики, но трубку взяла какая-то женщина, далеко не с магическим голосом.

— Анжелика съехала, — произнесла она мрачно.

— Куда? — удивился Берестов.

— Откуда я знаю?

Тут же выяснилось, что с журналистом разговаривает хозяйка квартиры, которая сдавала колдунье свою самую лучшую площадь из тех, которые она имела, причем всего за триста баксов. Однако мерзавка не заплатила и этих денег. Можно сказать, что мэтр магии не съехала, а сбежала самым паскудным образом, втихомолку, не предупредив и не заплатив за три последних месяца. Более того, содрала с коридора обои и сняла светильники. А ведь она обещала сделать евроремонт. Собственно, из-за этого хозяйка и брала с нее такую мизерную плату.

Обиды, которые высказывала женщина по поводу своей квартирантки, были для журналиста слаще нектара. Сразу же в голове родился подзаголовок: «Специалист, избавляющий от бедности, сбегает, не заплатив за квартиру». Или что-нибудь в этом роде.

— Неплохо бы разыскать ее, — мечтательно произнес Берестов. — Вот это был бы материал...

— Ну куда она переехала, я могу приблизительно сказать, — ответила хозяйка. — Это на Баррикадной, около «Московского комсомольца». Квартиру только не знаю...

— Квартиру найти не проблема. Лишь бы дом оказался тот.

Записав адрес, Берестов положил в сумку редакционный фотоаппарат и уже хотел выйти, но у дверей ему путь преградили трое. Один из них спросил:

— Вы Леонид Берестов?

— Я, — ответил журналист.

— Следователь по особо важным делам Виктор Дрянцов. Вам нужно проехать с нами.

— Это еще зачем?

— Объясним на месте.

Однако на месте, куда привезли Берестова, а это был Институт судебно-медицинской экспертизы, тоже ничего не объяснили. Его просто втолкнули в какую-то холодную лабораторию из белого кафеля и подвели к лежащему на столе труп, покрытому белой простыней.

— Узнаете? — спросил следователь, угрюмо откинув простыню.

Берестов вздрогнул и попятился. На столе лежала женщина с остекленевшими глазами. Волосы ее были в крови, лицо обезображено. Она была в сиреновом пальто и красном шарфе.

— Сверилина, — прошептал Берестов и поднял глаза на экспертов.

— Так вы узнали? — качнул головой Дрянцов, не сводя с него взгляда. — Прекрасно. Пройдемте со мной...

Журналиста отвели в соседнюю комнату, усадили на стул, и расположившийся напротив следователь впился в него глазами.

— Вы сегодня с ней встречались?

— Да, в кафе на Тверской! — чистосердечно признался Берестов, замечая, как трясется его челюсть. — Мы с ней расстались около двенадцати.

— А в половине первого она выбросилась с девятого этажа, — произнес следователь. — Вы последний, кто видел ее живой.

— Не может быть! — затряс головой журналист.

— Чего не может быть?

— Что она взяла и выбросилась!

— Почему? — удивился следователь.

— Когда мы с ней расстались, у нее было прекрасное настроение. Я не заметил на ее лице и тени какой-нибудь озабоченности. Не может быть, что она сама.

— В том-то и дело, что сама, — снизил голос следователь. — После того как вы расстались, она доехала до своего дома, вошла в подъезд, села в лифт, но проехала мимо своего этажа. Она поднялась на последний, двенадцатый этаж и бросилась из окна лестничной площадки вниз головой. Сама. Заметьте! Сама! О чем вы с ней говорили?

На лице Берестова появились испуг и недоумение. Он пожал плечами и растерянно посмотрел следователю в глаза.

— Да ни о чем таком, из-за чего можно вот так... вниз башкой. Ей-богу, ума не приложу. Абсолютно ничего трагического в ее облике не было...

Журналист рассказал Дрянцову про ее патологическую бедность, про колдунью, которая сняла с нее карму за триста долларов, наконец, про объявление в газете и про то, как она вышла на российское представительство ЮНИСЕФ. На следователя откровение журналиста не произвело ни малейшего впечатления. Когда же Берестов обмолвился о том, что она собиралась купить загородный дом, следователь встрепенулся:

— Об этом, пожалуйста, поподробней! Где она собирать купить дачу и у кого?

— У кого — не знаю. Но, по-моему, где-то под Солнечногорском. Даже назвала мне цену: семьдесят тысяч.

В глазах Дрянцова появился блеск.

— Я правильно понял: она вам сказала, что покупает дачу за семьдесят тысяч долларов?

— Совершенно верно.

— Вот так запросто, постороннему человеку, которого видит в первый раз?

— Ну... да, — неуверенно кивнул Берестов, соображая, что слова звучат не очень правдоподобно.

Следователь откинулся на спинку стула и усмехнулся.

— Может быть, она вам еще и показала эти семьдесят тысяч?

— Это уже слишком! — обиженно шмыгнул журналист.

— Почему нет? — странно улыбнулся следователь. — В половине десятого она снимает эту сумму в сберкассе, а в одиннадцать встречается с вами. Не правда ли, странно?

— Вы хотите сказать, что эти деньги у нее были с собой? — изумился Берестов.

— Вполне возможно. Кстати, какая у нее было сумка?

— Да, не было у нее никакой сумки, — повел плечами Берестов. — Была маленькая кожаная сумочка через плечо. В ней не было семидесяти тысяч. Могу гарантировать. Она при мне ее открывала. И потом, вы сказали, что в половине десятого она снимала деньги в сберкассе. Но в десять она была дома. Я же ей звонил.

— Вы звонили ей в десять? — удивился следователь.

— Ровно в десять. Как раз перед летучкой. Это может подтвердить наша секретарша.

Следователь замер, затем неожиданно улыбнулся.

— Значит, в сберкассе что-то напутали. Не могла же она за полчаса доехать до дома. Но это уже не так важно. Спасибо! Вы нам очень помогли. Возможно, еще понадобится в качестве свидетеля. Распишитесь вот здесь!

Берестов вышел на улицу ошеломленным. Точно во сне, доехал он до газеты, и, когда вошел в редакцию, коллеги высыпали ему навстречу.

— За что тебя замели, рассказывай!

— Понимаете, я в двенадцать взял интервью у одной женщины, а в половине первого уже находят ее труп.

— Ну, Леня, даешь! Ты опять в своем репертуаре, — покачали головой коллеги и в замешательстве разошлись по своим местам. А Топоров произнес, хитро улыбнувшись:

— Фотография этой Сверилиной есть?

— Есть! Я ее щелкнул.

— Пусть тебе быстро ее проявят и поезжай с ней к колдунье. Я распоряджусь, чтобы в бухгалтерии тебе выдали триста долларов. Заплатишь и спросишь про здоровье этой дамы на фото. Если колдунья скажет, что она здорова и процветает, считай — ты ее разоблачил! Триста баксов заберешь обратно и вернешь в бухгалтерию.

— Кому что, а лысому гребенка, — усмехнулся Берестов.

В воскресенье Светка просидела у подруги до позднего вечера, хотя приехала только на час. Она протестировала гостя еще несколько раз, после чего привлекла его к хозяйственным работам.

В результате они вместе починили кухонный кран, который заедал и не закрывался до конца, поменяли две прокладки в ванной и сливном бачке, помыли посуду, перестирали белье, отремонтировали выключатель, ввернули недостающие лампочки и сварили обед из трех блюд с экзотическим салатом из креветок. Антон инициативу гостыи поддерживал весьма охотно и все ее команды выполнял безропотно. О своих результатах и выводах Светка докладывала подруге на ухо:

— Сантехником не работал. Это сто процентов. Разводной ключ никогда не видел. Электриком тоже не был. С проводами теряется, лампочки заворачивает с большим напряжением. Вручную стирает с трудом. Стиральную машину тоже, кажется, видит впервые.

Кухонные достижения Антона были более приемлемые.

— Шинковать капусту вручную не умеет. Зато с кухонным комбайном управляется без помощника. Чай заваривает по всем правилам, четыре ложки на чайник и после заварки пытался поставить его на большой чайник.

— Что это значит? — удивилась Маргарита.

— Из самовара привык чай пить, мерзавец. Но сорт чая, который есть у тебя, не произвел на него впечатления. Видимо, пользовался другими сортами. Кофе «Нескафе» также ему чужд. Жаль, что у тебя нет зерен. — Ты полагаешь, бомжи пьют только в зернах?

Подруги хмыкнули, и Светка поделилась еще:

— А вообще он старательный, усердный. И когда-то был хорошо воспитан. Ни разу не прошел вперед меня. Всегда пропускал, как в лучших домах...

— Это в туалет и ванную, когда вы собирались уродовать мои трубы?

— Почему же? И на кухню тоже.

За полдня незнакомец привык к Светке. Он слушался ее, словно собака, беспрекословно выполняя все приказания. Гостье это нравилось. По ее оценкам, бомж прогрессировал на глазах.

Во время обеда Светка была поражена тем, как бродяга с Казанского вокзала безукоризненно управлялся с вилок и ножом. Салат же, сделанный его руками, был верхом совершенства.

— Из вас может получиться толк, — произнесла наставница с умным видом, критически осмотрев его с ног до головы.

— Спасибо, — улыбнулся он.

Светка покровительственно похлопала его по плечу, и вдруг ее озарило:

— А что, если вам побриться и постричься?

Светка не любила бородатых. Подруга это знала. Поэтому вопрос не вызвал у нее удивления. Он же застенчиво пожал плечами:

— Я бы с удовольствием, но у меня нет бритвы. К тому же я не знаю, где тут поблизости находится салон красоты.

Подруги переглянулись и расхохотались.

— Бритву мы найдем. А оболванить я вас могу еще лучше, чем в салоне.

Мужика посадили посреди кухни, обернули вокруг шеи простыней, и Светка принялась энергично встригаться в его пышную шевелюру. Волосы клоками полетели на пол и на простыню.

— Вшей нет! — прошептала Светка подруге.

— Ты где научилась стричь? — спросила Маргарита.

— Честно говоря, стригу впервые.

Через десять минут незнакомец, назвавший себя Антоном, был пострижен под расческу. Кое в каких местах зияли явные залысины, зато в области висков и за ухом было выстрижено вполне профессионально. В целом для Светкиного дебюта было очень даже неплохо. Антон преобразился. Выглядеть он стал значительно моложе и современной. Светка тут же всучила ему ножницы и бритву и бесцеремонно втокнула в ванную.

— Чтобы с бородой я вас больше не видела.

В ванной Антон находился около часа. Женщины изнервничались, пока дождались его выхода. Было слышно, как мужчина включал воду и что-то тихо бормотал. Наконец через полчаса гость вышел с бритым подбородком и с застенчивой улыбкой на губах. Подруги переглянулись. Теперь не осталось и последних доказательств того, что этот дяденька бомжевал на Казанском вокзале. У него были хорошо окаймленные губы и породистый подбородок с ямочкой. Внешне он напоминал актера Николая Еременко.

— Слушай, а красивый получился мужик, — прошептала подруге Светка. — С таким и прогуляться не стыдно. Собирайтесь! Идем гулять!

— Чего ты еще придумала, Светка? — нахмурилась Маргарита.

— Сейчас свозим его на Сретенку.

Брюки, которые притащила Светка, свистнув их у собственного мужа, в длину оказались нормальными. Ботинки на липучках были несколько великоваты, но Антон не ощутил от этого никаких неудобств, а после того как его облачили в куртку и вязаную шапочку, его облик стал естественным и вряд ли привлек бы косые взгляды или внимание милиции. Он так же безропотно и без лишних слов позволил вытащить себя на улицу и повести в сторону метро.

По дороге Светка продолжила наблюдения.

— Он не москвич, потому что пропускает вперед всех женщин подряд, а не только нас. Теряется перед турникетом. В метро бывал очень редко, а, может, никогда не бывал. А вообще, — продолжала подруга, — те, которые находятся на воле, быстрее восстанавливают память. У них больше возможностей попасть в знакомую среду, чем у тех, кто в стационаре.

Когда тройца вышла из метро, Светка решила провести эксперимент. Отправила Антона к киоску купить им по шоколадке.

— Посмотрим, чего он купит! — подмигнула Светка.

Антон потоптался у киоска, что-то поспрашивал у продавщицы и грустно вернулся ни с чем.

— Шоколада там нет. Один пластилин, — вздохнул он.

Светка пожала плечами и не сделала никакого вывода. Однако, когда они проходили мимо другого киоска, Антон указал пальцем на шоколад «Вдохновение».

— Вот этот есть можно, — произнес он неуверенно.

Это был самый дорогой шоколад. Светка его выбор не одобрила, но еще кое-что

заметила, чему Маргарита не придавала значения: их питомец как-то болезненно реагировал на уличных музыкантов. Он вздрагивал и морщился. Что это значило — Светка не понимала. В остальном ничем особенным их путь до Сретенского переулка не ознаменовался.

Ближе к переулку Светка взяла Маргариту под руку и сбавила шаг. Антон пошел впереди. Он сам завернул в Сретенский переулок, после чего растерянно оглянулся на женщин. Светка подмигнула, махнула рукой, и он зашагал по переулку более уверенно, с интересом посматривая по сторонам. У дома номер шесть Антон неожиданно остановился и вдруг направился во двор. Дамы переглянулись и последовали за ним. Во дворе не было ни души. Антон растерянно озирался.

— Что-то не так? — спросила Светка.

— По-моему, вон там, — кивнул он на гаражи, — был летний кинотеатр. А вот здесь, — указал он на детскую песочницу, — стояла деревянная беседка.

— Но подъезд ты какой-нибудь узнаешь?

Антон неуверенно подошел ко второму подъезду и дернул за ручку. Разумеется, попытка не удалась. Дверь была на кодовом замке. Однако, немного погодя, из соседнего подъезда выползла какая-то старушенция.

— Вы не скажете код этого подъезда? — нагло спросила Светка.

— Нажимайте одновременно на три первые кнопки, — ответила старушка и присела на лавочку.

Фокус с тремя кнопками удался. Дверь открылась, и странная троица вошла в подъезд. Антон прежде, чем пойти дальше, осмотрелся, сосредоточив внимание на желтом потолке. Потом медленно ступил на лестницу. Дамы на некотором расстоянии следовали за ним. На третьем этаже Антон остановился и, не моргая, уставился на дверь, которая была ближе к лестнице.

— Знакомая дверь? — поинтересовалась Светка и, не дождавшись ответа, нажала на кнопку.

Сразу же, не спросив «кто?», на звонок вышла хозяйка квартиры, женщина лет пятидесяти в очках и байковом халате. Она обвела гостей недоуменным взглядом, не задержав его особо на Антоне, и спросила:

— Вам кого?

— Вы узнаете этого человека? — строго спросила Светка, указывая на Антона.

Женщина осмотрела мужика с ног до головы и ответила:

— Нет! А вы кто?

— А вы давно живете в этой квартире? — спросила Светка, игнорируя ее вопрос.

— Да, уже так... лет восемнадцать. А в чем дело?

— Вы помните, кто жил в этой квартире до вас? — продолжала напирать Светка, игнорируя ее любопытство.

— Понятия не имею! — развела руками хозяйка, уже начиная раздражаться. — Объясните, наконец, в чем дело и кто вы такие.

Светка прошептала ей что-то на ухо, и та, открыв рот, уставилась на Антона.

— Вспомнила, кто здесь жил до нас! Киселевы.

— Куда переехали, не знаете?

— Нет!

Троица дружно развернулась и двинула вниз по ступеням. Когда вышли, Светка спросила у Антона:

— Вы не напутали с квартирой?

— Возможно, напутал, — задумчиво ответил Антон. — Возможно, я и с двором напутал. В том дворе был летний кинотеатр и большая деревянная беседка.

Старушка, с живейшим интересом наблюдавшая за этой странной компанией, неожиданно вмешалась в разговор.

— А здесь был летний кинотеатр, — произнесла она. — Вон на том месте, где сейчас гаражи. И беседка была, где сейчас песочница. В нее всегда радиолу выносили. Это было эдак лет двадцать... нет, тридцать назад.

Светка борзо метнулась к старушке.

— Скажите, бабуля, а вы здесь давно живете?

— Всю жизнь.

— Вы не знаете вот его? — указала Светка на Антона.

— Нет, не знаю, — покачала головой старушка.

— А, может быть, вы помните Киселевых? Они жили во втором подъезде на третьем этаже.

— Клавку, что ли, Киселеву? — поморщилась старушка. — Кто же ее не помнит? Она весь дом на уши ставила. Стерва была еще та. Они с Федькой, мужем, глушили по-черному. Федька, как напьется, начинает голым по двору бегать. А Клавка — мебель из окна выбрасывать. Потом Федька умер от перепоя. В канаве нашли. Вот здесь же, во дворе. А Клавка совсем спилась. Ее даже родительских прав лишили. Сына ее семилетнего отправили в детдом, а ее выселили.

— Выселили и куда услали?

— А кто его знает? На исправление куда-то...

Обратный путь был унылым. Впереди шел Антон, виновато опустив голову, в полутора метрах от него в полном молчании шли подруги. У самого входа в метро Светка со вздохом прошептала:

— Теперь понятно, почему он ничего не умеет по хозяйству. В детдоме воспитывался. Если он унаследовал гены родителей, то труба... Ты не расстраивайся, завтра я его определю в стационар. Может, сегодня определим его в ночлежку?

Маргарита отрицательно покачала головой, и подруги расстались. До «Спортивной» Маргарита с Антоном доехали в гробовом молчании. Так же не проронив ни слова, они дошли до подъезда, поднялись на пятый этаж, и, только когда переступили порог квартиры, он неожиданно произнес, подняв на нее влажные глаза:

— Мне кажется, моя фамилия была не Киселев. Я завтра обязательно вспомню. Я знаю способ, как снова обрести себя...

— Ложитесь спать! — устало отрезала Маргарита.

И Антон покорно отправился в комнату. Сама же Маргарита забилась в спальню, поставила к дверям пуфик и всю ночь не выпускала из рук газовый баллончик. Спала она отвратительно. Ей без конца казалось, что по квартире кто-то ходит. Когда она проснулась окончательно, было уже половина одиннадцатого. Предстоял тяжелый день. С половины второго занятия в музыкальной школе, а после них индивидуальный урок с учеником в Кузьминках.

Маргарита надела халат, тихонько заглянула в комнату и вздрогнула. Антон в спортивном костюме лежал на полу, положив ладонь под щеку. Диван был даже не разобран. Он поднял голову и виновато улыбнулся:

— Доброе утро.

— Вы что же, спали на полу? — удивилась хозяйка.

— Ничего, я привык на полу...

На душе у Маргариты заскребли кошки. Она вчера не постелила ему постель, а он сам не посмел к ней притронуться.

Перед тем как выйти из дому с гитарой в руках, Маргарита дважды позвонила Светке. Только ни дома, ни на работе ее не было. Пришлось закрыть гостя в квартире и отправиться на работу. В школе среди урока Маргариту неожиданно позвали к телефону. Звонила Светка.

— Ритка — труба! Мест в диспансере нет. Возможно, к концу недели появится одно, но это не точно. Я сегодня целый день выясняла по поводу семьи Киселевых, жившей в Сретенском переулке. Жили они там семь лет. Федор Киселев умер там. Клавдия умерла десять лет назад в спецприемнике. А их сын, Кирилл Киселев, два года назад бежал из колонии строгого режима и до сих пор не найден. Он был трижды судим за разбойные нападения с особой жесткостью, а последний срок отбывал за убийство с расчленением...

— Боже мой! — ужаснулась Маргарита.

— Вот и я говорю, боже!..

Через полчаса фото Свериной было готово. Мария получилась на нем невероятно жизнерадостной. Ничто не свидетельствовало, что через час она расстанется с жизнью, ничего дурного не читалось ни в ее сияющих глазах, ни в ее белозубой улыбке. А еще говорят, люди заранее чувствуют свою смерть. Берестов сунул фотографию в сумку и побежал вниз. Часы уже показывали половину пятого. Нужно было поторапливаться. Еще неизвестно, удастся ли ему разыскать колдунью на Баррикадной.

Дом, на который ему указала хозяйка квартиры на Кропоткинской, журналист отыскал без труда. Он находился напротив здания «Московского комсомольца». Задача заключалась в другом: вычислить если не квартиру, то по крайней мере подъезд, в который въехала Анжелика.

Берестов поставил машину во дворе рядом с мусорным контейнером и принялся энергично расспрашивать сидящих на скамейке старушек о новых жильцах, въехавших в дом в эти выходные. Те недоуменно пожали плечами и посоветовали обратиться в ЖРЭУ. Уж кто-кто, а домоуправы знают всех, кто сдает квартиры в этом доме. По счастью, домоуправление находилось в том же дворе.

Однако в ЖРЭУ сказали, что в выходные администрация не работала, а сегодня к ним с просьбой о регистрации не обращался никто. Скорее всего, новоселы въехали в квартиру без регистрации. Поэтому с таким вопросом лучше всего пойти к участковому. Уж кто-кто, а участковый просто по долгу службы обязан знать всех, кто на его участке сдает жилплощадь и не спешит регистрировать квартирантов.

Опорный пункт тоже был неподалеку. Но участковый, курирующий этот дом, оказался в отгуле. Берестов вернулся во двор и принялся активно опрашивать всех, кто входил в подъезды и выходил из них. Только все старания были напрасными. Никто ничего не знал и понятия не имел, кто в доме сдает квартиры.

«Вполне возможно, что владелица квартиры на Кропоткинской ошиблась с домом», — подумал Берестов и сел в машину. Он уже почти тронулся с места, как вдруг внезапно увидел, что из третьего подъезда вышла та самая девушка, которая открывала дверь в салоне на Кропоткинской. Берестов выскочил из машины и бросился к ней.

— Добрый вечер! Вы меня не узнали? Я хочу увидиться с потомственной колдуньей Анжеликой!

Девушка удивленно подняла глаза на журналиста и произнесла:

— Но Анжелика сегодня не принимает.

— Меня примет! — уверенно соврал Берестов.

— Она вам дала свой новый адрес?

— Конечно.

— Но она меня не предупреждала, что сегодня ожидает вас.

— Неважно! Какой этаж?

— Седьмой.

— А квартира?

Девушка подозрительно осмотрела журналиста с ног до головы.

— Ну если она сказала вам адрес, то квартиру вы знаете.

В это время двери третьего подъезда снова открылись, и Берестов бросился к ним,

чтобы не выведывать еще код. Успел он вовремя, едва не сбив с ног выходящую во двор пожилую пару.

Журналист доехал до седьмого этажа и позвонил во все четыре квартиры. Из двух не откликнулись. В третьей старческий голос прошамкал, что никаких Анжелик у них сроду не было. На звонок из четвертой квартиры вышел молодой мужчина с кобурой на ремне и распухшей челюстью.

— Я к Анжелике! — сказал доверительно Берестов, поняв, что это именно та квартира, которую он искал.

— С какой целью? — нахмурился парень.

— С целью выявления на предмет живучести по фотографии, — серьезно произнес Берестов, полагая, что чем витиеватей он объяснится с охраной, тем больше у него шансов повидаться с потомственной колдуньей.

— Ставка известна? — спросил парень с кобурой.

— Триста долларов! — прошептал Берестов и для пущей достоверности вытащил из кармана три стодолларовые купюры и сунул парню под нос.

Столь великодушный жест снял с припозднившегося клиента все подозрения. Парень попросил подождать и исчез, захлопнув дверь. Через минуту дверь отворилась, и охранник с кобурой сделал пригласительный жест. Берестов последовал за ним через длинный коридор в дальнюю комнату, с изумлением отмечая по сторонам все те же обои под дерево, что и на старой квартире, все ту же чеканку и те же светильники, висящие на прежних местах. Приглядевшись, он заметил, что обои прикреплены канцелярскими кнопками.

Когда он шагнул в комнату, то унюхал запах того же дешевого благовония. А на столе, покрытом бордовым бархатом, стояли две зажженные свечи. По углам на прежних местах были развешены те же иконы, и она, потомственная колдунья, восседала за столом в той же величественной позе.

Только, когда Берестов вошел в комнату, ее величие как ветром сдуло. Глаза колдуньи округлились, и в них появился скандальный блеск. Она бросила укоризненный взгляд на охранника, и тот замер у стены.

— Вы насчет интервью? — спросила колдунья мрачно.

— Нет! — ответил Берестов, нагло усаживаясь перед ней. — Я к вам не в качестве журналиста, а в качестве посетителя. Меня интересует вот эта девушка. Ставку я знаю. Могу заплатить вперед.

Берестов вытащил из кармана триста долларов и бросил их на стол. Затем достал из сумки фото Сверилиной и положил перед колдуньей. Глаза Анжелики потеплели, но подозрительность осталась. Она метнула взгляд в охранника, и он вышел. Колдунья внимательно взгляделась в фото. Берестов не сводил с нее глаз. По всему было видно, что она не узнает эту девушку. Или делает вид, что не узнает ту, которая, вполне вероятно, поставляла ей клиентов. Минуты две она смотрела на фото, не моргая, затем медленно подняла глаза.

— Что вас интересует про эту девушку?

— В первую очередь, жива она или мертва? — улыбнулся Берестов, и сердце его замерло. Что бы сейчас ни сказала эта потомственная авантюристка, все будет не в ее пользу.

— Она мертва! — произнесла колдунья тихо.

— И давно? — спросил Берестов, несколько растерявшись.

— Более двух лет.

Берестов ожидал услышать что угодно, только не это. Он замер, уставившись на колдунью, пытаясь понять, не издевается ли она над ним. Однако колдунья смотрела на журналиста строго. Берестов сглотнул слюну и произнес с откуда-то дурацки выскочившим смешком:

— Странно! Я с ней сегодня разговаривал. И снимок этот сделал сегодня. И разговор, кстати, у нас шел о вас. Она вас очень хвалила. Рассказывала, как два года назад приходила к вам зарядить кошелек и после этого сразу разбогатела. Вы ее помните?

В глазах колдунии не промелькнуло ни единой искры. Лицо не выразило даже тени эмоции.

— Я ее помню, — произнесла она, глядя журналисту в глаза. — Сразу же после меня она и умерла. Так что сегодня вы беседовали не с ней, а с ее призраком.

Берестов вздрогнул.

— С призраком? — повторил Берестов. — Хм... А я даже не заметил. Выходит, сегодня днем с двенадцатого этажа выбросилась не она, а ее призрак?

В глазах колдунии снова не отразилось ничего. Так же невозмутимо она промолвила, не отрывая от журналиста глаз:

— Вы не так поняли. Два года назад она умерла для Бога, ибо избрала себе путь служения мамоне.

— А! Ну так бы и сказали! — облегченно выдохнул журналист. — Предупреждать надо, что это иносказание. Если с этой точки зрения подходить, то живых уже не осталось, поскольку мамоне сейчас служат все. Вы сами-то кому служите? — усмехнулся журналист. — Богу, что ли? Вы морочите голову гражданам и берете за это деньги. Ваша ложь поставлена на поток. Вы существуете за счет своей лжи, и вы еще имеете наглость утверждать, что не умерли для Бога, а Сверилина, значит, сразу и умерла, как только ей обломались легкие деньги?

— Во всяком случае на мне Сатана не ставил своей печати, — произнесла Анжелика, и взор ее помутился.

— А на Сверилиной поставил? — покачал головой журналист. — Стыда у вас нет!

— Уходите! — процедила сквозь зубы колдунья. — И деньги ваши забирайте.

Берестов поднялся, спокойно взял со стола редакционные доллары и фото Сверилиной. Затем молниеносно вытащил из сумки фотоаппарат и, не дав колдунье опомниться, сделал быстрый снимок со вспышкой.

— На память! — радостно щелкнул он пальцами и поспешно ретировался в коридор.

С обаятельной улыбкой он проскользнул мимо парня, и тот беспрепятственно выпустил его из квартиры. Тут же подвернулся и лифт. Берестов запрыгнул в него, спокойно доехал до первого этажа и не ощутил никаких следов погони. Главное, чтобы сразу завелся «жигуль». Он иногда барахлит. Однако «жигуль» не подвел. Мотор уже вовсю тарахтел, когда охранник с искаженной от негодования физиономией выскочил из подъезда. Берестов надавил на газ, и машина тронулась. Парень понесся за ней, но куда там! Журналист завернул за угол, выехал на шоссе и дал полную скорость.

Это была удача! Он не только разоблачил магический салон, но и сделал снимок. Сработал по высшему классу, улыбался Берестов и уже набрасывал структуру завтрашней статьи. Вот это будет бомба! Да еще с фотографией. «Два года тело ходило без хозяина, а потом бросилось с двенадцатого этажа», — мелькнул в голове подзаголовок. — Такой вывод

сделала известная в Москве колдунья Анжелика, бросив беглый взгляд на фотографию...»

Берестов на ходу набрал телефон редакции и спросил, не ушел ли еще фотограф.

— Нет, но уже собирается домой! — ответила секретарша.

— Тормозни его! Мне нужно срочно передать ему пленку...

И пока Берестов мчался по Москве в направлении Китай-города в радостном настроении, парень с кобурой в совершенно ином настроении и с опущенной головой виновато топтался перед столом своей работодательницы.

— Значит, не догнал? — зловеще качала головой колдунья.

— Он на машине, а я на своих двоих... Как догнать?

— Ты зачем вообще его пустил? — метала искры колдунья. — Это же тот самый журналюга, который приходил в пятницу.

— А я откуда знал? Я его морду не видел. Я был за занавеской.

— А по голосу не мог вспомнить?

— У меня слуха с детства не было.

Колдунья швырнула в охранника подсвечник, но он увернулся.

— Я какого черта тебя держу! Идиот! Недоносок! Скотина! Этот журналюга принес нам несчастье на той квартире. Теперь надо сматываться и с этой, а я уже заплатила вперед за три месяца!

— Я запомнил номер его машины! — воскликнул охранник.

— И что? Завтра его статья с моей фотографией облетит всю Москву. Все, мне конец. Надо менять профессию.

Анжелика закрыла глаза ладонями и разрыдалась.

— Эти журналюги поганые всю жизнь мне отравили! С ментами еще можно договориться, с бандитами можно договориться. Этих же — только убивать. Боже мой, я ему такого наплела: если он опишет, все московские маги будут валяться без памяти.

— Зачем же ты ему наплела? — удивился охранник.

— Сначала лягнула, что первое в голову пришло. А потом понесло. Остановиться не могла... Черт!

Она взглянула на охранника совершенно озверевшими глазами и крикнула:

— Чего ты на меня уставился, как олух! Придумай что-нибудь...

Около семи Берестов подъехал к гастроному, находившемуся на той же улице, что и его дом. Он устало вышел из машины и нырнул под козырек магазина. На улице уже было темно. В магазине почти никого. Леонид купил батон, пельменей, крабовых палочек, кетчуп и бутылку пива. Рассчитавшись и сложив покупки в два пакета, Берестов вышел из магазина, кинул мешки на заднее сиденье машины и уже хотел было повернуть ключ зажигания, как к окошку подскочила незнакомая женщина с гитарой в руках и взволнованно воскликнула:

— Молодой человек, сейчас в вашей машине возился какой-то подозрительный тип в кожаной куртке.

— Что? — удивился Берестов и, сунув руку под зажигание, нащупал два проводка, ведущие под его сиденье.

Он тут же выскочил из машины и, поблагодарив женщину, помчался обратно в магазин. Там, на свету, в присутствии всех продавщиц, заведующего магазином, четырех покупателей и этой милой женщины с гитарой журналист позвонил в милицию и сообщил, что в его машину, возможно, подложили бомбу.

Непонятно, что Маргариту заставило обернуться. Она уже подходила к двери собственного подъезда, как внезапно заметила, что за ней следуют двое высоких парней в коротких кожаных куртках. Ей показалось, что она их видела в Кузьминках, где сегодня давала урок, затем в переходе метро и даже, кажется, в обоих вагонах, в которых ехала до «Спортивной». После чего они мелькнули на выходе у киоска, где она покупала хлеб, и вот сейчас они снова угрюмо маячат сзади, не отставая ни на шаг. Но, возможно, Маргарита ошибается. Ведь это не шутка — увидеть, как в машину подкладывают бомбу. Да еще дома... Боже мой, что ждет ее сейчас дома?

Маргарита отперла чипом бронированную дверь подъезда и сразу рванулась к лифту. Лифт долго не приходил. В тот момент, когда он наконец пришел, женщина услышала, как заскрежетала входная дверь. Сердце ее оборвалось. «Это они», — мелькнуло в голове, и она, прыгнув в лифт, скорее нажала на свой этаж. Бедняжка услышала торопливые шаги, явно намеревающиеся поспеть к лифту. Но тщетно. Она выскочила на своей площадке и принялась торопливо скрежетать замком решетки, а лифт тем временем поплыл вниз.

«Надо было выйти на другом этаже, — мелькнуло в голове. — Снизу элементарно засечь, на каком этаже остановился лифт».

Решетка наконец поддалась. Она вставила ключ в замок своей первой, бронированной двери. Дверь открылась без проблем. Вторая дверь, к счастью, оказалась открытой, а лифт между тем полз вверх. Интересно, где он остановится? Она шагнула в квартиру, захлопнув бронированную дверь, и прислушалась. Лифт остановился на четвертом этаже. «Слава богу», — облегченно вздохнула она и наконец оторвала от двери ухо. И вдруг вспомнила, что не заперла за собой решетку. Она выскочила из квартиры, со скрежетом провернула ключ в замке и прислушалась. На четвертом этаже царила тишина. Видимо те, кто приехал, уже вошли в квартиру.

Теперь предстояло другая невозможная задача — посмотреть в глаза квартиранту. В квартире было подозрительно тихо. Она заглянула в кухню — никого. На плите стояла сковородка и пахло рыбой. Она открыла крышку и обнаружила под ней жареную мойву в сухарях. Откуда? У нее не было мойвы. И вдруг сзади услышала тихий вкрадчивый шорох. Маргарита обернулась и вздрогнула.

В проеме двери стоял ее квартирант, но в каком виде: он был пунцовым, потным, со вздутыми на лбу венами и дрожащим подбородком; глаза его лихорадочно блестели и были совершенно невменяемы.

— Что с вами? Вы выпивши? — спросила она.

— Что вы? — улыбнулся он. — Просто меня немного продуло. Не обращайтесь внимания.

— Продуло? Где?

— На балконе.

— Вы выходили на балкон? И мойву вы пожарили?

— Да. Специально для вас. Это, конечно, не самая лучшая рыба, но на большее у меня не было денег.

— Вы выходили из квартиры? — удивилась Маргарита. — Без ключей?

— Извините, — улыбнулся он виновато и вытащил из кармана связку ключей. — Я нашел это в тумбочке прихожей!

— Вы лазили по тумбочкам?

— Еще раз извините! Я искал градусник.

— В тумбочке прихожей?! — вытаращила глаза Маргарита.

— Я подумал, — странно улыбнулся он, — что если вы храните ножи под холодильником, то почему бы градуснику не лежать в тумбочке прихожей?

— Нет-нет, — затрясла головой Маргарита, — градусник у меня в комнате в правом ящике под телевизором. Возьмите! Я разрешаю!

— Спасибо! — произнес он вежливо и исчез.

Маргарита услышала как в комнате щелкнула магнитная дверца тумбочки, и без сил опустилась на стул. Сегодняшнее его поведение было очень подозрительным. «А что, если сейчас вежливо предложить ему исчезнуть?» — мелькнула неожиданная мысль.

Она решительно поднялась со стула и направилась в комнату. Он сидел на полу в расстегнутой рубашке, из-под которой торчал градусник, и глаза его нездорово блестели. Он поднял туманный взгляд на хозяйку и устало произнес:

— Я кое-что начинаю вспоминать, дорогая Маргарита. Это ужасно. Это очень ужасно. Возможно, сегодня мне понадобится скальпель. У вас есть скальпель?

— Нет, — произнесла Маргарита и попятилась.

— А вы можете спросить у соседей? — произнес он.

Но хозяйка квартиры не ответила, потому что зазвонил телефон. К телефону она бросилась, как к спасению.

— Я слушаю, — произнесла Маргарита полусшепотом.

— Это я, тетя Лида, — услышала она в ответ встревоженный шепот соседки. — Риточка, у вас все нормально? Я час назад звонила, никто трубку не брал. А свет в кухне горел.

— А почему вы решили, что у меня не нормально?

— Да потому что у вас днем по балкону ходил голый мужик. Мало того, что он голый, так он еще был мокрый и даже распаренный. Это так надо?

Маргарита не нашла что ответить. Руки ее затряслись. Теперь она поняла, кто был этот человек, две ночи ночевавший у нее, и у кого он унаследовал такую привычку ходить голым. Соседка эту паузу поняла по своему.

— Вы, Риточка, не можете говорить? — спросила она, приглушая голос. — Может, вызвать милицию?

— Вызовите! — шепнула Маргарита, покосившись на дверь. — И предупредите, что в моей квартире, возможно, известный рецидивист Кирилл Киселев, который объявлен в розыск.

— Боже! — вскрикнула соседка. — Бегите же скорей...

Связь оборвалась. Маргарита осторожно положила трубку на аппарат и несколько минут сидела не шевелясь. Затем собрала силы, какие нашла, и на цыпочках принялась выбираться из спальни. При этом кровать ее предательски дрогнула, дверь скрипнула, а из рук неожиданно выпрыгнул газовый баллончик и громко покотился по коридору. Она подобрала его, прокралась мимо дверей спальни, бесшумно влезла в туфли, сняла с вешалки плащ и начала скрежетать ключом в двери. Это было нелегко. В одной руке был плащ, в другой баллончик. Пришлось баллончик быстро сунуть в карман юбки. Дверь наконец поддалась и со страшным скрежетом отворилась.

Маргарита выскочила наружу и кинулась к решетке. Поминутно оглядываясь, она никак

не могла попасть ключом в замок. Когда же попала, то не смогла его повернуть. Замок заедал довольно редко, но метко. Вот и сейчас заартачился именно в такую минуту, в какую не пожелаешь и врагу. Девушка бросила плащ на пол и начала обеими руками давить на ключ. Замок щелкнул, и решетка с душераздирающим лязгом нехотя поддалась. Маргарита схватила плащ и выскочила на площадку.

Но не успела она дотронуться до кнопки лифта, как сзади чья-то сильная рука заткнула ей рот и напуганную женщину втоптали обратно в квартиру. Она услышала, как двое неизвестных переступили порог ее прихожей и захлопнули за собой бронированную дверь. Маргариту бесшумно протащили через всю прихожую в кухню. Там развернули, и она с ужасом увидела перед собой тех самых стриженных, в черных куртках отморожков, которые следовали за ней с Кузьминок. Один, что постарше, показался ей знакомым.

— Есть еще кто в квартире? — спросил он шепотом, не отрывая ладонь от ее рта.

Она замычала и указала глазами на стену, за которой была комната. Тот, что помоложе, вытащил из-за пояса пистолет и бесшумно направился в коридор. Из кухни было видно, как он быстро юркнул в ванную, потому что в комнате хлопнула дверца тумбочки.

Немного погодя послышался звук открываемой двери, а следом донеслись приближающиеся шаги. Амбал отпустил Маргариту и вытащил из-за пояса пистолет. Он поднес его к губам и метнулся за холодильник. На пороге кухни появился квартирант. Настроение его было приподнятым.

— Уже тридцать восемь и две, — сообщил он весело и вдруг заметил в ее глазах испуг. Улыбка моментально слетела с его лица. — Вы чем-то напуганы? — спросил он озабоченно.

В ту же секунду бандюга выскочил из-за холодильника и наставил ему в лоб пистолет.

— Тише, дядя! Одно слово — и ты труп.

Растерянность отразилась в глазах у бывшего бомжа.

— Вы кто? — спросил он шепотом.

— А вот кто! — произнес появившийся сзади второй и вмочил Антону по макушке рукояткой пистолета.

Квартирант рухнул на пол лицом вниз, беспомощно раскинув руки, а парень усмехнулся. Он направил на лежащего без чувств пистолет, но тот, что постарше, остановил:

— Ты хоть глушитель надень, олух! Здесь стены тонкие. А я пока займусь дамочкой.

Бандюга вытащил из кармана кусок пластыря и залепил Маргарите рот. Затем поволок в комнату. Когда он ее почти бесчувственную бросил на диван и надвое разорвал юбку, Маргарита вдруг вспомнила, откуда знала этого типа. Да это же тот самый из параллельного класса, который тогда после дискотеки чуть не изнасиловал ее на лавочке. Тело узнавало его цепкие липкие руки и так же, как тогда, неприязненно отторгало. Как тогда, она извивалась в его мерзких объятиях, но тогда можно было кричать, а сейчас ее рот был заклеен пластырем. Он заломил обе руки за спину, но Маргарита продолжала отбиваться ногами.

— Ух ты какая! — произнес он с ухмылкой и ударил женщину в челюсть.

В ту же секунду на кухне произошло какое-то движение, послышался удар, короткий стон и звук падающего тела. Бандит замер.

— Леха, ты его кончил, что ли? — спросил он встревоженно.

Однако в ответ не услышал ни звука. Бандит отпустил одну руку Маргариты и взял в руки пистолет. Дверь в комнату отворилась, и на пороге возник Антон с топориком для рубки мяса в руках.

— Ты замочил Леху? — вытаращил глаза бандит. — Ну ты козел...

Бандюга взвел курок, но в ту же секунду Маргарита прыснула ему в глаза газовым баллончиком, который неизвестно как оказался в руке. Раздался выстрел. Зазвенели разбитые стекла дверей. Пуля прошла в сантиметре от виска квартиранта. Не дожидаясь второго выстрела, Антон подскочил к бандиту и шарахнул ему по макушке обухом топора. Парнишка отключился.

В это время на кухне послышались стон и возня. Парень, видимо, пришел в себя.

— Бежим, — шепнул Антон, хватая Маргариту за руку. Они выскочили в коридор и толкнули дверь, которая, по счастью, оказалась открытой. Открытой оказалась и решетка. Не дожидаясь лифта, оба со всех ног понеслись на первый этаж. На площадке третьего этажа на ступенях сидели какие-то подростки с гитарами в руках. Они в страхе вскочили и шарахнулись от мчащихся на них мужика с безумными глазами и топориком для рубки мяса и полуголой тетки с разорванной до пояса юбкой, развевающейся сзади, как чапаевская бурка.

Парочка выбежала из подъезда и сразу же бросилась к первой попавшейся машине.

— Ключи у вас есть? — спросил Антон.

— Нет! — ответила она.

Он, не долго думая, разбил топориком переднее стекло и открыл дверцу. Когда они прыгнули на сиденья, Антон со знанием дела выдернул провода зажигания, замкнул их и завел машину. В ту минуту, когда автомобиль на невероятной скорости выскочил на шоссе, с другого конца дома во двор въехали две милицейские машины.

После того как взрывное устройство было обезврежено и автомобиль отогнан в гараж, Берестов вернулся домой и позвонил в «Коммерсант» Калмыкову:

— Привет, Толик! Меня только что чуть не грохнули.

— Опять стреляли?

— Если бы стреляли! Подложили в машину бомбу. Под сиденье, старик. Представляешь, что бы со мной было? И где? У самого дома. Я только на минуточку зашел в магазин.

— Да ты, я вижу, растешь! В качестве журналиста ты уже котируешься по высшему разряду. Поздравляю!

Толик выдал раскатистый смешок, после чего умолк надолго.

— Извини, это нервное. Ты опять занялся криминалом?

— Окстись! Какой к черту криминал? Всего лишь разоблачил одну предсказательницу.

И Берестов в подробностях рассказал о двух своих визитах к потомственной колдунье, не опустив, конечно, что охранник мчался за машиной и на ходу расстегивал кобуру.

— Это такие крутые предсказательницы пошли? — удивился Калмыков. — Нет, старик, тут что-то не то. Вспоминай, что ты опубликовал на минувшей неделе?

Берестов напряг лоб и ответил с удивлением:

— Ты знаешь, за последнюю неделю я вообще ничего не опубликовал. Даже вшивой информации! Вышел только что из отпуска. Еще даже, можно сказать, не раскачался, и тут — на тебе! Сразу бомбу под сиденье.

— Может, тебя с кем-то перепутали? Хотя нет! Обычно они не путают. Вспомни: позавчера, вчера, сегодня с кем ты разговаривал?

— С одной из клиенток этой колдуньи. Рентгенолог. Кстати, через полчаса после интервью она выбросилась с двенадцатого этажа.

— Сама или ты ей помог? Ну не буквально, конечно...

— Понимаешь, тут дело темное. За час до разговора она сняла в сберкассе семьдесят тысяч на покупку дома под Москвой. Пришла домой как бы с деньгами и сразу отправилась на интервью со мной. Прикинь! А после интервью она, не заходя в квартиру, забралась на двенадцатый этаж и бросилась вниз башкой. Нехило?

— Интересно... — задумался Калмыков. — Деньги, конечно, исчезли?

— Такие подробности мне не известны.

— Ну расскажи в деталях, о чем вы с ней трепались.

Берестов добросовестно во всех подробностях пересказал другу байку Сверилиной о том, как несчастной долго не везло с деньгами и тогда она отправилась к колдунье, а после того, как, отчаявшись, совершенно идиотским образом отдала шарлатанке последние триста баксов, ей свалилось на голову целое состояние...

— Понятно! — нетерпеливо перебил Калмыков. — С кем еще ты разговаривал? Вспомни!

— В субботу у меня был разговор в «мерседесе» с одной очень красивой и, кажется, весьма не бедной женщиной. Тоже клиенткой колдуньи. У нее два года назад пропал муж.

— Так! — пробормотал Калмыков. — Труп нашли?

— Найти-то нашли. Но колдунья по фотографии за шестьсот баксов определила, что он жив.

— За такую сумму я тебе сам кого хочешь оживлю. Значит, говоришь, два года назад он пропал? Вообще, к твоему сведению, начиная с середины девяносто шестого года в России без вести пропало очень много людей. Пик приходится на девяносто седьмой год. А в феврале девяносто девятого обнаружилось в Москве около двухсот человек, пропавших ранее в регионах. Они не помнили ничего. Даже своего имени. Потом некоторые из тех, кого нашли, постепенно вспомнили жен, детей, родственников; вспоминали свое детство, прошлое, но только до того момента, как пропали. Где они были после того, как вышли из дома, чем занимались — полнейший провал. Этого не добился от них ни один гипнотизер. Так вот, мое личное наблюдение: в девяносто седьмом году в России победила спиртовая мафия. По объему самые огромные поставки турецкого спирта в страну пришли именно на девяносто седьмой год. Усекаешь?

— Честно говоря, нет!

— Я начертил два графика: объем завоза контрабандного спирта в Россию за последние четыре года и количество пропавших людей. Они почти идентичны. Ты понял?

— Понял.

— Ну ладно. Это к слову. Я к чему все это веду? Предсказательницы подобного рода держат нос по ветру. Так что... Слушай! — неожиданно воскликнул Калмыков. — Я, кажется, догадался, куда ты вляпался. Точно! И как тебя угораздило? Е-мое! Ты хоть из дома звонишь?

— Откуда же? — удивился Берестов.

— Пистолет есть? Нет? Сиди и не высовывайся. Я сейчас подъеду...

Столь спешное окончание разговора очень удивило Берестова. И голос у Калмыкова почему-то дрогнул. Надо же! Леонид пожал плечами и отправился на кухню.

И вдруг Берестову показалось, что в дверях кто-то тихо ковыряется в замке. Леонид вышел в коридор, включил свет и ясно услышал, как снаружи к его бронированной двери какой-то крендель подбирает ключи. Не успел он что-либо сообразить, как дверь распахнулась и в квартиру влетели двое здоровенных архаровцев в масках. Они сбили Леонида с ног и сунули ему в нос тряпку с эфиром. «Вот и каюк!» — последнее, что мелькнуло в голове, и вслед за этим откуда-то издалека раздался назидательный голос, сказавший про него почему-то в третьем лице: «Так Леонид и не узнал, в какую историю он вляпался».

Берестов очнулся на заднем сиденье машины. Рот его был заклеен пластырем, на глазах черная шапка, руки и ноги крепко связаны. «Если не убили сразу, значит, будут допрашивать. Может, тогда выяснят, что это недоразумение», — мелькнула в голове спасительная мысль. Голова болела, тело ныло, кости ломило. Он попробовал пошевелить ногами, затем руками. Тщетно. Связали очень капитально. Сколько же он был без сознания, Берестов, разумеется, не знал. Знал только, что его везут в иномарке, судя по гулу двигателя — в «ниссане», что их двое и они не особо разговорчивые.

Через полчаса автомобиль съехал с шоссе и покатил по проселочной. Пока они прыгали по кочкам, несчастный журналист забывался дважды. Как ни мучительна была дорога, но, когда автомобиль остановился, сердце журналиста скользнуло в пятки.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Парни вышли из машины, глухо хлопнув дверцами, и открыли заднюю со стороны головы пленника. Они без слов схватили его за голову и грубо выволокли. При этом шапка немного съехала на затылок, и Берестов краем глаза увидел кирпичный трехэтажный дом,

глухой забор и две скуластые белобрысые физиономии. Шапочку ему поправили и поставили на ноги. Один выругался и развязал ноги. Его толкнули в сторону дома, довели до каких-то ступеней, затем поставили подножку, и он покатился вниз по шершавому бетону.

Ощувив спиной холодную жесткую плоскость, журналист понял, что прибыл на место назначения. Дверь наверху со скрежетом захлопнулась, и стало тихо. Пленник лежал несколько минут на ледяном полу, затем поднялся на ноги и принялся на ощупь обследовать помещение. Дойдя до стены, он потерся о нее щекой и тем самым скинул с себя закрывавшую глаза шерстяную шапочку.

Осмотрелся. Он находился в темном подвале с двумя крошечными окошечками, забранными металлическими решетками. В одном виднелась часть двора с глухим забором и двумя тощими яблоньками. В другом был виден белый «ниссан». Номера не просматривались из-за темноты.

Леонид обошел весь подвал. В одном углу он наткнулся на пружинный матрас и кучу какого-то белья. В другом — на пустую деревянную бочку.

Предстояла задача освободить руки. Леонид долго ходил вокруг бочки и все соображал, как снять с нее обруч, чтобы перепилить веревку. Он пару раз ее пнул, но в домашних тапочках это не возымело эффекта. Тогда журналист решил перетереть веревку о бетонную стену.

Он в кровь ободрал оба запястья и стер до костей ладони, но час упорного трения у стены дал свои результаты. Веревка была перетерта. После того как руки освободились, Леонид отлепил от лица пластырь и начал растирать затекшие кисти. Они плохо слушались, поскольку ооченели. Ничего не оставалось, как отправиться к пружинному матрасу и начать копать в полусгнившем барахле. От холода уже зуб на зуб не попадал.

Бедняга напялил на себя холодную сырую фуфайку, а шею обмотал какими-то влажными тряпками. Шапочку, которую он бросил у стены, пришлось снова подобрать и напялить на голову. На ноги пленник надел дырявые шерстяные носки, которые нащупал в куче. Чтобы согреться, Берестов сделал несколько приседаний, после чего повалился на матрас и укутался пыльным ватным одеялом.

Притихнув и немного согревшись, Берестов неожиданно услышал, что из угла доносятся еле слышимые голоса. Он встал и принялся обследовать угол. В него была впечатана идущая наверх труба. Если к ней прислонить ухо, то можно услышать, о чем говорят наверху. Однако наверху говорили мало. В основном слышался шум телевизора.

Берестов сел на корточки перед трубой и прислушался. Слух его обострился настолько, что он даже стал различать отдельные слова диктора. Голоса бандитов, когда они кое-что вставляли, слышались значительно лучше. Они, судя по всему, играли в карты, поскольку произносили одно и то же.

За полчаса сидения на корточках Берестов ничего полезного для себя не узнал. Он встал, перетащил матрас к трубе и задремал. В таком положении он слышал лучше. Даже разобрал, что зазвонил телефон и один из бандитов произнес в трубку:

— Слушаю. Это Макс! Да! Мы не в курсе. Они пошли за бабой и до сих пор их нет. Баба просекла, как Стас возится в машине и предупредила журналиста. Журналист вызвал легавых. Да нет, нет! Все нормально! Потом мы его взяли. Прямо из дома. А Вольдемар с Лехой пошли за бабой. Нет! Они поехали на метро. Что? Повязали! По НТВ в новостях?

Было слышно, как бандит, прекратив разговор, крепко выругался и произнес:

— Переключай на НТВ. В новостях передают, что Леху с Вольдемаром повязали.

Канал, по всей видимости, переключили и прибавили звук. Минут десять было тихо, лишь диктор по-деловому сообщал московские новости, и вдруг бандиты заволновались:

— Вон, вон они! Тихо ты, заткнись.

— «Сегодня вечером сотрудниками уголовного розыска в квартире музыкального работника Маргариты Гореловой было задержано двое грабителей. Их личности уточняются. У задержанных обнаружено огнестрельное оружие. Пистолеты с глушителями и несколько гранат. Оперативники считают, что это не просто грабители, а члены одной из подмосковных криминальных группировок, предположительно Можайской...»

Оба бандита покатались со смеху.

— Сами вы Можайские!

— Да заткнись ты, дай послушать!

— «Между тем, — продолжала дикторша, — Маргарита Горелова до сих пор не найдена, хотя, как утверждают соседи, именно по ее просьбе они позвонили в милицию. Обстоятельства этого происшествия еще выясняются».

Бандиты возмущенно загалдели:

— Козлы! Они чем там занимались! Вдвоем одну бабу грохнуть не могли...

— Тихо ты! Заткнись! Киселя показывают.

— «Разыскивается особо опасный преступник Кирилл Киселев, — невозмутимо продолжала дикторша. — Тысяча девятьсот шестьдесят пятого года рождения. Приметы: рост метр семьдесят восемь, телосложение среднее, глаза карие, волосы русые, прямые. Особые приметы: шрам над правой бровью. Лиц, располагающих какой-либо информацией, просят позвонить по телефонам...»

— Ты чего-нибудь понял, Макс? Кисель-то здесь при чем?

— Ничего не понял. Он че, воскрес?

Они летели по Ленинградскому шоссе куда-то за городскую черту, и у Маргариты никак не поворачивался язык спросить: куда же они так несутся? Во-первых, от удара челюсть ее распухла, во-вторых, от страха стучали зубы, в-третьих, из разбитого окна так хлестало, что стоило открыть рот, как она сразу начинала задыхаться. Первым голос подал водитель:

— Как бы вам не простыть на таком сквозняке. Вы сорвите с заднего сиденья чехол и завернитесь в него.

Маргарита, немного подумав, так и сделала, быстро, по-деловому, без лишних слов, поскольку ее трясло как в лихорадке. Когда она завернулась в толстый вельветовый чехол и немного согрелась, то неожиданно тоже проявила заботу:

— А вы? Вы же с температурой, да еще на ветру.

Он улыбнулся как-то по-новому, уже более уверенно и ответил:

— Это, наоборот, пойдет мне на пользу.

После этого некоторое время рассекали шоссе молча. Он лихо лавировал с полосы на полосу, подрезая и оставляя сзади более крутые иномарки. Водитель не снижал скорости даже при виде поста ГИБДД, а на патрульные машины вообще не обращал внимания.

— Лихо вы водите, — произнесла она, несколько уняв дрожь.

— Когда машина классная, она сама идет. Кстати, сколько вы за нее дали?

— За что? — не поняла она.

— За ваш «ауди».

Она бросила на него изумленный взор и едва заметно усмехнулась.

— Вы думаете, это машина моя?

— А чья? — удивился он.

— Я не знаю, — пожала плечами Маргарита. — У меня вообще нет машины.

Он так долго смотрел на нее, что Маргарита стала опасаться за дорогу.

— Тогда почему вы бросились сразу к ней? — спросил он с недоумением.

— Я бросилась? — удивилась Маргарита. — По-моему, мы вместе бросились.

— Выходит, мы угнали чужую машину, — пробормотал он.

И вдруг рассмеялся. Следом рассмеялась и Маргарита.

— Знаете, мне еще не приходилось угонять машины, — признался Антон.

— Вы это точно помните?

— Точно.

— Если не секрет, куда мы едем?

— Черт его знает!

— Я думала, вы знаете, — удивилась Маргарита.

— А я думал, вы знаете, — улыбнулся он. — С вашей стороны не было ни слова протеста, когда я выехал на эту дорогу.

— Но почему вы выбрали именно эту дорогу?

— Она мне знакома.

Маргарита замолчала. Тревога снова охватила ее.

— А что, если нам сдать властям? — предложила она.

— Зачем торопить события? Загрести нас всегда успеют, — со вздохом произнес он. — Вы не беспокойтесь. Уже недалеко. Я это чувствую. Кстати, извините за нетактичный

вопрос: что это за джентльмены хозяйничали в вашей квартире?

— Понятия не имею! — дернула плечами Маргарита. — Я думаю, это те, кто подложил бомбу журналисту.

И Маргарита рассказала Антону обо всем, что произошло в Кузьминках: как она случайно увидела, что в автомобиль, из которого вышел мужчина, неожиданно прыгнул какой-то подозрительный тип с сумкой в руках. Тип несколько минут копался с зажиганием, затем, оглянувшись по сторонам, выскочил без сумки. Сердце Маргариты екнуло, и она все рассказала вернувшемуся владельцу автомобиля. Тот заволновался и позвонил в милицию, и действительно, приехавшие через пять минут менты обнаружили в машине взрывное устройство.

Антон слушал Маргариту очень внимательно и хмурился.

— Это наверняка меченые, — пробормотал он себе под нос, дослушав историю до конца.

— Что вы сказали? — переспросила она.

— Я говорю, что вы ввязались в историю еще почище, чем я...

Маргарита не стала спрашивать про историю, в которую ввязался он, поскольку челюсть уже не шевелилась. К тому же, едва показался Солнечногорск, беглянка почувствовала, как ее спутник напрягся. Он сморщил лоб и начал что-то мучительно вспоминать, всматриваясь в горящие огни и светофоры. Наконец водитель уверенно свернул налево и оставил город в стороне. После чего сполз с дороги и въехал в коттеджный городок.

Остановившись у трехэтажного с двумя башнями и глухим забором дома, он долго пристально вглядывался в его темные окна, затем, не сказав ни слова, вышел из машины и полез через забор. Минут через пять, к удивлению Маргариты, ворота отворились и из них как ни в чем не бывало вышел Антон. Он загнал машину во двор и велел Маргарите подождать, а сам, к ее ужасу, полез по водосточной трубе на второй этаж. Она увидела, как он легко прошел по карнизу вдоль окна, толкнул форточку и ловко влез в нее. «Если что, скажу, что он меня принудил войти в дом», — подумала она.

Вскоре на первом этаже вспыхнул свет, двери отворились, и Антон сделал пригласительный жест. Маргарита вошла в совершенно чужой дом, совершенно неизвестно с кем и почему-то не испытала никакого страха. Невыносимо болела челюсть, тело ныло, кожа от холода покрылась пупырышками.

— Предупреждаю, что этот дом не мой, — произнесла она, клацая зубами.

— И, кажется, не мой, — грустно улыбнулся он.

— Чей же?

— Если бы еще знать чей!

Он запер дверь, провел ее в каминный зал и посадил в кресло. Маргарита наблюдала за ним. Нельзя сказать, что он плохо ориентировался в этом доме. Лишь время от времени вены на его лбу вздувались и глаза становились стеклянными, как будто он вспоминал что-то давно забытое. Не выходя из дома, Антон приволок откуда-то охапку дров и растопил камин. Затем спустился по лестнице откуда-то сверху с двумя бокалами и квадратной бутылкой шотландского виски. Он налил ей полный бокал, а себе плеснул на доньшко:

— Выпейте залпом, вам надо согреться!

— А вам не надо? — удивилась она.

— Мне наоборот...

Он пригубил из своего бокала, поморщился, затем посмотрел на этикетку и ничего не

сказал. Маргарита сделала три глотка и подумала, что такого шикарного виски она не пила никогда. Ей сразу сделалось хорошо и потянуло в сон. К тому же со второго этажа он приволок длинную норковую шубку и потребовал, чтобы она укуталась. Сам же снова куда-то исчез.

Несмотря на то что на душе было тревожно, от виски стало легко и тепло. Она даже почувствовала себя уютно. Прекрасная все-таки вещь — камин, пусть даже и чужой. Если завтра застукают хозяева, она свалит все на него. Авось не убьют. Антон приволок откуда-то маленький телевизор и поставил перед ней на стуле.

— Не скучайте. А я пока соображу насчет ужина.

Его забота была подозрительной. Маргарита не верила в его бескорыстие. Так всегда поступают маньяки. Сначала заботятся, а потом расчленяют.

По телевизору ничего интересного не было. Она без интереса пощелкала каналы и, оставив телик на НТВ, пошла бродить по дому. На первом этаже был зал с шикарной мягкой мебелью, комнатка со столом и просторной кроватью, огромная прихожая, невероятных размеров кухня и еще несколько подсобных комнатушек. На втором этаже было две спальни, кабинет с красивым антикварным столом и огромный музыкальный зал. В нем стоял рояль, должно быть очень дорогой. Какой фирмы, Маргарита не посмотрела, не решившись включить свет. Однако и без света все было видно, поскольку окна зала были огромными и за ними светили фонари.

Маргарита побродила по залу и заметила, что в музыкальной гостиной не только рояль, — на стенах висят еще несколько скрипок, виолончель и гитара. Она ущипнула гитарную струну, и от звука, который разнесся по комнате, в ее душе все перевернулось. О таком инструменте можно только мечтать. Ей за всю жизнь не заработать на такую гитару.

Она осторожно сняла со стены инструмент и поставила ногу на подоконник. Подоконник был подходящей высоты. Он как будто для того и предназначался, чтобы на него ставили ноги гитаристы. Маргарита начала играть концерт из Палау, сначала робко, потом все уверенней и вдохновенней. Звуки полились так свободно, что она обо всем забыла. Опомнилась, только когда почувствовала спиной чей-то горящий взгляд. Гитаристка обернулась и вздрогнула.

В дверях вырисовывался чей-то громадный силуэт с длинным ножом в руках. Тут не могло быть никакой ошибки: в его руках был именно нож. Это было видно очень четко. Этот некто с ножом, не шевелясь, смотрел на нее и молчал.

— Антон, это вы? — произнесла она как можно спокойней, хотя от страха тряслись все поджилки.

Силуэт качнулся. Одна рука его с шуршанием поползла по стене, другая с ножом напряглась. Наконец пальцы ползущей руки пошевелились и внезапно вспыхнул свет. Это был он, Антон. Но в каком виде? Глаза его были мутными и совершенно невменяемыми, лицо — красным, потным, напряженным. Он тяжело дышал, трясся и был явно не в себе. В одной руке действительно сверкал огромный никелированный нож. Взгляд безумца был устремлен куда-то мимо Маргариты и выражал усталую боль. Наконец его зрачки пошевелились. Он посмотрел на Маргариту, как будто не узнавая, и жутким загробным голосом произнес:

— Антона давно нет. Остался лишь его призрак.

Призрак, покачиваясь, сделал шаг по направлению к Маргарите, и та с визгом бросилась за рояль. Антон остановился, выпучил глаза и принялся трясти головой. Когда он поднял

голову, глаза его были уже менее безумными, хотя по-прежнему большими. Антон перехватил ее взгляд и посмотрел себе на руку, сжимавшую нож. Едва заметная усмешка тронула его влажные губы. Он спрятал руку с ножом за спину и спокойным голосом произнес:

— Извините, Маргарита! У меня, кажется, сильная температура. Если я буду бредить, не обращайтесь внимания... — Он переступил с ноги на ногу и выдавил улыбку, затем вздохнул и выронил из-за спины нож. — А я вожусь на кухне, слышу, вы играете... Знаете, не могу себя удерживать... когда искажают. Извините, в первой части нужно играть ре-диез, а не ре-бекар... И басы должны быть глубже по звуку...

Он качнулся и закрыл глаза. Постояв так несколько секунд, поднес ладонь ко лбу и прошептал:

— И басы должны быть глубже по звуку...

— На простой гитаре это невозможно, — подала голос Маргарита, трясаясь, как в лихорадке. — Нарсисо Йепес специально для этого концерта Палау заказывал десятиструнную гитару.

— Что? — спросил он, отняв руки от глаз. — Йепес? В Мадриде я три дня его поил в лучших ресторанах, а он мне так и не показал свою знаменитую десятиструнную гитару.

Антон развернулся и, покачиваясь, пошел прочь. Остановившись у лестницы, он оглянулся и произнес серьезно, без какого-либо намека на иронию:

— Я закажу вам... десятиструнную гитару.

Когда он исчез, Маргарита метнулась к окну. «Бежать», — была первая ее мысль. Однако на пластиковых рамах она не увидела никаких шпингалетов. На форточках тоже. Все было глухо.

Она повесила гитару и на цыпочках прокралась в спальню. Как ни была напугана бедная девушка, она все же понимала, что в разорванной до пояса юбке, блузке без пуговиц и домашних тапочках далеко не убежишь. Не бежать же ей в этой дурацкой норковой шубе.

Маргарита открыла шкаф одной из спален и увидела в нем великолепно пахнущую чем-то бесконечно дорогим верхнюю мужскую одежду. Она отправилась в другую спальню, и точно — та оказалась женской. Живут же люди!

В платяном шкафу Маргарита вцепилась в первые попавшиеся джинсы и розовый джемпер. Джемпер пришелся впору, а джинсы были длинноваты. Это было не смертельно. Маргарита загнула их и стала подбирать обувь. Из обуви ничего спортивного не было. Пришлось влезть в полусапожки на высоком каблуке. Они были больше на два размера, но недостаток их заключался в другом — сапожки сильно цокали по лестнице.

Она на цыпочках спустилась в гостиную, прокралась мимо кухни в прихожую и подошла к двери. К ее удивлению, на дверях она также не обнаружила ни замка, ни ручки. Приглядевшись, она увидела на одной из створок горящий светодиод. «Не иначе, как прихожая открывается пультом», — догадалась она и услышала сзади шаги.

— Вика? — раздался сзади удивленный голос.

Маргарита обернулась. В дверях гостиной стоял Антон с серебряным подносом в руках, от которого валил пар. Он почему-то вытаращил глаза, затем замотал головой.

— Извините! Что-то я совсем стал плохой. Вы ищете туалет?

Маргарита кивнула.

— Идемте, я вам покажу.

Пришлось отправиться за ним через гостиную к дверям, находящимся у входа в зал.

— Если вам нужна ванная, то дверь рядом, — произнес галантно Антон. — Ужин готов. Я жду вас в гостиной.

Когда она вернулась в гостиную, уже был сервирован маленький столик и к нему подвинуто два кресла. На подносе дымилось какое-то ароматное блюдо из мяса, картошки, сыра и майонеза.

— Мясо по-французски, — пояснил он и плеснул в ее бокал виски. — К этому блюду, конечно, полагается белое вино, но вам полезнее принять покрепче, чтобы не заболеть.

«Напьюсь до беспамятства, и пусть расчлениет», — подумала она и выпила до дна.

Он едва пригубил. Блюдо было исключительно вкусное. Это она отметила рассудком, а не желудком. Насладиться яством ей не давала тревога. Тем не менее она энергично умяла содержимое тарелки. Он же почти не притронулся.

— Извините, — произнес с улыбкой, поднимаясь с места. — Я вынужден вас оставить. Мне еще нужно найти скальпель.

Маргарита вздрогнула и перестала жевать. Его глаза были красными и мутными. Похоже, он не шутил. Со лба струился пот, его покачивало. Он ушел на второй этаж и там затих.

«Бежать», — снова мелькнула мысль.

Однако виски ударило в голову. Мозги размякли и размякло тело. «Что-то непохоже, что он намерен расчленить меня сегодня, — сладко зевнула Маргарита. — О здоровье заботится. К тому же где он здесь найдет скальпель?»

Глядя на огонь в камине и раздумывая над тем, как «сделать ноги», она каким-то дурацким образом задремала. И ей даже приснился сон.

Маргарита брела по цветочной аллее к роскошному дому с колоннами и несла в руках пилию. И тут она вспомнила, что это ей уже снилось. Что сейчас, когда она дойдет до середины аллеи, ей навстречу из дома выбежит дочка в розовом платье и капоре с бантами. А потом выйдет он, ее мужчина, великолепный, стройный, изысканный, в дорогом костюме и рубашке с жабо. И он действительно вышел, а дочка не выбежала. «Почему не выбежала? — удивилась Маргарита, но тут же себя успокоила: — Это ничего. Ничего страшного. Зато сейчас она увидит его лицо». И вдруг откуда-то издали раздался голос диктора НТВ, впрочем, он и не умолкал, а теперь, когда стройный вышел ей навстречу, голос диктора усилился и стал четче: «Кирилл Киселев, тысяча девятьсот шестьдесят пятого года рождения. Приметы: рост метр семьдесят восемь, телосложение среднее, глаза карие, волосы русые, прямые. Особые приметы: шрам над правой бровью...» И в ту же секунду Маргарита увидела лицо мужчины, идущего к ней. Это был Антон. Лицо его было потным красным и никак не сочеталось с белоснежным жабо. Глаза его были безумными, а губы искажены хищной усмешкой. Над правой бровью у него действительно был шрам, огромный, багровый, безобразный. Как же она не замечала его раньше? И вдруг этот шрам на глазах стал распухать, из него потекла кровь, сначала крупными каплями, затем тоненькой струйкой. Антон улыбнулся, а Маргарита в ужасе отшатнулась: все зубы у него были в крови, а два передних выпирали, словно клыки. Он протянул ей руки, и в одной из них блеснул окровавленный скальпель.

Маргарита вскрикнула и проснулась. Вокруг никого не было. Работал телевизор, и из него деловым тоном доносилось: «Лиц, располагающих какой-либо информацией, просят позвонить по этим телефонам...»

Взглянула на экран. На нем мерцала полоска с какими-то номерами.

Маргарита выключила телевизор и минут пять сидела в тишине, прислушиваясь. Сердце билось. Вокруг ни звука. «Как это я могла вот так беззаботно заснуть?» — удивилась она и осторожно поднялась с кресла. С опаской посмотрела вверх, но там не ощущалось ни малейших признаков жизни. Тогда Маргарита осторожно направилась в ванную, но сапоги предательски цокали. Сейчас она умоется холодной водой и придумает, как сбежать.

Свет в ванной почему-то горел. Это она увидела сквозь щель двери. Маргарита рванула ручку и в ужасе отшатнулась. Он стоял перед зеркалом в крови с расплосованным лбом, и в руке у него сверкал скальпель.

Калмыков так долго и отчаянно звонил в квартиру Берестова, что из соседней квартиры вышла соседка.

— Ну что вы названиваете? Нет его дома. Вы ему звоните, а у нас все отдается. У нег такой громкий звонок.

— Вы не знаете, где он?

— Откуда мы можем знать? Он нам не докладывает.

— Может, вышел куда, в магазин или мусор вынести? Вы не слышали ничего? Я ему и на сотовый звонил — никто не отвечает.

Голос у Калмыкова был таким расстроенным, что женщина сообразила: с соседом произошло нечто неприятное.

— Знаете, вообще-то у него в прихожей была какая-то возня, а потом как будто что-то упало на пол тяжелое. После все стихло.

— Стон, крики, хрипы слышали? Запаха крови у вас в прихожей не чувствуется.

— Что вы такое говорите, — испуганно попятилась соседка и быстро закрыла дверь перед носом журналиста.

Калмыков позвонил по сотовому своему знакомому полковнику Кожевникову и вкратце обрисовал ситуацию.

— Стой на месте, сейчас подошлю ребят. По-моему, бомбой занимался капитан Горохов.

Буквально через двадцать минут опергруппа из трех человек в полном боевом обмундировании вышла из лифта.

— Анатолий Калмыков? — спросил один из них. — Очень приятно! Капитан Горохов! Где квартира Берестова?

Квартиру открыли легким движением руки при помощи какой-то отмычки. Оперативники внимательно осмотрели прихожую. На полу была разбросана обувь и валялся сотовый телефон. Капитан присел, внимательно осмотрел полы. Подобрал какой-то подозрительный комочек грязи, затем принюхался.

— Мужики, по-моему, пахнет эфиром.

Мужики стали водить носами и подтвердили: эфир, вне всякого сомнения. Кроме этого, капитан унюхал еще и запах какого-то редкого английского одеколona. Он вошел в ванную, перенюхал все пузырьки и высказал предположение, что, кроме хозяина, было еще двое. В комнату не входили.

— Стас, посмотри замок!

Один из милиционеров присел перед дверью и долго что-то высматривал через увеличительное стекло в скважине замка.

— Похоже, что открывали булавкой.

— Все ясно! — сказал капитан Горохов. — Открыли отмычкой, ворвались, журналист, видимо, вышел в прихожую, они сразу усыпили его эфиром и поволокли в машину. Сейчас поработаем с соседями...

Милиционеры принялись звонить по всем этажам и расспрашивать хозяев квартир, наблюдалось ли что-нибудь подозрительное в их подъезде. Калмыков тоже принял горячее участие в опросе. Именно он и нашел свидетельницу, видевшую, как полчаса назад трое

пьяных молодых людей в обнимку вышли из лифта. Двое были в кожаных куртках. Они еще вязали лыко и даже пытались что-то петь, третий был в одной рубашке и совершенно невменяем. Но что ее поразило — от них воняло ацетоном.

— Это они! — насторожился капитан. — В какую машину сели?

— Насчет машины ничего сказать не могу, — развела руками соседка. — Я вообще на машины не обращаю внимания.

— Но, может быть, какая-нибудь посторонняя машина у подъезда вам бросилась в глаза, — продолжал допытываться капитан.

— Ничего больше мне в глаза не бросилось, — ответила соседка и закрыла дверь.

Опросили хозяев квартир первых этажей, чьи окна выходили во двор. В берестовском подъезде никаких посторонних машин не заметили, а в соседнем сказали, что, кажется, видели какую-то белую иномарку.

Вот, собственно, и все сведения, какие смогли собрать за этот вечер оперативники. Группа захвата с Калмыковым села в милицейскую машину и на всякий случай сообщила всем постам дорожно-патрульной службы, чтобы приглядывались к подозрительным белым иномаркам.

— Но вряд ли будут приглядываться, — покачал головой капитан Горохов. — Слишком уж неконкретные сведения. Одно не возьму в толк: зачем они журналиста похитили, когда перед этим хотели взорвать?

— Кто? — спросил Калмыков.

— Судя по амуниции, братки из можайской криминальной группировки. Хотя это не точно. Их еще допрашивают.

— Так их поймали, тех, кто подложил бомбу?

— Двоих поймали. Но еще не точно, что это именно они. Хотя судя по всему — команда одна.

Машина тронулась. Капитан закурил и откинулся на сиденье.

— Команда одна, как пить дать. Решили убрать свидетельницу, которая может опознать минера. Выследили ее, проникли в квартиру, и тут мы их накрыли...

Калмыков удивленно взглянул на капитана.

— Свидетельницу пришить не удалось?

— Этого мы еще не знаем, — задумчиво выпустил дым капитан. — Она исчезла. А тех двоих в ее квартире кто-то хорошо замочил арматурой.

— Кто? — удивился Калмыков.

— Вот и я думаю кто. Кроме того, непонятно, кто вызвал милицию. Вызывала женщина, но, кажется, не сама Горелова. И вот что любопытно: она сказала, что в ее квартире хозяйничает известный рецидивист Кирилл Киселев. Два года назад он совершил побег из мест, не столь отдаленных, и, по слухам, его приютили люблинские.

Капитан впал в окончательную задумчивость, а машина продолжала нестись по ночной Москве.

— Судя по почерку, это орлы из новой формации, — пробормотал себе под нос капитан после долгого молчания.

— Что значит из новой? — встрепнулся Калмыков.

Капитан выпятил вперед челюсть и обернулся к журналисту:

— Сейчас в бандитском мире происходит кардинальный передел. Криминальные группировки второй год энергично теснит какой-то молодняк. Откуда он взялся —

непонятно. Можно сказать, новое течение в криминале: без всяких предварительных ультиматумов отстреливают известных паханов и авторитетов, и даже некоторых промышленников, связанных с криминальным бизнесом. Работает новая волна, как правило, либо в одиночку, либо парами: парень с девушкой. Ребята очень хорошо подготовлены — смелые, дерзкие, неуловимые. Где их готовят — неизвестно. Но главное, непонятно, кто за ними стоит.

Наутро полусонного журналиста за шиворот выволокли из подвала и молча втащили в дом. Несмотря на то что Берестов ночью промерз до самых кишок, спал он настолько крепко, что даже не слышал, как утром во двор дома въехал фиолетовый джип с темными стеклами. Леониду пару раз заехали по физиономии за то, что он перетер веревку, затем поставили в гостиной перед каким-то молодым холемым мужчиной в кожаном пальто. Он сидел нога на ногу в кресле и смолил сигару.

Незнакомцу было около тридцати. Коротко стриженный, чисто выбритый, сытый, пахнувший дорогим одеколоном. Голубые глаза его были совершенно ледяные и наглые, явно привыкшие к вседозволенности. Он молча осмотрел журналиста с ног до головы, и одна ноздря его презрительно дернулась.

Конечно, заспанный, взлохмаченный, в рваной фуфайке, с грязными тряпками на шее, Леня выглядел не лучшим образом.

— Маргарита Горелова — твоя знакомая? — спросил незнакомец у журналиста.

— Кто это? — поморщился Берестов, втягивая голову в плечи. — Подозреваю, что вы меня с кем-то путаете.

— Мы никогда никого ни с кем не путаем, — назидательно пояснил мужчина. — Та женщина с гитарой, которая подошла к твоему «жигулю» предупредить о бомбе, до этого тебя знала?

— А вот кто! — тряхнул головой Берестов. — Нет! Я видел ее впервые.

В глазах мужчины мелькнула искра недоверия. Задумчиво пожевав губу, он лениво спросил:

— Тогда зачем она к тебе подходила? Ей жизнь не дорога или делать нечего?

— Это вы уже спрашиваете у нее, а не у меня.

— Спросим, — криво усмехнулся парень. — Когда поймает. Ну а ты пока отдыхай.

Его снова схватили сзади и поволокли на улицу.

— Минуточку! — крикнул Берестов, вырвавшись из рук архаровцев. — Могу я, наконец, спросить: что все это значит? За что мне бомбы-то суют под сиденье? Может, вы вообще меня с кем-то спутали?

— Мы никого ни с кем не путаем, — назидательно повторил парень. — Ты журналист Леонид Берестов? Тогда все нормально. Расслабься. Тебя заказали.

— Кто? — вытаращил глаза журналист.

— Мы не разглашаем клиентов, — улыбнулся парень.

— Но за что?

— А это не нашего ума дело.

— Вы меня убьете? — ужаснулся Берестов.

— Если тебя не купят, — зевнул парень и махнул рукой.

Берестова выволокли из дома и снова бросили в подвал. Он лег на матрас лицом вниз и затих. «Вот и конец! — подумал. — Допрыгался. Точнее, дописался».

Впрочем, о чем он таком написал, что его сразу «заказали»? Берестов перебрал в памяти все свои публикации за последние три месяца, но не нашел ни одной, за которую могли подложить бомбу под сиденье. Единственная, кто искренне желала его смерти, — это потомственная аферистка Анжелика. Но обладает ли бабенка такими средствами, чтобы

«заказывать» неугодных ей клиентов, если она даже обои крепит канцелярскими кнопками? Берестов поразмыслил и пришел к выводу, что она могла нанять бандитов. Бизнес ее шел неплохо, клиентура, видимо, была, а разоблачительный материал, да еще с фотографией, означал полный крах ее карьеры.

Берестов вскочил с матраса и кинулся к решетке. Что же он так раскис-то? Что же он уже сдался и опустил руки? Ведь должен же быть выход. Обе решетки стояли крепко. Их не то что руками, ломом не выломаешь. А если даже и выломаешь, все равно не пролезешь.

Берестов обследовал металлическую дверь. К ней тоже без лома не подступиться. Да и с ломом бесполезно. Журналист вернулся на матрас и задумался. Остался один способ удрать отсюда: когда придут за ним, тюкнуть охранника по башке и «сделать ноги». Только чем?

Берестов скрупулезно обшарил все углы подвала и не нашел ничего подходящего, чем можно тюкнуть по башке. Он критически осмотрел бочку, и ему пришла в голову шальная мысль: а что, если спрятаться в нее? Охранник придет, посмотрит, что никого нет, помчится в дом с криком: «пленник сбежал», а дверь впопыхах оставит открытой... Вполне возможно, что такой план был бы и ничего за неимением других, но бочка для Берестова оказалась маловата.

В глубокой задумчивости журналист присел на матрас и вдруг услышал во дворе какую-то суету. Кажется, к дому подъехала машина. Берестов кинулся к окну и увидел, что в ворота въехали еще две иномарки: «форд» и «вольво». Из «форда» вышло двое: молодой парень в замшевой короткой куртке и высокий черноволосый мужчина в длинном пальто, с белым шарфиком поверх него. Почему-то Берестов подумал, что этот здесь самый главный, так как все вокруг него сразу подтянулись, засуетились, услужливо забегали, а вышедший на крыльцо парень, который интересовался Гореловой, расплылся в подхалимской улыбке.

Из «вольво» вышли четверо здоровых жеребцов в кожаных куртках. Один из них был высокого роста. Трое других будто вылиты с одной болванки. И ростом, и на лицо, и по одежде они были совершенно неразличимы. Берестову эта четверка была неизвестна, однако, если бы он каким-нибудь образом задержался в салоне Анжелики, то наверняка бы сейчас узнал их.

Начальство ушло в дом, а к этим четверым подвалили хозяева дачи. После рукопожатий до Берестова донеслась часть их разговора, из которого можно было понять, что журналиста «заказали» наверху, а учительницу они хотели грохнуть по собственной инициативе, поскольку она знала в лицо Стаса, который подложил бомбу. Таким образом их команда разделилась: Вольдемар с Лехой отправились за той самой женщиной, которую нужно было ликвидировать, и больше не возвращались. Что там у них произошло, неизвестно. Но в результате их повязали на квартире учительницы, а сама она исчезла. Что особенно удивило бандитов, когда по НТВ показывали Леху с Вальдемаром: оба были с разбитыми головами.

— Крутая баба? — сплюнул под ноги один.

— Думаешь, ей кто-то помог?

Тут бандиты опять вспомнили про какого-то Киселя и долго качали головами и говорили, что не случайно вслед за этим сюжетом показали его фоторобот.

Тут у одного из них зазвонил сотовый. Поднеся его к уху, он произнес «слушаюсь!» и направился к подвалу. Ключ в двери заскрежетал, железная дверь отворилась, и в световом проеме нарисовалась фигура.

— На выход, — сказал он коротко, и Берестов покорно стал подниматься по ступеням.

Его привели в ту же гостиную, что и утром, и поставили перед начальством по стойке

«смирно». Оба сидели в креслах и потягивали что-то из жестяных банок. Первого Берестов уже видел, а второй, судя по всему, был главнее. На его шее красовалась черная бабочка, ноги в лакированных ботинках, черные волосы набриолинены и зачесаны назад. Глаза карие, очень внимательные. Брови сросшиеся. Над одной из них шрам. Он осмотрел Берестова с ног до головы и спросил с иностранным акцентом:

— Вы занимаетесь спортом?

— Нет, — ответил Леонид.

— А хорошо умеете стрелять?

— Нет. Стреляю я неважно. В армии всегда мазал.

— Это очень плохо, — покачал головой иностранец. — Вы, русские, очень ленивые, потому ничего и не умеете.

— Не такие уж мы и ленивые, — возмутился Берестов. — Кое-что мы умеем. Например, морды бить. И бьем их получше, чем вы, американцы.

— Я не американец. Я англичанин, — поправил иностранец.

— Мне это один черт!

— А мне не один. Вы товар не высшего класса. На вас спроса сейчас нет. Спрос сейчас на молодых, спортивных, сильных, а вы?

— Я журналист, а не спортсмен, — произнес Берестов с обидой.

— Мне не нужны журналисты. Мне нужны работники.

— А журналисты, по-вашему, не работники? — удивился Берестов.

— Русские журналисты не годятся даже на то, чтобы мести улицы. Но вас, в виде исключения, я куплю за полцены. Есть одно место в цехе.

— Но, мистер Ричард, мы на бензин больше потратились... — зашевелился в кресле парень с рыбьими глазами.

— Или за полцены, или пускайте в расход, — отрезал иностранец. — На такого заявок нет.

Продавец в кресле махнул рукой, и Берестова, грубо схватив за руки, потащили к «форду». Толкнув в салон, ему мигом закатали рукав и всадили укол. В ту же секунду глаза его помутнели, он дернулся в какой-то неистовой судороге и без чувств свалился на сиденье.

Очнулся он в какой-то чистенькой, маленькой лаборатории, на жесткой кожаной кушетке. Сколько он был в небытии, Леонид не знал и приблизительно. В голове шумело. Все члены ныли.

Берестов поднял голову и заметил, что он совершенно голый. Вокруг никого. У стены стоял какой-то медицинский аппарат, похожий на рентгеновский. Берестов поднялся и подергал дверь. Она была закрыта довольно плотно. «Попробовать разбежаться и выбить ее плечом», — мелькнула мысль. Он отошел к противоположной стене и уже хотел скомандовать себе «марш!», как дверь сама собой отворилась и в нее вошел тот самый иностранец в бабочке и лакированных туфлях. За ним вошли два угрюмых бугая.

— Все русские начинают одинаково — с вышибания двери, — произнес он презрительно. — Ни один не пробовал вступить в переговоры.

— С кем? — удивился Берестов.

— Со своим новым хозяином, — ответил иностранец и указал глазами на висящей под потолком светильник.

Берестов догадался, что это был глазок наблюдения.

— Итак, — деловито произнес мистер Ричард, — пока вы спали, мы вас обследовали.

Несмотря на то что вы пренебрегаете занятиями спортом, состояние ваше не такое уж и плохое. Встаньте на машину!

Иностранец указал на стоящий у стены рентгеновский аппарат. Берестов покорно взошел на него и прижался к экрану. Иностранец сел напротив.

— Неплохо, — произнес он. — Легкие хорошие. Еще бегаєте без одышки. Очень жаль, что вы не стрелок. Мне сейчас нужны стрелки.

— Что вы все заладили: «Мне да мне!» — произнес в раздражении Берестов. — Вы кто здесь? Господь Бог?

— Забудьте о Боге, — произнес иностранец. — Теперь вы будете служить только мне.

— Откуда такая уверенность? — возмутился Берестов.

Иностранец поднялся с места и широко улыбнулся.

— Не только служить, но и поклоняться мне, как Богу. А кто не будет служить и поклоняться мне, тот будет убит.

— Да вы зверь! — удивился Берестов.

— Совершенно верно, — качнул головой иностранец. — Я — зверь. Это про меня сказано в тринадцатой главе Апокалипсиса: «И дано ему было вложить дух в образ зверя, чтобы образ зверя говорил и действовал так, чтобы убиваем был всякий, кто не будет поклоняться образу зверя. И он сделает то, что всем — малым и великим, богатым и нищим, свободным и рабам — положено будет начертание на правую руку их или на чело их». Так что, Берестов, готовьте свою правую руку и лоб. Я вас буду метить.

Маргарита в ужасе закрыла рот и, издав короткий стон, попятилась. Он смотрел мутными и совершенно безумными глазами, сжимая в дрожащей руке окровавленный скальпель, и, кажется, совсем ее не узнавал. Пару минут они молча смотрели друг на друга. Наконец, он, качнувшись, угрюмо двинулся на нее. Маргарита с визгом кинулась на второй этаж, забежала в спальню и забилась в платяной шкаф.

Через некоторое время она услышала на лестнице его тяжелые шаги. Они протопали в музыкальный зал, затем в кабинет, наконец в соседнюю спальню и зловеще направились к ней. Он переступил порог спальни и остановился. Несчастливая услышала, как его рука заскользила по стене, наткнулась на выключатель и зажгла настенную лампу. С минуту было тихо, после чего его шаги стали тихо приближаться к шкафу.

Уже наполовину отключившаяся Маргарита почувствовала, что он остановился рядом. Она даже услышала его шумное дыхание, но преследователь почему-то не спешил распахнуть дверцы. Маньяк некоторое время безмолвно приняхивался у шкафа, затем неожиданно постучал. От этого стука сердце девушки провалилось в бездну. Она мысленно попрощалась со всеми, и сознание ее уплыло.

— Маргарита! — услышала она откуда-то со стороны. — Я чувствую по запаху, что вы здесь. Я очень болен. Мне нужно поспать. Извините, что невольно напугал вас. Я не хотел. Вы ложитесь здесь и ничего не бойтесь. Завтра я буду в норме.

Шаги его стали удаляться. Но за порогом он остановился, и девушка услышала:

— Знайте, что вы мне очень дороги.

Он ушел, но Маргарита еще долго сидела в шкафу. Она дважды засыпала, но дважды рывком встряхивала головой, не позволяя себе заснуть. «Как можно спать, когда он рядом?» — думала она и снова усталость сползала откуда-то сверху, наваливалась и клонила голову вниз. «А не перейти ли действительно на кровать? — было последней ее мыслью. — Ведь если сегодня мне суждено быть расчлененной, то пусть лучше это сотворят со мною во сне».

Как бедняжка наутро оказалась в разобранной кровати, для нее осталось загадкой. Утро было на редкость солнечным. За окном что-то уютно шелестело и чирикало. Солнце разбросало лучи по стенам спальни, и казалось, что этот райский уголок сотворен из чистого золота.

Маргарита подняла голову и прислушалась. В доме царила невероятная тишина. Она поднялась с постели и вдруг с удивлением обнаружила, что джинсов на ней нет и нет на ней джемпера, а сама она в каком-то шелковом кружевном пеньюаре. Маргарита сунула руку под пеньюар. Трусики, слава богу, были на месте, но бюстгальтер отсутствовал. Его вместе с джинсами и розовым джемпером она нашла на пуфике. Джинсы и джемпер были сложены аккуратно, и именно ею. За это она могла ручаться.

Маргарита оделась и как можно тише спустилась по лестнице на первый этаж. Она уже была внизу, как вдруг услышала шаги. Девушка испуганно обернулась и увидела его выходящим из соседней спальни. Он был в дорогом бежевом халате, в роскошных меховых тапочках и с огромным пластырем на лбу. Глаза его светились, на лице сияла широкая улыбка.

— Доброе утро, Маргарита! — произнес он обаятельно. — Как вы спали?

— Прекрасно спала, — скороговоркой произнесла она.

— Я тоже прекрасно спал. И, кажется, неплохо себя чувствую. А вы себя как чувствуете?

— Нормально, — сухо ответила Маргарита.

Он чутко уловил ее настроение.

— Извините, я вчера вас напугал. Ей-богу, это произошло ненароком. Вас нужно было сразу отнести в спальню, но вы так трогательно задремали в кресле, что я не посмел вас тревожить.

— А что это вчера вы делали со своим лбом? Вы помните?

Улыбка моментально слетела с его лица. В глазах появились растерянность и тревога.

— Я все помню, дорогая Маргарита. Придет время, я вам все расскажу. Но сначала мне нужно обрести себя...

Антон осекся на полуслове и с досадой закусил губу. Озабоченно поведив глазами, он посмотрел на нее каким-то новым, сильным взглядом и стал спускаться с лестницы.

— А неплохо бы нам сейчас хлебнуть кофейку, — бодро произнес он. — Какой вы предпочитаете?

— «Нескафе», — пробормотала Маргарита.

На ее ответ он весело расхохотался. Маргарита впервые увидела его смеющимся и подумала, что ему это очень идет.

— Сколько в вас остроумия, Маргарита! Я приготовлю кофе по-бразильски, если вы не возражаете.

Он легко сбежал с лестницы, коснувшись ее полами своего халата, и скрылся в кухне. Маргарита направилась в ванную. Умывшись, она подумала, что произошедшая перемена пошла ему на пользу. Исчезли застенчивость, робость и затравленность. В нем появилась мужская уверенность и стали проступать элементы какой-то не отечественной куртуазности. Кто бы мог подумать, боже мой, — это у бомжа-то с Казанского вокзала?

Но все равно, вчерашний скальпель и кровавый лоб сильно смущали Маргариту. Все равно она его боялась и думала только об одном: «Как бы побыстрее слинять?»

Когда она открыла дверь ванной, дом уже наполнился изумительным кофейным ароматом. Антон вышел из кухни с подносом, на котором дымились две чашки кофе и лежало несколько бутербродов с ветчиной. Он элегантно указал Маргарите на кресло и поставил поднос. Затем заглянул ей в глаза и сказал:

— Не знаю, понравится ли вам кофе по-бразильски. Большинство предпочитают по-турецки, но, на мой взгляд, у турков не столь изысканный вкус.

«Боже, откуда эти светские речи и жесты?» — подумала Маргарита и пригубила чашку. Кофе действительно был великолепный. Выпив его и съев бутерброд, она поблагодарила и сказала:

— Мне нужно в Москву. У меня сегодня уроки.

— Понимаю, — сказал он. — Но вас ищут бандиты.

— Никто меня уже не ищет, — покачала она головой. — Их вчера поймали.

В его глазах блеснула радость.

— Откуда вы знаете?

— Вечером показывали по НТВ.

— Ну что ж, это прекрасно! — произнес он с улыбкой. — Вам нужно будет дать показания в милиции. Я вам советую позвонить, чтобы они за вами приехали.

— Куда? Сюда? — вытаращила глаза Маргарита. — Чтобы сразу впяли срок за то, что

влезли в чужой дом?

На его лице появилась растерянность.

— А ведь точно, — грустно улыбнулся он. — Я и забыл, что это чужой дом. А мы здесь всю хозяйничаем, как в своем.

— Так чей же это дом? — сощурила глаза Маргарита.

Он пожал плечами и отвел взгляд. Затем деловито сложил пустые чашки на поднос и отнес его на кухню.

— Что ж, — произнес он серьезно. — Я вас отвезу.

— На угнанной машине? Нет уж, спасибо. Я на электричке.

— Никаких электричек! Поедем на машине, — произнес он тоном хотя и мягким, но не терпящим возражений.

Антон отправился на второй этаж. Он пробыл там несколько минут и вышел одетым в новые голубые джинсы, бежевую замшевую куртку и бейсболку, закрывающую безобразный пластырь на лбу. На ногах у него были супермодные ботинки с ремнями и квадратными носами. Все это ему так шло, что Маргарита подумала: «Подлецу все к лицу...»

— Вы решили украсть одежду? — строго спросила она.

Антон растерянно посмотрел на штаны с ботинками, снял бейсболку и виновато высунул язык.

— А ведь точно! Я как-то не подумал. Ведь если дом чужой, значит, и одежда в нем чужая.

С минуту он размышлял, затем снова надел бейсболку и произнес:

— Знаете, Маргарита, что-то мне подсказывает, что я могу позаимствовать здесь одежду. Как, впрочем, и вы. Вы ведь тоже позаимствовали? Хозяева возражать не будут. Да и вещи не возражают.

— А разве бывает, что вещи возражают? — удивилась она.

— Бывает. И довольно часто, — ответил он и спустился с лестницы.

Подойдя к входной двери, Антон несколько раз нажал большим пальцем на светодиод, и дверь открылась. После того как они вышли на крыльцо, дверь автоматически захлопнулась.

Он вынул из кармана целлофановый пакет и ловко заделал им разбитое окно автомобиля. Затем дотянулся до заднего сиденья, с усмешкой взял топорик и сунул себе за пояс. Только после этого он открыл перед Маргаритой дверцу. Когда она уселась, завел машину и хитро подмигнул:

— Какое счастье, что колющие и рубящие предметы вы храните под холодильником. Вчера, после того как меня долбанули и я свалился, моя рука сама легла на этот топорик. Собственно, холод металла и не дал мне отключиться. Пока этот болван наворачивал на свой кольт глушитель, я по-быстрому вскочил и долбанул обухом ему по лбу. Ну а дальше вы знаете.

Маргарита одарила его теплым взглядом и ничего не ответила. Машина тронулась. Когда автомобиль приблизился к воротам, они открылись сами. Парочка выехала на дорогу и понеслась на огромной скорости в Москву. Маргарита была уверена, что их тормознут у первого же дорожно-патрульного поста и тогда она, наконец, отделается от этого страшного человека. Однако на всем протяжении пути ни один автоинспектор не посмотрел в их сторону.

Они остановились у подъезда ее дома на том же самом месте, откуда вчера угнали автомобиль. Беспрепятственно вышли из машины, и никто на них не обратил внимания.

Антон поправил за поясом топорик и застегнул куртку. Маргарита пригладила растрепавшуюся прическу.

Она намеревалась подняться в квартиру переодеться, но не хотела, чтобы гость последовал за нею. Поэтому ей ничего не оставалось, как посмотреть попутчику в лицо и прощально протянуть руку.

— А сейчас мы должны расстаться. Я опаздываю на работу.

Он все понял. Взял ее руку и грустно посмотрел ей в глаза.

— Что ж, прощайте, Маргарита, — интеллигентно улыбнулся он, но она, не дослушав, резко развернулась на высоких каблуках и побежала в сторону метро.

Однако едва Маргарита завернула за угол, как путь ей преградили два молодых парня в кожаных куртках. Один из них кивнул в сторону стоящей неподалеку машины, другой услужливо открыл дверцу. Маргарита узнала парня, который открыл дверцу. Это был тот, кто подложил журналисту взрывное устройство. Несчастливая взвизгнула и понеслась обратно. Один из бандитов рванул следом. Вокруг ни души. Бандюга настиг ее на углу дома. Он грубо зажал ладонью рот и поволок к машине. Вторым подскочил и схватил испуганную женщину за ноги. Они уже почти затащили Маргариту в машину, как один из парней охнул и, схватившись за затылок, без чувств повалился на нее. Она увидела, как следом со стоном рухнул и второй. В ту же секунду некто выволок за ноги лежащую на ней тушу и схватил бедную женщину за руку. Это был Антон.

— Бежим! — крикнул он хрипло, пряча топорик под куртку.

Не оглядываясь, они выбежали из безлюдного двора и вскоре влились в поток торгашей, возвращавшихся из Лужников. Отдыхались только на эскалаторе.

— Это очень опасные ребята, — произнес озабоченно Антон. — Вам надо сейчас в милицию, а не на работу. Напишите заявление, и пусть дадут вам охрану. Запомнили марку автомобиля и номер?

— Нет.

— Я запомнил. Расскажите все.

— И про вас?

— Про меня не надо. Мне еще нужно кое-что вспомнить.

Антон сморщил лоб и словно куда-то провалился. Сойдя с эскалатора, он, точно сомнамбула, забыв про спутницу, направился куда-то в глубь зала. Там спаситель Маргариты сел на лавочку и закрыл лицо руками. Когда он их отнял, Маргарита вздрогнула. Глаза его были красными и безумными. «У него снова поднялась температура», — подумала она и взяла его за руку.

— Вам надо в постель, — произнесла Маргарита.

Он посмотрел на нее мутным взглядом и вдруг улыбнулся.

— Да-да, здорово меня продуло. Не берите в голову. За вами охотятся. Черт! Где же я видел этих двоих? Идемте, я вас провожу до милиции!

Они сели в поезд и доехали до Охотного ряда. В переходе он внезапно остановился около скрипача, вяло пилящего что-то из Моцарта. Антон долго слушал, напрягая лоб, и глаза его то светлели, то наливались кровью. Маргарита дважды дергала его за рукав, но он не реагировал. Наконец, когда музыкант закончил игру, Антон подошел к нему, молча отобрал скрипку и приставил ее к подбородку. С минуту он смотрел в пустоту совершенно отсутствующим взором и вдруг заиграл. Он заиграл так внезапно, мощно и вдохновенно, что вся эта серая, равнодушная движущаяся масса с чемоданами, сумками и баулами замедлила

шаг и остановилась. Все удивленно уставились на музыканта, а ошеломленный скрипач сполз по стене да так и застыл на полу. Такой виртуозной игры не знал этот переход со дня своего основания. Музыка залила все видимое пространство этой безрадостной подземной бытовухи.

Толпа закричала «Вау!», и в музыканта полетели монеты. И тут же привычный ритм метро нормализовался. Толпа снова понеслась по своим делам, и только трое из всего перехода с «Охотного ряда» на «Театральную» никак не могли прийти в себя. Это сам музыкант, скрипач метро и Маргарита. Как преподаватель музыкальной школы, она не могла не сообразить, что такую скрипичную сонату, которую сейчас сыграл ее спутник, мог выдать только виртуоз мирового уровня.

Маргарита подошла к нему, отобрала скрипку и, возвратив ее ошеломленному скрипачу, потащила Антона прочь. Словно во сне, они выбрались наверх и побрели по Никольской в сторону Лубянки, а у Маргариты в ушах все продолжала звучать эта божественная музыка.

Она не вошла, а буквально ворвалась в квартиру, в которой уже были ободраны обои под дерево и почти полностью упакованы чемоданы. Красивая женщина в элегантном плаще из мокрого шелка, с бриллиантовыми сережками и золотой заколкой в волосах была бледна. Анжелика при виде ее нахмурилась.

— Что вам еще от меня надо? Я же вернула вам деньги!

— Плевать мне на деньги! — крикнула женщина. — Вы должны напрячься и сказать, где сейчас мой муж. Я вам заплачу столько, сколько вы запросите.

Женщина бросила фотографию на стол колдуньи и опустилась перед ней на табуретку. Анжелика растерянно всмотрелась в ее безумные глаза.

— Скажите прямо, что вы от меня еще хотите? Я же вам все вернула в двойном размере. И вашим людям заплатила штраф. У меня больше нет ни гроша.

— Я вам все возмещу! — отмахнулась женщина. — Где мой муж? Говорите, вы должны знать.

— Да вы что? — выпятила глаза Анжелика. — Издеваетесь, что ли? Или это у вас такой вид бизнеса? Я не знаю и знать не хочу, где ваш муж!

Женщина вытащила из сумки пачку долларов и бросила на стол.

— Здесь десять тысяч! Вы мне должны сказать, где он может быть!

— Уберите ваши деньги и убирайтесь сами! — вскрикнула Анжелика, вскакивая со стула. — Сначала вы даете деньги, а потом посылаете свою «крышу» требовать с меня в десять раз больше. Валерка, выкинь ее отсюда! — крикнула колдунья в коридор.

В ту же минуту охранник расторопно влетел в комнату и уже было протянул к гостье руки, но она угрожающе прохрипела:

— Назад, козел! И попробуй только до меня дотронуться! Вон отсюда!

Охранник недоуменно посмотрел на хозяйку, пожал плечами и послушно удалился из комнаты.

— Сядьте, Анжелика Петровна, и прекратите вашу истерику, — властно произнесла женщина. — Никакую «крышу» я к вам не посылала. Они приехали сами. Обещаю вам, что больше они к вам не сунутся. Сядьте и успокойтесь!

Анжелика послушно села на место и с мольбой взглянула на посетительницу.

— Ну что вы от меня хотите? Я же вам сказала по телефону, что предсказывать я не умею, я умею только дурачить. Я и вас одурачила. Но я вам все возместила...

— Нет! — стукнула по столу посетительница. — Мне лгать бесполезно. Из всех предсказательниц, которых я знаю, вы единственная говорите правду. Я наводила о вас справки, Анжелика Петровна. Я лично беседовала со многими вашими клиентами — ни у одного из них к вам нет претензий.

Анжелика выкатила глаза и потеряла дар речи. Ее удивление было настолько искренним, что гостья произнесла:

— Может быть, вы не знали, но у вас настоящий дар.

— Вы шутите? — выдохнула Анжелика.

— Мне не до шуток.

— Вообще-то моя бабушка была колдуньей... кажется, — произнесла неуверенно внучка. — В деревне так считали. Но я сама не знаю... Честно говорю. А клиентам я обычн

плету первое попавшее, что взбредает в голову. Не задумываясь.

— Вот и скажите не задумываясь: где сейчас этот человек? — произнесла женщина, указывая на фотографию мужчины со скрипкой. — Вы мне сказали, что он жив, а между тем год назад меня приглашали в бюро судебной экспертизы для опознания его останков. И я опознала.

Анжелика вздрогнула.

— Тогда зачем вы пришли ко мне, если его труп уже опознан?

— А затем, что на днях его видели. И видели именно у Казанского вокзала, про который вы упоминали. И сегодня его видели. Видели в самом центре Москвы с бабой, про которую вы говорили. Скажите, где они прячутся? Вы можете это сказать, я знаю! Умоляю, напрягите мозги!

В глазах клиентки появилось отчаяние. Анжелика растерянно взглянула на фото и задумалась.

— Ничего не вижу...

— Сосредоточьтесь, — приказала женщина. — Задерните шторы, зажгите свечи, возьмите в руки шар, наконец...

— Стоп! — произнесла Анжелика. — Вижу! Вижу его в казенном доме. То ли в тюрьме, то ли в больнице. Скорее всего, в тюрьме!

— Повязали? — удивилась женщина.

— За убийство, — утвердительно кивнула Анжелика.

Глаза клиентки подозрительно сощурились.

— Вы опять дурачите?

— На этот раз нет.

— А в какой тюрьме?

— Из красного кирпича.

— В Бутырке?

— В ней.

Женщина долго смотрела предсказательнице в глаза, но не увидела в них ни тени насмешки.

— Вы это серьезно? — недоверчиво спросила она.

— Серьезней некуда.

Посетительница вскочила со стула и, не попрощавшись, рванула к выходу. Как только дверь захлопнулась, Анжелика воскликнула:

— Валерка, быстро заканчивай с чемоданами и тикаем!

— Куда? — удивленно донеслось из коридора.

— Из Москвы, дурак! Я такое ей наплела...

— Зачем же ты ей наплела? — пожал плечами охранник, входя в комнату.

— А вот зачем! — ответила Анжелика, покрутив перед его носом пачкой долларов.

В ту же секунду в квартиру позвонили.

— Не открывать! — приказала Анжелика.

Охранник на цыпочках подошел к двери и, взглянув в глазок, прошептал:

— Это милиция! Я открываю! Все равно они видели, как от нас вышла женщина.

Охранник звякнул задвижкой, и в квартиру вошло пятеро: четверо в форме и один в штатском. Тот, что был с погонами капитана, насмешливо поздоровался и спросил у хозяйки:

— Так это вы потомственная колдунья Анжелика, а это, насколько я понял, ваш магический салон? — Он скептическим взглядом обвел ободранные стены и вытащил удостоверение. — Отдел по борьбе с организованной преступностью. Капитан Горохов.

— Чем обязана? — нахмурилась Анжелика.

— У меня к вам несколько вопросов. Заподозрю, что лжете, поедете с нами. Кстати, — повернулся он к охраннику, — дай-ка свой пистолетик. Разрешение на него есть?

— Ну, какое разрешение, — пробормотал охранник, расстегивая кобуру. — Он же пневматический.

Капитан подержал в руке копию пистолета «Макарова» и вернул владельцу. После чего блюстители прошли в зал и расселись по стульям и креслам.

— Итак, — строго начал капитан, — где вы были вчера вечером с девяти до одиннадцати?

— Ужинали в ресторане «Монарх», — ответила Анжелика.

— Кто это может подтвердить?

— Персонал ресторана. Мы были единственными посетителями.

— И часто вы ужинаете в ресторане?

— Не часто. Можно сказать, только в исключительных случаях. Вчера был как раз исключительный. Мы отмечали «отвальную». Я решила завязать с магической деятельностью. Вот это дело мы и отмечали.

— Что так? — улыбнулся капитан.

— Убыточно. Клиентуры почти нет.

— «Крыша» еще, наверное, большие бабки дерет? — подмигнул капитан.

Анжелика с охранником переглянулись и одновременно скривили рты.

— У нас нет никакой «крыши». Не такие уж у нас обороты, чтобы позволить себе подобную роскошь.

Капитан обвел глазами ободранные углы квартиры и понимающе покачал головой. Это было похоже на правду.

— Не наезжают без «крыши»-то? — поинтересовался он насмешливо.

— Да как-то бог все миловал, — чистосердечно ответила Анжелика. — Ну какой у нас доход? Только за аренду заплатить! А клиент сейчас пошел нищий...

— Кстати, о клиенте, — поднял палец капитан. — Кто эта нищая женщина, которая только что вышла от вас?

Анжелика потупила взор.

— Честно говоря, я не знаю ни имени, ни фамилии. Она уже второй раз приходит. Первый раз оставляла визитку, но я ее отдала одному журналисту.

— Берестову? — спросил капитан.

— Да, ему! — удивленно подняла глаза колдунья. — Откуда вы знаете?

— Вчера в его машину подложили взрывное устройство. Как только от вас уехал, так сразу и подложили.

— Это не мы! — затрясла головой Анжелика. — Неужели вы вправду думаете, что мы? Мы были в ресторане «Монарх». Это вам подтвердит любой официант. Их там как собак нерезаных...

— Скажите, пожалуйста, — вмешался человек в штатском, — эта женщина приходила к вам по поводу своего пропавшего мужа?

— Точно, по поводу мужа! Он у нее пропал два года назад. А через год его останки

нашли в реке. Их опознали, похоронили, и вот недавно, как она рассказывала, ее мужа видели живым и невредимым у Казанского вокзала...

— Просто мистика какая-то, — рассмеялся капитан поднимаясь с кресла. — Ну что, Петров, дальше твоя работа, — обратился он к прапорщику, по всей видимости участковому.

Все четверо, кроме Петрова, отправились на выход, а он сдвинул брови и ехидно произнес:

— Ну-ка, ребятки, покажите ваши паспорта! Сдается мне, что вы не зарегистрированы по этому адресу...

Когда трое в милицейской форме и один в штатском вышли на лестничную площадку, капитан произнес, обращаясь к мужчине в «гражданке»:

— Типичные лохи! Бомба — не их рук дело. Бомбу подложили профессионалы...

Берестов со страхом и любопытством наблюдал за тем, как иностранец возится с каким-то прибором, напоминающим пистолет, но только с зауженным до величины иглы дулом.

— Сейчас — пшик! И все! — улыбался мистер Ричард, подкручивая что-то тоненькой отверткой и внимательно посматривая на стрелки прибора. — Пшик, и... прощай, немытая Россия! Страна рабов, страна рабов.

— Страна рабов, страна господ, — поправил Берестов.

— Господ? — поднял бровь иностранец. — Русские не рождены для господства. Русские рождены для рабства. Это сорная народность, которая будет уничтожена в ближайшие годы. В новом тысячелетии не должно быть русских. Ну миллионов пять можно оставить для подсобных работ, но не более. Остальные должны быть уничтожены.

— Кем уничтожены? — спросил Берестов, поднимая взгляд на безучастных архаровцев, безмолвно стоящих у дверей.

Журналиста поражали не столько слова англичанина, сколько та бесцеремонность, с которой он произносил их в чужой стране в присутствии ее граждан, взятых им на службу.

— Русские будут уничтожены руками самих же русских, — радостно засмеялся англичанин. — Потому что Ваня завсегда дурак и завсегда рад служить иностранцу. Русские уже начали эту работу. Не без нашей помощи, конечно.

Англичанин расхохотался и нажал на кнопку стоявшего на столе прибора, с которым был соединен шлангом его странный пистолет. У него явно с ним что-то не получалось. Иностранец вытащил из ручки своего агрегата плату с микросхемами и принялся протирать ее спиртом.

— Только русские, — продолжал он, — могут сначала победить, а потом добровольно пойти в услужение к побежденному. Только русские в угоду своим врагам уничтожают себе подобных. Вот какова загадочная русская душа! А загадки никакой нет. В русских просто течет рабская кровь. Русские не любят господствовать, они любят плеть на спине. Вы потому в семнадцатом и прогнали своих господ, что они были для вас слишком либеральные.

— В любом случае, с русскими все ясно, — произнес хмуро Берестов. — Еще Гитлер сказал, что с русскими всегда все понятно: они либо обнимают, либо бьют в морду, а эти проклятые англичане могут сто лет рассуждать о честности и добродетели, но как только почувствуют выгоду, тут же предадут.

Мистер Ричард поднял голову и очень внимательно посмотрел на Берестова.

— А я вижу, ты не так глуп, как кажешься. Хотя лучше бы тебе быть глупым.

В это время у иностранца зазвонил сотовый. Он поднес его к уху и переменился в лице.

— Опять сбой? — переспросил он недовольно. — Хорошо, я сейчас подъеду.

Мистер Ричард положил телефон на стол и стал быстро заканчивать со своим пистолетом. Затолкав плату с микросхемами в ручку и подкрутив что-то отверткой, он ткнул его острым концом в прибор и произнес, подмигнув журналисту.

— Продолжим потом!

Иностранец поспешно покинул лабораторию, и сердце Берестова замерло. Его телефон остался на столе. А рядом на стуле лежала одежда журналиста.

Леонид несуетливо поднялся с кушетки и направился к своей одежде. Англичанин

прежде, чем выйти из лаборатории, что-то шепнул своим архаровцем, и в эту минуту Берестову удалось смахнуть телефон со стола на свои джинсы. «Мобильник» был маленький, просто игрушечный, величиной с пол-ладони. Вцепившись в штаны, журналист большим пальцем захватил и телефон, после чего ловко влез в одну штанину и заметил, что архаровцы молча направляются к нему. Берестов стал дурашливо крутиться, прыгая на одной ноге, прикидываясь, что другая ступня никак не хочет вдеваться в штанину, и в последнюю секунду ему удалось благополучно сунуть телефон в карман.

Архаровец подошел к нему, ни слова не говоря, взял его за голову и вышвырнул в коридор. Вслед за ним он выкинул рубашку и тапочки с носками.

— Повежливей нельзя? — вскрикнул Берестов, подбирая с пола свои бесхитростные пожитки и думая: «Упаси боже, если телефон зазвонит».

Его повели через длинный темный коридор куда-то вниз, где что-то шипело, шелестело и грохотало. Чем ниже спускались они по ступеням, тем мрачнее становились бетонные стены вокруг. Наконец его втолкнули в какое-то темное, объемное помещение, где он сразу же наткнулся на деревянный топчан. Дверь за ним закрылась, и стало совсем темно.

Прошло минут десять, прежде чем глаза журналиста привыкли к темноте. Он с удивлением увидел, что помещение по объему в полтора раза превышает спортивный зал и сплошь состоит из стоящих в четыре ряда двухъярусных лежанок.

«Да это казарма», — удивился Берестов и достал из кармана телефон. Он сделал четыре попытки набрать номер телефона Калмыкова, но в темноте это не удалось. Неожиданно в казарме зажглись две тусклые лампочки. Берестов, быстро отключив телефон, сунул его в носок и кинулся на топчан.

Вдруг дверь отворилась и в казарму молча стали входить люди с равнодушными, пустыми глазами. Они по двое проходили мимо журналиста и дисциплинированно ложились на лежанки, начиная с самого отдаленного конца: один сверху, другой снизу. Поначалу Берестов пытался с ними здороваться, но они не только не слышали, но, кажется, в упор не видели новичка. Леониду сделалось страшно. Цепочка людей, бородатых, немых, в старой, вылинявшей одежде, текла монотонным потоком у его ног и без единого звука послушно занимала свои места. Только один, лысоватый, в коричневой фланелевой рубашке, скосил на него глаза и молча прошел мимо.

Когда все улеглись, между Берестовым и этой безмолвной людской массой осталось только три пустых топчана. Леонид поднялся и направился к двери. Он три раза дернул ручку, но дверь оказалась запертой наглухо. Ни один из тех, кто лежал на нарах, не поднял головы и не произнес ни звука. Но внезапно свет в казарме включился, дверь отворилась, и в камеру вбежало двое парней. Один молча ударил Берестова в подбородок, да так, что он отлетел на три метра. Второй достал баллончик аэрозольной краски и начертил на груди Леонида красный крест. Затем они молча Подхватили его под руки, отволокли и бросили на топчан рядом с каким-то бичом. И ушли. Свет потух. Берестов про себя с изумлением отметил, что ни один из присутствующих в этой казарме не только не издал ни звука, но даже не пошевелился.

Прошло много времени, прежде чем журналист посмел перевернуться на спину. Он с изумлением заметил, что все вокруг него давно сопят или храпят, но почти никто не возится и, кажется, не мается бессонницей. Берестов снова полез в карман за телефоном, но вдруг неожиданно услышал тихие шаги. Чья-то тень мелькнула перед его носом, и кто-то в черном лег на соседний лежак. Берестов напрягся. Тот, который пришел, минут десять не подавал

никаких признаков жизни и вдруг прошептал.

— Вас еще не метили?

— Что? — вздрогнул Берестов, поворачиваясь к нему.

— Тише! — прошептал он. — Закройте рот руками или перевернитесь на живот. Здесь здорово секут, даже в темноте.

— Что значит «не метили»? — забеспокоился Берестов, перейдя на шепот.

— Это типа прививки. Вы забудете все и будете делать только то, что прикажет голос. Но вы должны помнить самое главное: чтобы сохранить свое я, нужно вспотеть и выйти на ветер. Повторяйте это без конца: «Вспотеть и выйти на ветер!» Это должно у вас отложиться в подсознании. В этом ваше спасение. Ближе к утру секут меньше. Наденьте вашу рубашку наизнанку, чтобы ваш красный крест никому не бросался в глаза. Это знак, что вы не меченый. Здесь не оставайтесь. Идите вместе с нами в цех и делайте как мы. Делайте все, что вам будут говорить. Если вы не будете выделяться из массы, про вас могут забыть.

Договорив, незнакомец быстро поднялся с топчана и ушел в темноту. Берестов долго лежал с открытыми глазами, не шевелясь, и обдумывал слова незнакомца. Страшная тоска овладела им. Ему захотелось вскочить и броситься к дверям, но он боялся пошевелиться. Он опять вспомнил про телефон и полез в карман. Однако позвонить не решился. Так с рукой в кармане журналист и заснул. Проснулся он от того, что кто-то дернул его за ногу.

Берестов открыл глаза и увидел, что в помещении горит свет и около него струится цепочка выходящих из помещения людей. Они молча, дисциплинированно следовали друг за другом, не обращая никакого внимания на новенького. Берестов взгляделся в их равнодушные лица и снова увидел того невысокого, лысоватого мужичка во фланелевой рубашке. Тот покосился на журналиста и быстро отвел взгляд. Берестов вскочил и пристроился за ним.

— Встань впереди меня и выверни наизнанку рубашку, — услышал он шепот.

Берестов в одну секунду расстегнул рубаху, скинул ее с себя и мигом вывернул наизнанку. Застегивал он ее уже в коридоре и попытался заправить под штаны, но шепот сзади предостерегающе произнес:

— Не суетись и не делай резких движений. Смотри только в затылок идущего.

— Ты тоже не меченый? — спросил его Берестов, оглянувшись.

— Не оглядывайся! — предостерег он. — Старайся говорить, не шевеля губами. Охранников старайся не замечать. Я меченый. Но срок годности вакцины прошел...

— Как тебя зовут? — спросил его Берестов, не поворачивая головы.

— Не знаю, — ответил он.

Цепочка завернула в столовую. Берестов, как и все, прошел мимо стоящего у входа надзирателя, и тот задержал на нем долгий подозрительный взгляд. Однако ничего не сказал.

Все по очереди подходили к стойке, брали по стакану чая и по железной миске с вареной мойвой и куском черного хлеба, после чего садились за длинные столы. Весь этот процесс был настолько отлажен, что напоминал неторопливо падающее домино.

Берестов, как и предшествующий, взял тарелку со стаканом чая и сел за стол. Рядом с ним опустился на скамью и его новый друг в коричневой рубашке.

— Тарелка должна остаться чистой, — прошептал он.

Журналист украдкой посмотрел в тарелки других и увидел, что они уплетают мойву вместе с костями и кишками. Процесс этот был настолько быстрым и механическим, что, пока задние еще садились за столы, передние уже вставали и выходили в открытую дверь.

Проглотив свою порцию, даже не заметив как, Леонид встал по примеру товарища, сидящего справа, взял в одну руку чистую тарелку, в другую стакан и направился за ним. У двери он положил и то и другое на стол и на выходе снова почувствовал на себе пристальный взгляд охранника.

Шеренга безмолвных людей пошла по длинному коридору куда-то в глубь этого глухого бетонного бункера, где что-то шипело, грохотало и издавало странные звуки. Вскоре Берестов оказался в огромном, залитом светом цехе. Он увидел станки, конвейер и унюхал удушливый запах спирта. Все по очереди подходили к вешалке, надевали на себя клеенчатые фартуки и молча разбредались по своим местам. К Берестову подошла какая-то толстая женщина в белом халате и спросила его:

— Новенький? — Берестов молча кивнул. — Иди за мной! Будешь мыть бутылки.

На Никольской ноги Антона все более заплетались. Державшая его под руку Маргарита искоса поглядывала на него, и ее сердце обливалось кровью. Глаза спутника были больными, лицо воспаленным, плечи сжатыми. «Здорово его вчера продуло», — думала она жалостливо и еще нежней прижималась к его локтю.

После того как Антон сыграл в метро, все вопросы по поводу него у Маргариты отпали. Теперь ее удивляло, как она могла бояться этого великодушного, самоотверженного и тактичного человека. Маргарита не спросила, где он так виртуозно научился владеть скрипкой. И он ничего не сказал по этому поводу. Видимо, еще не помнил. Но это ничего. Он вспомнит. Он сильный.

Когда Антон в очередной раз споткнулся на ровном месте и, взглянув на нее, виновато улыбнулся, Маргарита остановилась и властно произнесла:

— Все! Возвращаемся домой. Вы очень больны. Вам надо в постель.

— Что вы, Маргарита, — нежно улыбнулся он. — Обо мне не беспокойтесь. Главное, вы... Вам надо в милицию.

— Милиция никуда не денется! — произнесла она строго и, развернув его, потащила обратно в переход.

Именно в эту минуту, когда Маргарита разворачивала Антона, она и заметила того самого человека, с изумлением уставившегося на ее спутника. Уж не киллер ли? Да нет! Лицо интеллигентное и, кажется, Знакомое. Где-то она его видела, причем совсем недавно. Но в тот миг Маргарите некогда было вспоминать. Нужно было скорее шатающегося и сопротивляющегося друга-виртуоза дотащить до дома.

— Но вас могут ждать около дома? — произнес он, заплетающимся языком.

— Но вы же меня защитите! — ответила она.

— Да-да, конечно. На меня можете рассчитывать.

«Совсем расклеился, — думала Маргарита. — А до того, как сыграл, держался молодцом. Так и должно быть. Настоящие виртуозы выкладываются полностью».

Они благополучно добрались до «Спортивной». Также без происшествий добрались до дома, вошли в подъезд и поднялись на лифте на пятый этаж. Никто их не встретил. Только дверь ее квартиры была опечатана.

Маргарита сорвала печать и открыла квартиру. Все в ней было на месте, лишь в кухне на полу осталась пара капель крови и полы были несколько затоптаны. Видимо, криминалисты здесь ходили табунами.

Хозяйка раздела уже почти невменяемого Антона, вытащила у него из-за пояса топорик и бросила в ванную. После чего повела его в комнату. Но когда увидела помятый диван со скомканным одеялом, ее передернуло, и она поволокла Антона в спальню. Там Маргарита его раздела, уложила в постель и сунула под мышку градусник. Мутные глаза его наполнились слезами и просветлели. Он взял ее руку и поцеловал горячими губами.

— Право, я этого не заслуживаю, — прошептал он растроганно и отключился.

Она сидела над ним полчаса. Затем вспомнила про градусник, вытащила его из подмышки и присвистнула. Тридцать девять и шесть. «Нужно вызвать «скорую», — подумала она, но как только представила, что его сейчас увезут, в глазах потемнело.

Маргарита пошла на кухню, поставила чайник, достала из кладовки малиновое варенье,

мед, отыскала ветку зверобоя и высыпала на кухонный стол из аптечки весь арсенал таблеток.

Она заварила зверобой, намешала туда варенья, малины, растолкла аспирин и еще что-то от простуды и отнесла ему выпить. Он послушно выпил и снова заснул. «Если через час температура не спадет, вызову «скорую», — подумала она.

В это время зазвонил телефон. Маргарита хорошо подумала, прежде чем взять трубку. Это могли звонить бандиты, но могла быть и милиция. Поднеся трубку к уху, услышала голос Светки.

— Ритка, ты живая? Слава богу! На тебя же розыск объявлен!

— Знаю! Видела по телевизору.

— Давай рассказывай, куда ты делась. Кто тебя отбил от бандитов?

— А ты как думаешь?

— Он? Я так и поняла. Он по-прежнему с тобой? Какое счастье! Слушай, а я ведь выяснила, кто это. Когда ты пропала, я сразу же прозондировала по своим каналам. Так вот: это не Кирилл Киселев. Успокойся! Я видела фоторобот Киселева. Морда — совершенно противоположная. Я узнала, что до Киселевых в той квартире в Сретенском переулке жила семья Баскаковых. У них был сын Антон, который стал потом известным скрипачом, чуть ли не мировой знаменитостью. Он шестидесятого года рождения, рост метр восемьдесят. Под правым ухом родимое пятно.

— Слушай, у моего тоже родимое пятно над ухом.

— Как? Уже твоего? Поздравляю! Только Баскакова похоронили год назад на Новодевичьем.

Маргарита вздрогнула.

— Одно другого не легче. Что с ним случилось?

— Сначала пропал без вести. Через полтора года его останки нашли в Москве-реке. Экспертиза установила, что это были останки скрипача.

— Ужас какой!

После того как Светка положила трубку, Маргарита долго недвижно сидела перед телефонным аппаратом, сжимая виски ладонями, и думала. Почему-то опять вспомнился человек, который пристально и удивленно разглядывал Антона на Никольской. И вдруг Маргарита вспомнила, где его видела. В кафе у ГУМа. Он сел к ней за столик и спросил, не Машей ли ее зовут. А потом вбежала эта самая Маша в сиреновом пальто... Но странное дело, этого человека она видела еще где-то. Ну да черт со всем этим! До него, что ли?

Маргарита отправилась в комнату и принялась рыться в пластинках. Скрипичный концерт Антона Баскакова у нее был, но она не была уверена, что на конверте есть его фотография. Пластинка нашлась. И фотография на конверте была.

Маргарита долго всматривалась в лицо веселого, холеного, элегантного музыканта, облаченного во фрак, и вдруг заплакала. Это был он. Это был точно он. Совпадало все: овал лица, нос, губы, глаза, цвет волос. В ее постели лежал либо двойник мировой знаменитости, либо его призрак. Но у призраков не бывает температуры тридцать девять и шесть, а двойники не умеют так виртуозно владеть скрипкой. Хоть вся Москва пропади пропадом, но год назад из реки вытащили чьи угодно останки, но только не скрипача Антона Баскакова.

Маргарита поставила пластинку и прибавила звук. То, что полилось из динамиков, было божественно и заполнило не только все видимое пространство, но и всю ее внутреннюю сущность. Маргарита подумала, что никогда особо не обращала внимания на эту пластинку,

а это как раз было то, что нота в ноту ложилось ей на душу.

Она на цыпочках прокралась в спальню. Он спокойно спал. Лицо его в сочетании со звуками скрипки было весьма одухотворенным. Маргарита подошла и потрогала его лоб. Температура спадала. Веки его дрогнули, и глаза открылись. Он улыбнулся, взял пальчики Маргариты в свои руки и поднес к губам.

— Ты безумно красива, — произнес он шепотом, и вдруг притянул ее к себе.

Когда их губы слились, голова у Маргариты закружилась. Его горячие ладони ложились на ее бедра и спину, и тело их принимало. Дальше она помнила очень смутно: с ее плеч как-то естественно соскользнул халат. Следом начало сползать и все остальное, что было под халатом.

— У тебя грудь как у Афродиты, — шептал он, прижимаясь к ее мягкому животу, — а талия — как у Таис Афинской. Тебя ваяли по закону золотого сечения...

Через час, придя в себя, Маргарита выскользнула из-под его руки и, блаженно потянувшись, нагой проследовала к телефону. Она набрала номер своей лучшей подруги и восторженно прошептала в трубку:

— Светка, тело отозвалось!

Маргарита набрала воздуха, чтобы на одном дыхании излить в подробностях все свои интимные тайны, как вдруг в прихожей раздался звонок. Маргарита вздрогнула и, сказав, что перезвонит, кинулась к халату. У двери она остановилась. А может, прикинуться, что нет дома? Вдруг это бандиты? Впрочем, бандиты предпочитают вламываться без звонка.

Маргарита на всякий случай достала из ванной топорик и, поставив рядом с дверью, отперла бронированную дверь. Выглянув в коридор, она увидела, что перед запертой решеткой толкуются три милиционера. Увидев Маргариту, они оживились.

— Вы Маргарита Горелова? Отдел по борьбе с организованной преступностью.

Берестова привели на мойку с мокрым бетонным полом, дали в руки шланг и показали, как мыть бутылки. Их стояла целая гора в грязных и пыльных ящиках.

— Которые с этикетками, бросай в ванную, — пояснила женщина. — Мытые будешь ставить в пустые ящики. Ферштейн?

Берестов кивнул.

— Прекрасно! А сейчас можешь сходить в туалет. Как раздастся звонок — бегом на рабочее место.

Женщина указала в сторону цеха и исчезла. Берестов вошел в цех и увидел дисциплинированную очередь в туалет. Он встал за последним. Из очереди вышел тот самый лысоватый типчик в коричневой рубашке и встал за ним.

— Если будет звонок, беги сразу на мойку, независимо от того, успел ты или не успел, — произнес он шепотом.

Очередь двигалась быстро. Когда они вошли в огромное и вонючее отхожее место, Берестов с удивлением услышал человеческую речь. В основном, конечно, мат. Он с изумлением отметил, что лица некоторых из этой массы приобрели человеческие черты и в глазах появилось некое подобие жизни.

— Здесь не секут, — произнес, вошедший за ним товарищ. — Можешь говорить свободно. Но долго здесь находиться тоже нельзя.

Действительно, все кто заходили, быстро подходили к писсуарам, делали свои дела и, не задерживаясь, выходили обратно.

— Насколько я понял, это завод по производству фальшивой водки?

— Да, это завод.

— А где это? В каком месте?

— Не знаю. Завод стоит в лесу. Судя по деревьям — средняя полоса.

— Ты знаешь, как отсюда выйти?

— Год назад нам разрешали выходить на улицу. Но после бунта запретили. Тогда мы выломали ворота и побежали. Половину вернули. Остальные исчезли. Куда делись — неизвестно...

На этих словах в цехе раздался звонок, и все поспешно стали разбегаться по своим местам. Этому примеру последовал и Леонид.

— Когда работают станки, по цеху ходить нельзя, — шепнул его новый друг и испарился.

Берестов вернулся на мойку и принялся за работу. Он усердно мыл бутылки и незаметно осматривался. В мойке было две двери. Одна вела в цех, другая — черт знает куда. Туда-то и ушла женщина — видимо, вольнонаемная. Прошло очень много времени прежде, чем прозвучал звонок, может быть, даже часов шесть или восемь. Журналист устал и проголодался. Его никто не контролировал. Он был один, если не считать, что время от времени к нему на мойку наведывались два угрюмых мужика, которые молча грузили на тележку мытую посуду и оттащивали ее в цех. В открытую дверь Берестов видел, что в цехе все работает молча, сосредоточенно и слаженно. Стоящие за конвейером работники не делали ни одного лишнего движения. «Точно часы в механизме», — удивлялся Берестов. И вот, когда прозвучал звонок, журналист увидел, что конвейер встал, и в наступившей тишине

можно было услышать шаркающие шаги.

Берестов, бросив шланг на пол, направился в цех. Там опять стояла длинная очередь в туалет. Берестов пристроился последним и нащупал в кармане телефон. Тот лысый в коричневой рубашке, как и в первый раз, вышел из очереди и встал за ним. Когда они вошли в отхожее место, новый друг произнес:

— Руки в карманы никогда не клади. Они секут.

Берестов тут же извлек из кармана телефон и начал оперативно набирать номер Калмыкова. Все, кто находился в туалете, затихли и уставились на него. Воцарилась такая тишина, что стало больно в ушах.

— Алло! — радостно воскликнул Берестов, услышав голос Калмыкова, — Старик, это я!

— Леня, ты жив? — обрадовано откликнулся он. — Ты где? Откуда звонишь?

— Где я, не знаю! На каком-то подпольном ликероводочном заводе. Он находится в лесу. А где — не знаю.

— В шестидесяти километрах от Рязани. В южном направлении, — раздался неожиданный бас из притихшей толпы.

— Вот здесь подсказывают, что под Рязанью. Шестидесят километров на юг от города.

— Народу много на заводе?

— Много. И такое ощущение, будто все накачаны наркотиками.

— Меченные Сатаной, — угрюмо произнес тот же бас.

— Здесь подсказывают, что все здесь меченные Сатаной. Меня еще не метили. Но обещают. Хозяин здесь какой-то англичанин. Его зовут Ричардом. Это у него я свистнул сотовый, по которому сейчас звоню.

В это время друг в коричневой рубашке сделал руками знак, чтобы Берестов прекращал разговор.

— Говорить больше не могу. Возможности звонить тоже нет.

— Оставь включенный телефон! — крикнул Калмыков. — Может быть, удастся засечь район.

Берестов сунул телефон в карман, и в туалете снова все пришло в движение. Раздался звонок. Журналист с удивлением увидел, что все снова разошлись по своим местам. Он уже думал, что рабочий день окончен. Неизвестно, сколько еще прошло времени, может быть, еще часов восемь. Беднягу уже качало от усталости. Он был мокрый с головы до пят и валился с ног. А те мужики, которые приходили за бутылками, были как и утром, — невозмутимые и молчаливые.

— Мужики, когда жрать поведут? — крикнул им Берестов, но они не ответили.

Вскоре зазвенел звонок. Леонид, покачиваясь, отправился в цех. Все, кто там были, снимали фартуки и вешали на вешалку у входа. «Слава богу», — подумал Берестов и встал последним. За ним, выйдя из строя, встал лысый в коричневой рубахе. Что удивительно, все это делалось само собой. Никакие надзиратели при этом не присутствовали. Охранник стоял только перед входом в столовую.

Так же, как и утром, он подозрительно взгляделся в новенького, но ничего не сказал. Впрочем, Берестов настолько устал, что ему было все равно. Как и в начале дня, он получил миску с вареной мойвой, кусок черного хлеба и стакан чая. Умяв все это в три секунды, он поднялся и, как сомнамбула, направился за впереди идущим, чувствуя, что его новый друг не отстает ни на шаг.

Процессия цепочкой вошла в казарму, освещаемую двумя тусклыми лампами и улеглась

на топчаны. Свет потух, и Берестов тут же провалился. Проснулся он оттого, что кто-то толкал его в бок. Это был его новый друг.

— Я вам советую избавиться от телефона, — прошептал он. — Найдут — застрелят.

Берестов полез в карман, вытащил телефон и увидел, что светодиод горит. Значит батарейки еще не сели. Может, уже засекли это место? А может, и нет...

— Значит, говоришь, что год назад здесь был бунт? — спросил Берестов шепотом, прикрыв ладонью рот.

— Его организовал один человек. Он тоже, как и ты, мыл бутылки. Он нас научил, как обрести себя...

В это время свет в казарме зажегся, и вошло четверо парней. Они сразу же направились к Берестову и к его новому другу. Обоих молча стащили с топчанов, дали кулаком под глаз и начали обыскивать. Не найдя ничего у лысенького, они отбросила его в сторону. А когда обнаружили у Берестова сотовый телефон, глаза их вылезли наружу. Архаровцы переглянулись и выволокли Берестова в коридор. Его поставили под лампу и очень внимательно вгляделись в глаза.

— Да ты, оказывается, не меченый, — покачали они головами.

И вдруг тяжелый удар в челюсть свалил журналиста с ног. После чего его принялись энергично пинать ногами.

— Кому звонил? — спросил один из них, сунув ему под нос сотовый.

Берестов отрицательно покачал головой и снова получил ботинком в подбородок. Он ударился головой о стену и потерял сознание.

Очнулся на холодном бетонном полу. Было темно. Голова раскалывалась. Тело ныло. Любое движение причиняло боль. Казалось, что все внутренности отбиты. Берестов хотел встать и осмотреться. Но у него не было сил даже пошевелиться. Дернув ногой, он потерял сознание от прострелившей его боли.

Так было несколько раз. Он приходил в себя, делал движение и терял сознание. Иногда ему казалось, что у него нет тела. Берестов забывался и погружался в небытие настолько глубоко, что, когда приходил в себя, удивлялся тому, что он еще живой. Сколько таким образом пролежал в темноте, он не знал. Леониду казалось, что это длится целую вечность.

Но неожиданно за дверьми он уловил какую-то постороннюю суету. Это было странно, шум журналист услышал впервые. Подняться Берестов так и не смог. Он на карачках дополз до железной двери и постучал. Стук получился очень тихим, поскольку бронированная дверь была толстой. Леонид принялся шлепать по ней обеими ладонями и громко, насколько позволяли силы, стонать. За дверьми притихли. После чего послышались чьи-то приглушенные голоса. И вдруг Берестов услышал скрежет замка. Скрежетали долго. С замком явно что-то не ладилось. И вдруг раздались выстрелы, от которых журналист едва не оглох. Он испуганно пополз обратно, но в ту же минуту дверь отворилась, луч фонаря уперся Берестову в глаза, и он услышал полный ужаса голос Калмыкова:

— Леня, что они с тобой сделали, сволочи!

— Толик, мне не снится? Это действительно ты?

Один человек тут же отделился от толпы, поднял на ноги бедного журналиста и обнял. Это был точно Калмыков. Подошли какие-то люди в униформе и, взяв Берестова под руки, осторожно вывели в темный коридор.

— Носилки! — скомандовал кто-то.

И сразу из темноты вынырнули военные носилки, на которые тотчас же с необычайной

осторожностью был уложен узник бетонного бункера.

— Старик, мы тебя нашли просто чудом! — признался Калмыков. — Ты хоть что-нибудь помнишь?

— А что, уже прошло так много времени? — удивился Берестов.

— Прошло не более суток после твоего звонка. Ты мне звонил вчера в половине четвертого. Ты помнишь? — осторожно спросил Калмыков.

— Да все я помню! Почему я не должен помнить? — возмутился Берестов.

— Тебя здесь ничем не кололи? Наркотиками не накачивали?

— Нет! Но собирались поставить какую-то печать Сатаны.

В это время в конце коридора забрезжил свет. Пахнуло свежим воздухом и пряной осенней листвой. Берестова вынесли во двор, где стояло несколько бронетранспортеров, военных автомобилей и два вертолета. К Берестову сразу же направился высокий седой человек со впалыми щеками, в зеленой омоновской форме.

— Это Берестов, Вячеслав Николаевич! — сообщил Калмыков.

Командир подошел и протянул журналисту руку.

— Полковник Кожевников. Начальник отдела по борьбе с организованной преступностью. Как себя чувствуете, Леонид Александрович?

— Да прекрасно себя чувствую! — улыбнулся Берестов. — Так, немного побили.

— Искренне рад вас видеть бодрым и в полном здравии. А то мы такое здесь увидели... То ли люди, то ли зомби. Ни одного здравомыслящего.

— А начальство?

— Начальства нет. Разбежалось! Ни охраны, ни мастеров, ни начальников цехов. Кто хозяева — неизвестно. Рабочие ни слова не говорят.

— Но есть же, которые говорят! — воскликнул Берестов.

— Вы их знаете?

— Двоих точно знаю. Может быть, даже шестерых могу узнать. Ведите!

Берестов резко поднялся с носилок, но почувствовал слабость. Его тут же заботливо подхватили оперативники.

— Лежите, вас донесут.

Его внесли в цех, где послушно стояла длинная шеренга рабочих. Они все, как один, стояли, не шевелясь, с опущенными глазами. Берестова пронесли по всей длине шеренги, и он удивленно поднял глаза на полковника.

— А где остальные?

— Больше никого не нашли. Вот только двести пятьдесят два человека.

— По-моему, не хватает еще человек пятнадцать. И как раз тех, в ком еще было что-то человеческое.

— Искать! — приказал полковник.

Берестова накормили тушенкой и напоили кофе с коньяком. Самочувствие его значительно улучшилось. Через час он уже самостоятельно передвигался, хотя и слегка прихрамывал. Он рассказал полковнику, как его похитили, описал архаровцев, загородный дом, подвал, в котором он ночевал, наконец, еще одну четверку бандитов, разъезжающих на «вольво», описал и их главаря с выпученными синими глазами, и англичанина, имеющего «форд». Последнего Берестов описал особенно подробно и даже пересказал полковнику не только свою короткую перепалку с иностранцем, но и то, что написано, по его разумению, про него в тринадцатой главе «Апокалипсиса».

— Как вы сказали, Ричард? — задумался полковник. — Случайно не заметили номера его «форда»?

Берестов развел руками.

— Зато я, кажется, знаю, чем он воздействовал на людей. У него же здесь лаборатория...

Отправились в лабораторию. Взломали двери. Но аппарата в виде пистолета с зауженным концом там не было. Тем не менее лаборатория очень заинтересовала экспертов.

Немного погодя к полковнику подбежал взволнованный лейтенант и шепнул ему что-то на ухо. Кожевников помрачнел.

— Пойдемте, Леонид Александрович, в подвал. Там найдено семнадцать трупов.

Берестов узнал всех. Среди них был и лысый мужичок в коричневой рубашке, и угрюмый бородач, который басом сказал о месте расположения завода, и другие, в которых было что-то человеческое. Они все были застрелены в голову.

Полковник положил Берестову руку на плечо.

— Теперь вы единственный свидетель, — угрюмо произнес он.

Было около десяти утра, когда в кабинете следователя Виктора Дрянцова раздался звонок. Звонили из Солнечногорска. Накануне следственная группа опросила всех жильцов коттеджного городка, но ни один не продавал своего дома. В бюро по недвижимости тоже ничего не знали о продаже дачи под Солнечногорском. Какой же коттедж осматривала Сверилина в выходные?

От мужа Сверилиной, который в дела жены не вмешивался, удалось узнать только единственную подробность: тот дом под Солнечногорском был под номером шесть. Этому обстоятельству, по словам вдовца, очень радовалась Маша, поскольку шесть — ее число. Что касается продавца, то о нем муж Сверилиной не знал ничего. Но предполагал, что владелец загородного дома ездит на автомобиле «ауди». Серого цвета. Автомобиль Сверилин видел из окна квартиры в воскресенье, когда продавец заезжал за женой. Сам он в квартиру не заходил, а позвонил с сотового. Маша спустилась вниз, села к нему в машину, и они уехали. Перед этим же они с Машей встречались в каком-то кафе.

В воскресенье в коттеджном городке пустовало шесть домов. Но только один из них был под номером шесть. Это дом погибшего скрипача Баскакова. Дрянцов тут же связался с его вдовой, и та очень разволновалась, когда узнала, что ее загородный дом собирается кто-то продать. Сама же она ничего не продает и на своей даче не была уже сто лет. Ее свозили в Солнечногорск, но никаких следов пребывания на даче посторонних она не обнаружила.

Но вот что любопытно: ее соседка утверждала, что в воскресенье в доме убитого музыканта Баскакова кто-то был. Она, правда, не видела кто, но заметила, как у ворот Баскаковых останавливался какой-то автомобиль. Какой марки, она не обратила внимания. Смотреть было некогда, поскольку соседка закручивала консервы. И вот снова звонила она:

— Виктор Николаевич, в доме у Баскаковых кто-то есть. Гарантирую, что это не Виктория Эдуардовна. У нее «мерседес». А у этих «ауди». Номера, к сожалению, не вижу. Бинобль у меня театральный. Они приехали вчера вечером.

— Вы видели, как приехали?

— Как приехали — не видела. Но свет в доме горел. В гостиной. И из трубы валил дым. Видимо, жгли камин. Я вам вчера вечером звонила, но вас уже не было на работе.

— А хозяйке дома звонили?

— К сожалению, у меня нет ее московского телефона. А позвонить ей на дачу я как-то не решилась...

Поблагодарив, следователь набрал телефон Виктории Баскаковой. Та, узнав в чем дело, очень разволновалась.

— Я немедленно еду туда.

— Ни в коем случае! Это опасно. Едем вместе!

Она под села к ним на Ленинградском шоссе, около банка «Москва». Следователь уступил ей место впереди, а сам сел сзади, втиснувшись между двумя оперативниками.

— Кто бы это мог быть на вашей даче, с «ауди»?

Виктория Эдуардовна растерянно пожала плечами.

— У одного знакомого есть «ауди». Но в данный момент он на работе. Я ему сейчас звонила.

— У этого знакомого есть ключи от вашей дачи?

— Конечно, нет!

— Зачем же вы ему звонили?

— На всякий случай.

Весь остальной путь они проехали молча. Только у самого Солнечногорска водитель кивнул на встречную машину и произнес:

— Вон, кстати, «ауди» катит. Не она ли?

— Тот должен быть серый. А этот белый. К тому же у этого вместо стекла целлофановый пакет...

Когда они остановились у краснокирпичного дома номер шесть с двумя башнями и глухим забором, Виктория Эдуардовна нетерпеливо выскочила из машины и нажала на пульт. Электронные ворота медленно открылись. Но во дворе уже не было никакого автомобиля. Тем же пультом хозяйка открыла дверь дома и первая вбежала в него. За ней с пистолетами влетели оперативники. Они оттеснили ее у входа в гостиную и принялись молча обшаривать дом. Заглянув во все двери и смотавшись на второй этаж и на мезонин третьего, они пожали плечами.

— В доме никого.

Только после этого следователь разрешил выпустить из коридора хозяйку. Она зашла, принюхалась и подошла к камину.

— Камин топили, — произнесла она подозрительно. Внимательно вгляделась в кресла и вдруг испуганно замерла.

— Что-то не так? — спросил следователь.

— Телевизор, — указала она дрожащим пальцем на столик на колесиках. — Он должен быть в спальне...

— Понятно, что здесь кто-то побывал. Мы же вам сразу сказали, — произнес следователь, удивляясь ее испугу.

— Но это же его привычка... — пробормотала она и поспешила на кухню.

В кухне она сразу же бросилась к двум чашкам, стоящим на подносе около мойки. Хозяйка схватила одну и ногтем черпнула осадок. Затем попробовала на вкус и пробормотала:

— Кофе по-бразильски.

— Что вас удивляет, Виктория Эдуардовна? — изумился следователь. — Вас удивляет, что их было двое? Кстати, руками здесь ничего не трогайте. Мы будем снимать отпечатки.

Дрянцов платком отобрал у нее чашку и поставил на место. Хозяйка снова принюхалась и открыла духовку. Она вытащила противень с какой-то запеканкой, и глаза ее наполнились ужасом.

— Мясо по-французски, — прошептала она и посмотрела на следователя.

— Да в чем дело, Виктория Эдуардовна? Здесь хозяйничал кто-то из ваших знакомых?

— Муж, — произнесла она растерянно.

Пришло время вздрогнуть следователю.

— Какой муж? Который погиб?

Следователь, сощутив глаза, начал что-то соображать. Он подозрительно всмотрелся в глаза хозяйке и произнес:

— Посмотрите еще, Виктория Эдуардовна. Только ничего не трогайте руками.

Хозяйка заглянула в хлебницу, в холодильник, скрупулезно осмотрела ножи, вилки и, не произнеся ни слова, отправилась на второй этаж в музыкальный зал. Следователь, точно

ть, шел за ней. Он замечал, что Виктория находит все новые следы пребывания в доме покойного мужа, однако с расспросами не торопился.

Виктория Эдуардовна в музыкальном зале подошла к одной из висящих на стене скрипок и, внимательно обследовав ее, отрицательно покачала головой.

— Нет, это не муж, — произнесла она. — Муж бы обязательно поиграл на этой скрипке. А на ней пыль.

— Вы посмотрите на другие скрипки, — посоветовал Дрянцов.

Хозяйка осмотрела все инструменты и задержалась у гитары.

— Точно не муж. Потому что на гитаре играли, а на скрипке нет. Мой муж не любит играть на гитаре.

После этого хозяйка дома отправилась в спальню. Распахнув платяной шкаф, она с раздражением произнесла:

— Ну здесь явно кто-то рылся.

— Что-нибудь пропало? — спросил следователь.

Виктория перебрала на вешалке платья и с удивлением извлекла из шкафа разорванную пополам юбку, блузку с оторванными пуговицами и домашние тапочки.

— Это точно не мое, — произнесла она и брезгливо швырнула найденные вещи на пол. — По-моему, здесь побывали бомжи. Кстати, не вижу своих черных джинсов и розового джемпера... И сапожек тоже нет...

Виктория Эдуардовна подошла к кровати, завернула одеяло и понюхала воздух.

— Боже мой, — сморщила она нос, — на моей кровати кто-то спал. Теперь нужно все стирать...

В другой спальне она извлекла из шкафа чужие штаны, кеды и клетчатую рубашку. Рубашку она долго нюхала и сильно нервничала.

— Ну что? Мужем пахнет? — поинтересовался следователь.

— Пахнет больницей, — ответила она.

Все вещественные доказательства были упакованы в целлофановые пакеты. Собственно, ничего ценного не пропало, кроме кое-какой одежды. Наиболее ценные вещи: скрипка стоимостью шестьдесят тысяч долларов и гитара в тридцать тысяч долларов — были на месте. На месте остались видеомэгагнитофоны, телевизоры, кинокамеры, норковая и песцовая шубы, серебряные ложки и вилки и многое другое, что представляло бы ценность для воров. Явно здесь побывали не грабители. «Но кто же?» — думал следователь. А хозяйка думала о чем-то своем.

— Какие у вас насчет этого соображения, Виктория Эдуардовна? — допытывался следователь.

— Понятия не имею, — развела она руками. — А вы что думаете?

— Я думаю вот что... — почесал под глазом Дрянцов. — Ваш дом используют мошенники. Показывают его покупателям, берут с них деньги и исчезают.

— Но тогда бы были претензии ко мне, как к хозяйке.

— А претензии предъявлять некому. Как только покупатели снимают со счетов деньги, их убивают.

— Боже мой, какой ужас! — дернула плечами Виктория.

Опросили соседей. Никто ничего не видел и не слышал. Соседка же, которая звонила следователю, не заметила, как гости уехали на белом «ауди», потому что шинковала капусту.

— Пардон, почему на белом, когда на сером? — удивился следователь.

— Разве я говорила о сером? — в свою очередь удивилась соседка. — По-моему, по телефону про цвет вообще речи не было.

«А ведь точно, — хлопнул себя по лбу следователь. — Про серый цвет говорил муж Сверибиной». И вдруг он вспомнил белую иномарку, выскочившую им навстречу.

— А вы не помните, стекла у этого белого «ауди» все были на месте? — спросил следователь.

— Не помню, — вздохнула соседка. — Я шинковала капусту.

Когда все соседи были опрошены, следователь спросил у оперативников, не запомнил ли кто-нибудь случайно номеров белого «ауди» с целлофановым мешком вместо стекла. Все пожалы плечами, а Виктория Эдуардовна воскликнула:

— Я запомнила!

Дрянцов даже подпрыгнул от неожиданности. Наконец-то за весь день единственная зацепка в этой темной истории. Следователь тут же позвонил в дорожно-патрульную службу и попросил отыскать хозяина иномарки с номером, который продиктовала вдова.

Хозяина отыскиали через десять минут. Им оказался некий Геннадий Петров, сотрудник частной продовольственной фирмы, живущий на улице Доватора у станции метро «Спортивная». Патрульная служба располагала его телефонами — рабочим и домашним. На работе следователю сообщили, что Петров отсутствует вторую неделю по неизвестным причинам. С домашнего телефона ответила женщина с хриплым голосом. Узнав, что звонят из прокуратуры, она чистосердечно призналась, что ее муж Гена находится в запое. Он третий день не выходит из дома, и если они не верят, то пусть приезжают и посмотрят.

— А машину у вас не угнали? — спросил следователь.

— Нет! — ответила женщина. — Как торчала у подъезда, так и торчит. И некому ее загнать в гараж. Только какие-то идиоты выбили ночью стекло...

— В Москву! — коротко скомандовал Виктор Николаевич. — Это она. Нужно срочно послать экспертов на Доватора...

По пути в Москву Дрянцову неожиданно позвонили из отдела по борьбе с организованной преступностью.

— Это капитан Горохов. Найден пропавший два года назад скрипач Антон Баскаков. Нам нужен адрес его вдовы.

— Так она со мной! — удивился Дрянцов. — А вы уверены, что это Баскаков?

— Не совсем! Сам он ничего не говорит. Он в полубредовом состоянии. Женщина, у которой он находился, уверяет, что это тот самый Баскаков, который пропал два года назад. Опознать его может только жена.

— Сейчас я ее к вам привезу, — сказал Дрянцов и посмотрел на затылок женщины, сидящей впереди.

Она почувствовала его взгляд и оглянулась. В ее глазах была тревога. Следователь улыбнулся.

— Сейчас мы заедем в одно место, и с вашими гостями кое-что прояснится.

Виктория Эдуардовна ни о чем не спросила, но, вероятно, что-то почувствовала. Она молчала всю дорогу до Москвы, молчала, когда ее вели по коридору больницы, молчала, когда ее пригласили в палату, и только когда она увидела на больничной койке какого-то усталого бледного человека с мутными глазами, бедная женщина с визгом и со слезами бросилась к нему на шею.

— Антоша! Милый! Что они с тобой сделали? — кричала она, смеясь и плача

одновременно, покрывая его бледное лицо торопливыми поцелуями.

Глаза лежащего на койке больного прояснились.

— Вика! — простонал он и заплакал.

— Вы оказались правы, это действительно он, скрипач Антон Баскаков, — улыбнулся следователь сидящей напротив него Маргарите. — Его опознала жена.

— Жена? — удивилась Маргарита.

— Жена, жена, — кивнул головой Дрянцов. — Что тут удивительного? А вы полагали, что у скрипача с мировым именем не было жены? Да это же бред! Все у него есть! И жена в том числе. Удивительно другое. Как это вы, Маргарита Николаевна, решились привести домой незнакомого грязного бомжа, который ничего не помнил?

Маргарита пожала плечами и тяжело вздохнула.

— Сама не знаю. Мне стало его жалко. У него был такой растерянный взгляд.

— И что же, за все эти дни, которые вы с ним были, он ничего про себя не рассказывал? — хитро сощурился следователь.

— Ничего. Только вспомнил дом, в котором жил в детстве, и... пожалуй, все.

— Ничего не помнил, а когда увидел свою жену, сразу все вспомнил. Разве так бывает?

— Наверное, бывает, — грустно улыбнулась Маргарита.

Следователь покачал головой.

— А не показалось вам странным то, что простой российский музыкант, гуманитарий, интеллигент в четвертом поколении, мастерски вырубил двух вооруженных до зубов профессионалов?

— Когда мне было над этим думать?

— Ну да, понимаю: погоня, экстремальные обстоятельства. Можно сказать, чудом спаслись! Не до этого было. Однако не показалось ли вам странным, что человек, который ничего не помнит, привозит вас на собственную дачу?

— Во-первых, я не знала, что это его собственная дача. Хотя было видно, что эта дача не совсем ему чужая. Во-вторых, я полагала, что кое-что он все-таки вспомнил. Ведь он обещал мне к понедельнику кое-что вспомнить, но обстоятельства складывались так, что у нас не было возможности поговорить...

Следователь расхохотался.

— То есть он взял обязательство кое-что вспомнить к понедельнику и вспомнил про свой загородный дом? Маргарита Николаевна, вы же взрослый человек. Если бы вам рассказали нечто подобное, как бы вы к этому отнеслись?

Маргарита опустила голову и подумала, что следователь прав. Это действительно воспринимается как полный бред. Но не рассказывать же ему всю правду, начиная с того, что она умирает каждую осень, и вот в знак протеста против своей судьбы она тащится к колдунье, и та ей повелевает привести в дом первого попавшегося в штанах, кто обратится к ней с любым вопросом. После такого признания следователь точно упечет ее в психушку. Свидетельница вздохнула и подняла на него глаза.

— Ну хорошо. Допустим, вы были в эйфории. Но когда вы на даче успокоились, выспались, покушали, прилично оделись, — тут следователь подавил улыбку, — почему не отправились сразу в милицию? Ведь вы знали, что вас объявили в розыск.

— Так мы и отправились в милицию. На Лубянку!

— На Лубянку? — переспросил следователь и еле сдержался, чтобы не покатиться от смеха. — Значит, вы решили сразу на Лубянку, а не в какое-то вшивое РУВД. А по пути

замочили еще двух профессионалов из белого «ниссана». Да еще номера запомнили.

— Да нет! Он один их... вырубил.

— Конечно-конечно! Я понимаю! Простому российскому скрипачу помощники в таком деле как бы и не нужны...

— Да все было не так! — устало махнула рукой Маргарита.

— А как? — перегнулся через стол следователь.

Маргарита помолчала и подумала, что ее рассказ звучит действительно как-то неправдоподобно и карикатурно.

— Понимаете... Ну вырубил он их. Потому что они меня хотели затащить в машину. И тут не важно, интеллигент он в четвертом поколении или не интеллигент.

— Понятно, — тряхнул головой следователь. — Любой мужчина на его месте поступил бы так же. Это вы хотите сказать.

— А вы бы так не поступили?

— Я бы? — улыбнулся Дрянцов. — Я бы в первую очередь... И все-таки — почему вы не дошли до Лубянки?

— Ему сделалось плохо.

— Почему?

— Он в метро сыграл на скрипке.

Следователь открыл рот и, не мигая, уставился на Маргариту. Затем сглотнул слюну и хриплым голосом произнес:

— Маргарита Николаевна, извините... правильно ли я вас понял: значит, пока он бомжевал, вырубал убийц, угонял машины, мочил мафию, ему было хорошо, а как только сыграл на скрипке — ему стало плохо? Так?

— Ну совершенно все не так, Виктор Николаевич! — вышла из себя Маргарита. — Вы все извращаете. Ему и до этого было не очень хорошо. Просто скрипка его доконала.

— Да? — удивился следователь. — А где он взял скрипку? Он ее тоже за поясом носил вместе с топориком для мяса?

— Он ее одолжил у скрипача, — угрюмо ответила Маргарита.

После этого следователь серьезно задумался. Он смотрел куда-то мимо Маргариты и молчал так долго, что девушка забеспокоилась. Наконец Дрянцов тяжело вздохнул и перевел свой взгляд на нее.

— Где вы были в понедельник с двенадцати до часа?

— На работе, — ответила Маргарита.

— А где был он?

— У меня дома.

— А вы случайно не в курсе, Маргарита Николаевна, выходил он из вашей квартиры?

— Выходил! — ответила Маргарита.

В глазах следователя появился охотничий блеск.

— Надолго?

— Не знаю. А что?

— А то, что в понедельник в половине первого произошло убийство Сверилиной, — произнес следователь, впиваясь взглядом в Маргариту.

— Это еще кто? — вздрогнула свидетельница, подумав, что где-то слышала эту фамилию, причем совсем недавно.

— Та самая, которая собиралась купить дачу, на которой вы ночевали. В субботу в

половине второго она встретила с хозяином и договорилась с ним на воскресенье поехать посмотреть дачу. В воскресенье она ее посмотрела, в понедельник с утра сняла в сберкассе деньги, а в половине первого выбросилась с двенадцатого этажа.

— Сама? — удивилась Маргарита.

— Скорее всего, кто-то помог. И скорее всего, хозяин дачи.

Маргарита вздрогнула:

— Вы хотите сказать, это он? Но это бред! Все воскресенье мы с ним провели вместе. Это может подтвердить Светка...

— Вот и я говорю, что у него должен быть сообщник, — покачал головой следователь. — Процесс здесь накатанный: сообщник показывает дачу, а этот выслеживает покупателя. Причем под видом бомжа, собирающего бутылки, это делать значительно легче. Ну какой группе захвата из отдела убийств взбредет в голову задержать бомжа, тем более не помнящего своего имени. Бомжи — поле деятельности более мелких чинов. Да и те ими откровенно брезгуют. А вообще, странный у нас получается бомжик: где надо — помнит, где надо — не помнит.

Маргарита ошарашенно уставилась следователю в глаза.

— Вы это серьезно?

— Я только сопоставляю факты, — улыбнулся следователь. — Согласитесь, что бомж с суперменскими данными не может не вызвать подозрения. Не правда ли? Человек с легкостью вырубает профессионалов, одним ударом в болевую точку. Бьет миллиметр в миллиметр. Такому столкнуть женщину с двенадцатого этажа так, чтобы это выглядело самоубийством, раз плюнуть.

— Но ведь он скрипач. Я слышала, как он играет.

— Это все эмоции! А факты — вещь упрямая. Вы подумайте, Маргарита Николаевна, может быть, вспомните что-то необычное об этом скрипаче. Может, он кому-то звонил, или с кем-то встречался, или нервно поглядывал на часы, ну, я не знаю — подумайте! А сейчас вас повезут на опознание. Там особо не теряйтесь.

Когда Маргарита выходила из кабинета следователя, ее слегка покачивало. «Все это бред, — упрямо тикало в мозгах. — Человек, который умеет так виртуозно играть и так нежно любить, не может быть убийцей».

Ее вывели во двор, посадили в машину и повезли в Бутырку. За время пути она не произнесла ни слова. Точно во сне, ее провели на второй этаж, в комнату, где уже стояло несколько человек.

Двоих, ворвавшихся в ее квартиру, она узнала сразу и без какого-либо страха указала на них пальцем. У одного на лбу был пластырь, у другого — перебинтована голова. Глаза у обоих были грустные и растерянные. Она расписалась в протоколе и еще раз взглянула на Вольдемара. Он тоже поднял на нее глаза, и они у него сузились. Возможно, что он узнал девочку из параллельного класса. Маргарита едва заметно усмехнулась.

Когда выходила из Бутырки, снова увидела глаза Вольдемара, скользнувшие по ней. Маргариту передернуло. Но потом она сообразила, что женщина с глазами этого бандюги — его родная сестра. Ах да, как же она забыла, что у того придурка была еще сестра, учившаяся в девятом классе. Она была такой же противной, как и ее старший братец, поэтому сразу бросалась в глаза. Вот и сейчас бросилась. В данный момент его сестра что-то суетливо заливала стоящей рядом женщине.

— Он был художник, — услышала Маргарита, проходя мимо. — Его в художественной

школе считали самым талантливым. И вот какая-то девушка ему отказала, и все! Вся жизнь покатила наперекосяк. Кисти забросил, вступил в группировку, только для того, чтобы нравиться женщинам...

Маргарита побрела к метро. День был на редкость солнечным, воздух — на редкость легким. Пахло пряными красками осени, но они почему-то уже не навели тоску. Что-то изменилось на улице, почувствовала она. Флаги, что ли, вывесили? Или рекламу повесили новую? Маргарита пригляделась к столбам и вывескам на магазинах. Да нет, вроде все по-старому. И вдруг она поняла, что произошло: на нее стали смотреть мужчины. Один из них с улыбкой подошел и преградил дорогу.

— Маргарита, позвольте поцеловать вам руку.

— В чем дело? — возмутилась она, пряча руки за спину.

— Вы еще спрашиваете! Мало того что вы красавица, вы еще спасли мне жизнь! Не узнаете? Я тот самый журналист, которого хотели взорвать...

— И все-таки кто вас «заказал»? — напрягал лоб полковник Кожевников, выпуская дым в потолок и задумчиво поглядывая на Берестова. — Давайте все сначала и по порядку. Колдунья сразу исключается. Это мелкая сошка. «Заказали» очень серьезные ребята. Исполнители сами не знают кто. Пришла разнарядка сверху, а киллеры вопросов не задают.

— Я и сам удивляюсь, — пожимал плечами Берестов. — После нашей первой встречи с колдуньей я сразу поговорил с Викторией Баскаковой, директором международного концертного агентства «Орфей».

— Напомните, что это за дама, — обратился полковник к капитану Горохову.

— Мы навели о ней справки. Она может заказать любого. У нее денег немерено. Их фирма устраивает концерты российских музыкантов за границей, причем на условиях весьма кабальных. У этого агентства большие связи в Европе. Практически любого неизвестного музыканта оно может сделать мировой знаменитостью.

— Значит, не такие уж и кабальные условия, — усмехнулся полковник, щелкая по сигарете.

— В принципе Антон Баскаков своим победам на международных конкурсах обязан агентству своей жены. Через «Орфей» он имел доступ на престижные европейские фестивали. И, кстати, скрипач Олег Кирсанов, который сейчас у всех на устах, своей победой в Америке тоже обязан «Орфею».

— Ну это понятно! У вас-то с ней о чем шел разговор? — спросил полковник у Берестова. — О ее пропавшем муже?

— Ну да! Я предложил свою помощь в розыске через нашу газету. Еще предостерег ее, что Анжелика — шарлатанка. И вроде все. А! Дал еще адрес бабки Матрены, тверской колдуньи.

— Что же мы имеем? — прищурился полковник. — Колдунью, у которой есть причина вас заказать, но нет возможностей, и Викторию Баскакову, у которой такие возможности есть, но нет причины.

Полковник хмыкнул и покачал головой.

— С кем вы еще встречались?

— В этот день больше ни с кем. В понедельник встретился со Сверилиной, которая потом выбросилась из окна.

— О разговоре с ней поподробней, — попросил полковник.

— В общем-то, — пожал плечами журналист, — разговор у нас шел исключительно об Анжелике, какая она добрая да бескорыстная. Наколдовала — и сразу невезучей Сверилиной зафартило. Словом, как в сказке: вышла от колдуньи и сразу же наткнулась на объявление в газете «Требуется медработник на высокооплачиваемую работу». Ее с ходу берут. Благотетели оказались представителями ЮНИСЕФ, которые обеспокоены здоровьем российских граждан. У них были трения с нашим бюрократическим аппаратом Министерства здравоохранения, а тут такая удача: подвертывается энергичная Сверилина и в тот же день организывает обследование пятидесяти студентов автомеханического техникума.

— Стоп! — стукнул по столу полковник. — Автомеханического техникума, вы сказали?

— Ну да! У метро «Текстильщики».

Полковник с капитаном быстро переглянулись, и в кабинете воцарилась тишина. Кожевников ошеломленно уставился на Берестова.

— В каком году это было?

— Ну приблизительно так... — задумался Берестов. — Если два года назад... думаю, в мае девяносто восьмого.

— Ё... — вырвалась из уст Горохова.

Полковник многозначительно взглянул на капитана, вдруг поднялся с места и стал взволнованно ходить из угла в угол.

— А в чем дело? — удивился Берестов.

— Помолчите! — бросил полковник, что-то соображая.

Он резко остановился, метнул выразительный взгляд на капитана, и тот молча кивнул.

Кожевников сел на свое место и уставился на Берестова пожирающими глазами.

— Помните все до слова. Что это была за организация, которая предложила Сверилиной работу, к какому иностранному подданству она принадлежала и где располагалась их контора.

— Насчет подданства я не знаю, — сморщил лоб Берестов. — Сверилина говорила только, что какая-то международная организация по линии ЮНИСЕФ. И все. Про их контору я не спрашивал. Сверилина в ней была только единственный раз, а потом они сами звонили ей.

Полковник с капитаном не спускали с Берестова глаз и слушали затаив дыхание.

— Как проходило обследование в автомеханическом техникуме? Поподробней!

— Ну, как рассказывала Сверилина, ей предоставляли автобус, оборудованный под лабораторию. В нем был рентгеновский аппарат и все остальное, что нужно для обследования. Она говорила, что в ее распоряжении был еще иностранный сотрудник.

— Мужчина?

— Да. Так вот, Сверилина, по ее словам, сняла с занятий две группы четверокурсников...

— Выпускников? — спросил капитан.

— Видимо. У них через день должен был быть экзамен, а в тот день, как я понял, у студентов намечалась консультация.

— Дальше! — нетерпеливо потребовал полковник. — Сняла она эти группы и заставила их обследоваться. В чем конкретно заключалось обследование, она рассказывала?

— Ну, как я понял, в основном делался рентген.

— А что делал иностранный сотрудник?

— Кажется, прививки.

Полковник снова выразительно посмотрел на капитана и произнес:

— Так вот где собака зарыта.

— И дата выпуска совпадает, — ответил капитан.

Офицеры задумались. После чего полковник, закурив и откинувшись на спинку кресла, подмигнул Берестову:

— Это просто чудо, что вы еще живы. Теперь от нас ни на шаг. Ходить только с охраной.

— Объясните, в чем дело! — подал голос Берестов.

— Если говорить коротко, — произнес полковник, — то полтора года назад в криминальных структурах начался передел сфер влияния. Отстреливали авторитетов и

близких к ним промышленников. Заказчики не известны. А исполнители — не из криминальной среды, а одиночки и пары. Так называемые новые киллеры. Молодые, дерзкие, хорошо обученные. Действуют очень четко, профессионально и всегда ускользают. Едва мы нападаем на их след, они тут же кончают жизнь самоубийством.

— Я что же, нечаянно попал на след? — удивился Берестов.

— Вот вам информация к размышлению: год назад в мае в Измайловском парке повесились парень с девушкой. Они убили четверых влиятельных авторитетов, двух банкиров и двух директоров фирм. Они оба выпускники автомеханического техникума девяносто восьмого года. Буквально через месяц после их самоубийства в Москве появилась новая пара киллеров. Она отстреляла шесть паханов, двух банкиров и четырех промышленников. Когда мы вышли на след, парочка выбросилась с балкона двенадцатого этажа.

— Просто русские камикадзе! — воскликнул Берестов.

— Совершенно верно! Что интересно, эти двое тоже выпускники автомеханического техникума девяносто восьмого года.

— Из тех самых групп, которые сняла с занятий Сверилина? — догадался Берестов.

— Скорее всего. Это мы уточним...

Берестова под охраной отвезли домой и поставили в подъезде милиционера. Однако к вечеру за ним заехал капитан Горохов.

— Разыскали одного из выпускников, которых обследовали. Владимир Яковлевич хочет, чтобы вы на него взглянули.

Берестова привезли в отдел и показали молодого парня, сидевшего в кабинете у полковника Кожевникова. Как ни вглядывался журналист, не нашел ни малейших признаков отклонения. Парень как парень. С виду нормальный. Глаза осмысленные, умные.

— Вы помните, как вас перед экзаменами заставили пройти флюорографию во дворе? — напирал полковник.

Парень долго чесал затылок и недоуменно водил глазами.

— А! — наконец воскликнул он. — Что-то такое припоминаю. Это во время консультации по физике. Ну так вот. Сидим мы, значит, ждем физика. Вдруг вбегает какая-то тетка с шарами на лбу и говорит: «Все, кто не прошел флюорографию, к экзаменам допущены не будут. Быстро всем пройти!» Ну мы пошли во двор и в автобусе прошли все, что надо.

— И много это заняло времени? — спросил полковник.

— Да нет! Минуты две. Заходишь в автобус, говоришь фамилию, до пояса раздеваешься, встаешь за аппарат, потомходишь к мужику, он делает прививку — и готов.

— Что за прививка? — спросил полковник.

— Новая какая-то. От всех болезней. После нее я действительно ни разу не болел.

— Укол под лопатку? — улыбнулся полковник.

— Типа того! Только укол делали не шприцем, а какой-то фигней с ручкой, типа пистолета. Вместо дула игла. И не под лопатку делали, а в ладонь.

— В ладонь? — удивился полковник.

— В ладонь и в лоб. Две прививки делали. Одну, как нам объяснили, от инфекции, другую — от рака...

Когда парня увели, полковник поднял глаза на журналиста:

— Какая-нибудь аналогия есть с тем, что вы видели на подпольной «ликерке»?

— Есть. Кажется, такой шприц в виде пистолета я видел лично. Причем

непосредственно в руках у Ричарда. Он мне прочел два стиха из тринадцатой главы Апокалипсиса и приказал готовить ладонь и лоб.

— Для прививок?

— Нет. Для его печати. Печати Сатаны.

После того как Маргарита ушла, следователь запросил материалы дела по убийству Антона Баскакова. Еще год назад ему показалось, что останки скрипача были не найдены, а именно подброшены. Кому-то было очень нужно, чтобы розыск известного музыканта был прекращен. Только кому?

Дрянцов начал листать толстую папку с протоколами и заключениями экспертиз.

Итак, останки были найдены весной при очистительных работах. Их вместе с песком и илом всосало в трубу землесоса. Еще тогда, полтора года назад, следователя удивило, что труп был утоплен именно на территории очистительных работ, как бы специально с Таким расчетом, чтобы в конце концов он был обнаружен. Гораздо проще было его сбросить с любого московского моста. Камень на шею — и вниз. Нет! Его утопили именно на пути следования землесоса. А для этого нужен как минимум катер.

Удивило следователя и то, что жертва была убита двумя выстрелами, хотя для того, чтобы убить, хватило бы и одного. После выстрела в сердце не было необходимости в контрольном выстреле в голову. Значит, убить было недостаточно. Нужно было продемонстрировать, что музыканта именно заказали, что он не жертва ограбления или какой-нибудь случайности. И наконец, труп был в одежде музыканта. Все признаки того, что тот, кто это делал, преследовал одну цель: показать, что всемирно известный скрипач вовсе не без вести пропавший, а жертва покушения и официально должен быть признан мертвым. Интересно, кому это надо?

Следователь прочитал результаты экспертизы и покачал головой. Окончательное заключение полностью основывалось на опознании останков вдовой. Еще тогда Дрянцов уловил в поведении убитой горем вдовы какую-то брезгливую поспешность. Да-да, складывалось впечатление, что она хотела как можно быстрее признать найденные останки мужниными, чтобы дело по его исчезновению поскорее закрылось. Тогда следователь ее торопливость соотнес с потрясением, — ведь это не шутка — копаться в костях родного мужа, — но сейчас суетливость вдовы виделась совсем по-другому.

Дрянцов перечитал протокол и снова покачал головой. Рост не совпадает на два сантиметра, на макушке черепа следы ушиба, о котором ни слова не сказано в амбулаторной книжке музыканта, нижняя челюсть, на которой стояло две пломбы, отсутствует. Были признаны только клочки одежды и малахитовый перстень.

Следователь почесал под глазом и вперил свой взгляд в стену. После чего решительно набрал телефон мужа Сверилиной и спросил, не вспомнил ли тот еще чего-нибудь о продавце дачи.

— Ну я же вам сказал, Виктор Николаевич, что не вмешиваюсь в дела жены. К тому же накануне мы круто поскандалили и были не особо разговорчивы. С кем она в воскресенье ездила смотреть дачу, я не знаю. Я видел только машину. И то сверху.

— Но продавец был мужчиной или женщиной?

На том конце провода воцарилась растерянная пауза.

— Женщиной? Я как-то не подумал. Сейчас вспомню! Она приехала вечером радостная. Сказала: «Дача шикарная. Главное, что под номером шесть!» А вот хозяин или хозяйка показывали ей дачу, я даже как-то не могу сказать.

— То есть вы не исключаете, что дачу могла показать и женщина?

— Не исключаю...

Не кладя трубку, Дрянцов позвонил на мобильный Виктории Эдуардовне, которая, вероятней всего, была в больнице у постели найденного мужа. И он не ошибся.

— Вы сутками пропадаете в больнице?

— Если бы можно было сутками, я была бы просто счастлива, — вздохнула бедная женщина. — А то без конца дергают на работу.

«Надо же, любовь какая, а череп взять в руки побрезговала», — подумал Дрянцов и произнес:

— Какой марки у вашего мужа машина?

— «Форд», цвета мокрого асфальта. Хорошо, что я его не продала, — ответила она.

— Мокрого асфальта? — переспросил следователь. — Интересно. В отсутствие мужа на «форде» кто-нибудь ездил?

— Что вы! Как стоял в гараже, так и стоит. Я как чувствовала, что автомобиль еще послужит Антону.

Следователь положил трубку и подумал, что эксперты потом скажут точно, ездили на этом автомобиле или нет. Кстати, с десятого этажа «форд» вполне можно принять за «ауди».

Следователь покинул прокуратуру и направился в театр «Рубикон». Там он встретился с дирижером оркестра Геннадием Быстрицким. Геннадию Ивановичу было около пятидесяти: тонкая сутулая фигура, благородная седина на висках, обаятельная улыбка. Узнав, что Баскаков найден, дирижер очень взволновался. Он тут же решил отменить репетицию, чтобы отправиться к Антону в больницу. Но следователь охладил его порыв.

— Геннадий Иванович, пока никто об этом не должен знать.

— Почему? — удивился дирижер.

— Для его же безопасности. Преступники еще не пойманы.

— Господи! Кому понадобилось на него покушаться? — всплеснул руками дирижер.

— Вот об этом я и хотел с вами поговорить. Кому он мог перейти дорогу?

Геннадий Иванович закусил нижнюю губу и остекленевшим взором уставился в пустоту.

— Ума не приложу... Дороги он никому не переходил. Закулисных интриг не плел. Побеждал в конкурсах всегда честно. Да и никто не сомневался в его таланте, и его первые места принимали как должное.

— То есть ему никто не завидовал?

— Завидовать-то завидовали, но не до такой же степени, чтобы «заказать». Все это очень странно. Человек шел в гору, что вполне для него естественно. В нашем оркестре он был первой скрипкой, что тоже вполне естественно. Я убежден, что в коллективе ни у кого не возникало и мысли, что первой скрипкой должен быть кто-то другой.

— А кто сейчас первая скрипка в оркестре?

— Пока Олег Кирсанов.

— Почему пока?

— Наверное, потому, что Олег Ефремович у нас долго не задержится, — снисходительно улыбнулся дирижер. — Сейчас он у всех на устах. Победил в международном конкурсе скрипачей виртуозов в Нью-Йорке. Получил большой денежный приз за авторскую сонату. Кстати, она будет исполняться завтра в нашем театре. Вы приходите! Так вот, Олег Ефремович, по всей видимости, в России долго не задержится. — Дирижер интеллигентно покачал головой и вздохнул. — Вот такие метаморфозы порой

совершает жизнь. Просто удивительно.

— Что удивительно? — спросил следователь.

— Я всегда думал, что Олежка музыкант весьма посредственный. Но я всегда отмечал в нем неистовое упорство и зверскую работоспособность. И вот, благодаря своим усилиям, он все-таки добился мировой известности. Что я могу сказать? Молодец! За два года сделать такой рывок! Конечно, тут сыграла свою роль и его везучесть. Что «Орфей» отобрал именно его, а мог бы на этот конкурс послать и другого музыканта. Но «Орфей» послал Олега и, как всегда, не ошибся.

— «Орфей» — это международное концертное агентство, которое возглавляет жена Антона Баскакова?

— Совершенно верно, — кивнул дирижер. — Сегодня международную раскрутку музыканту делают именно концертные агентства подобного рода. Так что Антон своими музыкальными победами во многом обязан агентству своей жены. Она отправляла его и в Париж, и в Брюссель, и он занимал первые места. И тут надо отдать должное вкусу Виктории Эдуардовны. Не каждое концертное агентство может этим похвастаться. Хотя практически агентства с международным статусом могут раскрутить какого угодно музыканта, даже бесталанного, но у Баскаковой на талант чутье. Вот она и в Олеге Ефремовиче не ошиблась. Кстати, вы можете побеседовать с ним, если хотите. Я его приглашу.

Через пару минут в комнату дирижера вошел высокий, смуглый, черноволосый мужчина лет тридцати пяти в элегантном костюме и лакированных туфлях. Глаза его были встревоженными.

— Это правда, что нашелся Антон? — спросил он с порога.

— Пока никому не слова, — произнес следователь.

Кирсанов присел и взглянул Дрянцову в глаза.

— Преступников нашли? Антон рассказал, кто они?

— Пока еще нет. Он не совсем здоров. Думаю, на днях начнет давать показания. Скажите, Олег Ефремович, вы давно знакомы с Антоном Баскаковым?

— Уже лет десять. Он, можно сказать, был моим учителем.

— Были у него враги?

— Нет! Никаких врагов у него не было, — убежденно ответил Кирсанов. — Когда в прошлом году я узнал, что его убили, я был шокирован. Я не поверил в это. И, оказывается, правильно, что не поверил.

— Но почему он ушел из дома? — спросил следователь.

— Ушел? — удивился музыкант. — Я слышал, что его похитили.

— От кого вы это слышали?

— От Виктории Эдуардовны.

— Когда, если не секрет?

— На днях.

— Ну хорошо, — задумчиво пробормотал следователь. — Похитили так похитили. Как вы думаете, кто его мог похитить?

— Понятия не имею, — пожал плечами Кирсанов. — Зачем его похищать? Он же не политик, не банкир. По-моему, его с кем-то перепутали. Вот и весь ответ.

Следователь наклонился через стол и, приглушив голос, спросил:

— А не мог он сам себя похитить?

— Зачем? — удивился музыкант.

— Я не знаю, зачем. Но, может быть, вы знаете? Вы же с ним бок о бок десять лет...

— Сам-то он что говорит?

— Он ничего не помнит. Даже своего имени.

Кирсанов задумался.

— А знаете... Он может бросить все и уйти из дома. — Музыкант поднял на следователя глаза. — Антон не фанат музыки, понимаете? Когда он учился в консерватории на четвертом курсе, то за месяц до экзаменов отбыл в какую-то четырехмесячную экологическую экспедицию на судне. Друг его позвал, и он, не задумываясь, поплыл с ними матросом второго класса. А восемь лет назад он уходил из «Рубикона» на полгода. И ради чего? Ради презренной коммерции. Да-да! Бросил оркестр, где уже был первой скрипкой, занял денег и начал ездить в Турцию. Тогда музыкантам платили мало, и Антон таким образом решал свои материальные проблемы. Вернулся он в музыку только после того, как познакомился с Викторией, своей будущей женой. Тогда, благодаря ей, он стал ездить за границу и хорошо зарабатывать. Если бы это дело было безденежным, он бы музыку бросил. И не задумался. Вот такой он. Я бы так не смог.

— Скажите, перед исчезновением как у него шли дела?

— Я бы не сказал, что блестяще, — поморщился Кирсанов. — За два месяца до исчезновения он приехал из Голландии с каким-то второстепенным лауреатским дипломом. Для него это было равносильно поражению...

Когда Дрянцов вернулся в прокуратуру, то сразу же стал добиваться санкции прокурора на арест Антона Баскакова.

— Обоснуйте, — сказал прокурор.

— У меня все основания полагать, что убийство Сверилиной с целью ограбления совершил непосредственно Антон Баскаков. Разумеется, не без участия своей жены. Именно она в воскресенье показывала дачу Марии Сверилиной. А в понедельник Сверилина сняла деньги и вернулась с ними домой. В подъезде ее уже ожидал Баскаков под видом бомжа.

— Какие-нибудь доказательства есть? — спросил прокурор.

— Я думаю, на допросе память к Баскакову вернется...

— Логика есть. Доказательств нет, — ответил прокурор. — Поищите доказательства. Санкции пока дать не могу.

На следующий день оперативная группа отдела по борьбе с организованной преступностью совместно с дорожно-патрульной службой задержали объявленных в розыск архаровцев на белом «ниссане», которые похитили журналиста. Берестова возили на опознание. Он их опознал. Они же, увидев журналиста живым и здоровым, были крайне изумлены. Это читалось на их угрюмых физиономиях. Привезли на опознание и Горелову. Она бесстрашно ткнула одному из них в грудь и сказала:

— Этот подложил бомбу журналисту.

Арестованных по очереди допрашивали более четырех часов. Полковник вышел из кабинета хмурым и усталым. Увидев Берестова, сказал:

— Неважно идут дела. От бандитов почти ничего добиться не удалось. Они сами не знают, кто их хозяева. Кого заказывают, тех и убивают, а кто заказывает — их не интересуется. С рабочими «ликерки» тоже глухо. Ни один из них не дал показаний. Не помнят ничего.

— Что говорят гипнотизеры?

— Все гипнотизеры говорят одно и то же: у вызволённых очень мощная блокировка. Они ничего не могут вспомнить. Просто чертовщина. Хотя кое-что про вас я выяснил. «Заказал» вас мистер Ричард. Сначала велел взорвать. Затем внезапно переменял решение и велел доставить к нему. Когда вас к нему доставили, он был сильно разочарован и с большим скрипом дал за вас полцены.

— Это сколько? — поинтересовался журналист.

— Две с половиной тысячи долларов.

— Не густо, — почесал затылок Берестов. — Лучше бы эту сумму он дал мне. А за что он меня «заказал»?

— Бандиты не знают. Но я думаю, что он очень не хотел, чтобы появилась информация про независимое исследование ЮНИСЕФ в автомеханическом техникуме.

— А кто вообще этот мистер Ричард?

— Зайдем в кабинет. Я покажу фото.

Они зашли, и полковник дал Берестову пачку фотографий.

— По сведениям миграционной службы, в России в данный момент находится пятьдесят два английских бизнесмена, которые носят имя Ричард. Ни один из них не приехал сюда по линии ЮНИСЕФ. Более того, на наш запрос организация ответила, что никаких независимых исследований в мае девяносто восьмого она не проводила. Так что придется перелопатить всех англичан. Смотрите внимательней, Леонид!

Берестов просмотрел фотографии и вернул полковнику.

— Такого нет.

— Я так и знал, — вздохнул полковник. — Приготовьтесь к рутинной работе на компьютере. Сейчас вас отвезут в миграционный центр. Опознать Ричарда — ваш долг...

К вечеру все эти английские физиономии, мелькавшие в компьютере, слились в глазах журналиста в одно огромное цветное пятно.

— Больше не могу! — поднялся со стула Берестов. — Продолжим завтра!

— Как скажете, — ответил компьютерщик. — Тут еще пятнадцать осталось. А всего за сегодня просмотрели шестьсот шестьдесят.

— Ну если шестьсот шестьдесят просмотрел, то еще пятнадцать осилю...

И вдруг шестой по счету оказался он. Берестов даже вздрогнул:

— Черт! Как живой...

«Джон Смит, — прочел журналист под этой фотографией. — Медицинская фирма «Heart Lions».

— Надо звонить полковнику, — произнес компьютерщик.

Пока Берестов доехал до отдела, Кожевников уже сделал запрос по поводу деятельности этого Джона Смита в России. Оказалось, что в данный момент он в Англии. Как выяснилось, Смит выехал из России в тот самый день, когда оперативники накрыли подпольный ликероводочный завод под Рязанью. Также после запроса в Министерство здравоохранения выяснилось, что Джон Смит осуществляет поставки лекарственных препаратов в Россию. Причем все препараты одобрены Минздравом.

— Свяжитесь с таможней, — приказал в телефонную трубку полковник, — выясните, были ли у Джона Смита случаи несоответствия поставляемой продукции.

После чего Кожевников посмотрел на часы и перевел взгляд на Берестова.

— Ну что, Леонид Александрович, устали? Сейчас вас отвезут домой. Но охрану с вас снять пока не могу.

Однако в тот вечер Леониду уехать домой было не суждено. Неожиданно позвонили из отдела информации УВД и сообщили, что медицинской фирмы «Харт Лайанс» в Англии нет и никогда не было. Есть электронная фирма с таким названием.

— Час от часу не легче, — произнес полковник. — Как это переводится? Львиное сердце? Теперь понятно, почему его называют Ричардом. Хотя имя Джон Смит наверняка вымышленное. Нужно навести справки об электронной фирме...

Вечером позвонил Калмыков. Берестов рассказал ему, что похитивших его архаровцев поймали, заказчик, Ричард Львиное Сердце, опознан. Однако охрану с него полковник снимать не спешит. Еще журналист рассказал коллеге, что медицинской фирмы, представителем которой является мистер Ричард, в Лондоне нет, но есть с таким название электронная фирма.

— «Харт Лайанс», — пробормотал Калмыков задумчиво. — Что-то знакомое. По моему, какой-то скандалчик про эту фирму в «Коммерсанте» проходил. Подожди-ка, я посмотрю в архиве.

Калмыков минут на десять исчез, а когда объявился, голос его был взволнованным.

— Слушай, точно! Мы об этом писали. В 1996 году эта фирма разработала микрочип, который представляет собой единую электронную карту. То есть у нас еще не пришли к единой электронной карте. На метро у нас одна карта, в банк — другая, куда-то там еще — третья и так далее. Мы еще живем без электронных карт. Англичане до недавнего времени таскали их целую стопку. Но в последнее десятилетие они пользовались только одной карточкой, уместив на ней все: от счета в банке до медицинского полиса. Сам понимаешь, что если потеряешь эту карту, то тебе конец. Ты уже не человек, потому что в ней находится все — от паспортных данных, до будущего номера твоей могилы. И вот эта фирма, «Львиное сердце», разработала микрочип, который внедряется в ладонь — и, можно сказать, ты на всю жизнь застрахован от потери карточки. Заходишь в метро, подставляешь ладонь к электронному табло и проходишь. Приходишь в банк, подставляешь ладонь к автомату и снимаешь деньги.

— Так это же очень удобно!

— Не спорю. Это удобно! Тем более что ладонь как будто самой природой

предназначена для микрочипа. Дело в том, что для его питания нужна колеблющаяся температура. В человеческом организме она только в двух местах: в ладони и на лбу.

— Так! Начинаю соображать! Продолжай!

— Одним словом, в 1996 году английская фирма «Heart Lions» изобрела такой микрочип и официально пригласила добровольцев участвовать в эксперименте.

— И добровольцев, конечно, не нашлось.

— Этого я не знаю. Знаю только, что Национальный совет безопасности категорически запретил всякие эксперименты с вживлением микрочипов в тело человека. Догадываешься, почему?

— При помощи него можно шпионить за людьми?

— Шпионить — всего лишь цветочки! Если это дело поставить на поток, то армия практически будет не нужна. Все будет под электронным контролем, даже мысли. Да что мысли! Человека можно превратить в послушного, безвольного зомби — чернорабочего, солдата, киллера, которому не нужно платить. Влияние микрочипа на волю человека в тысячу раз сильнее, чем действие гипноза, потому что он находится в непосредственной близости от головного мозга и действует постоянно.

— И можно заставить человека выбраться с двенадцатого этажа?

— Хоть с тринадцатого.

— Все, старик! Я звоню Кожевникову. Пусть делает эксгумацию «новых киллеров».

На другой день утром в кабинете Дрянцова раздался звонок. Звонили из больницы. Врач сообщил, что состояние Антона Баскакова, благодаря его жене, которая сутками дежурит у его койки, вполне удовлетворительное. Его уже можно выписывать, но Баскакова держат исключительно по просьбе следователя. А скрипач, между прочим, намылился домой.

— Еще пару дней можете его продержать?

— Могу. Но у него полное право уйти под расписку.

Дрянцов собрался и срочно выехал в больницу. Но прежде заехал в концертное агентство «Орфей», находящееся на Ленинградском шоссе.

Офис был шикарным. Одного взгляда было достаточно, чтобы определить, что агентство далеко не бедствует. Площади были обширными, несмотря на то что в международной фирме насчитывалось не более двух десятков сотрудников. Полы были устланы коврами, стены завешаны картинами, с потолка свисали замысловатые светильники. В обширных холлах раскинулись зимние сады и фонтаны, на стенах мозаика. Сотрудники одеты с иголочки, женщины в драгоценных украшениях, мужчины в дорогих костюмах и галстуках. Даже охрана, стоящая у двери навытяжку, была в прекрасно отутюженных брюках, белоснежных сорочках и стильных пиджаках.

К следователю отнеслись довольно подозрительно. На вопрос, есть ли у кого-нибудь из сотрудников автомобиль «ауди» серого цвета, недоуменно пожали плечами. Наконец, после каких-то недомолвок и многозначительных переглядываний, твердо ответили, что серого «ауди» ни у кого нет. Это единственное, что удалось выяснить следователю. По всем остальным вопросам советовали обращаться непосредственно к шефу, Виктории Эдуардовне. Так бы и ушел следователь ни с чем, если бы на выходе не увидел белобрысого парня, который явно хотел пройти в офис, но его не пускали. По тому, как к нему относилась охрана, можно было догадаться, что он здесь не в первый раз. Следователь подошел к нему и спросил:

— Вы что-то хотели в этом агентстве?

— А вы кто? — недружелюбно спросил молодой человек.

Когда Дрянцов представился, глаза парня радостно вспыхнули.

— Идемте в кафе, я сейчас вам такое расскажу про это хваленое агентство...

Дрянцов заметил, как на лицах охранников «Орфея» появилась некоторая озабоченность, когда он вместе с молодым человеком направился к лифту. Спустившись в кафе и заказав по чашке кофе, парень произнес:

— В этом агентстве работают жулики! Они нагло заныкали мою пьесу для флейты с оркестром. Я свое сочинение дважды слышал в Европе под чужим авторством.

— А зачем вы ее показывали? — удивился следователь.

— Думал, меня пошлют в Мюнхен, я все же автор! Нет! Сказали, что моя вещь им не подходит. А через месяц в Мюнхене с ней стал лауреатом какой-то музыкантишко из Питера!

— И что же, вы не можете доказать свое авторство?

— Как? Если бы до этого пьеса вышла в грамзаписи или была бы опубликована ее партитура, а так — практически недоказуемо. Да вы думаете, это агентство у меня одного сочинение заныкало? У них все тут давно поставлено на поток. Находят талантливых

новичков из провинции, отсеивают, а произведения распределяют среди своих. Вот такие наглецы!

Разговор с флейтистом из Нижнего Новгорода произвел на следователя большое впечатление. Он приехал в больницу к Антону Баскакову, но тот встретил его довольно холодно. Видно, до скрипача дошли слухи, что он подозревается в убийстве. У изголовья сидела его жена и не отрывала любящего взгляда от больного, который, впрочем, уже мало был похож на такового.

— Как вы себя чувствуете, Антон Павлович? — как можно доброжелательней спросил следователь.

— Спасибо, прекрасно, — ответил сухо скрипач.

— Вспомнили что-нибудь?

— Я вспомнил все! — нахмурился Баскаков.

— Тогда позвольте вам задать несколько вопросов наедине?

Баскаков подумал, взглянул на жену и сделал ей знак, чтобы ушла. Она неодобрительно зыркнула на Дрянцова, но все же удалилась без единого слова.

— Все ли вы вспомнили, Антон Павлович?

— Я же сказал вам, что все! Точнее, почти все. Я знаю, кто я, помню свое прошлое, родителей, дом, жену. Сохранил свои профессиональные навыки. Несмотря на то что я более двух лет не играл на скрипке, надеюсь за три месяца восстановить свое мастерство.

— Вы отсутствовали два с половиной года. Вы помните, где вы были?

— Помню.

— Все?

— Кое-какие фрагменты еще отсутствуют, но общую картину я нарисовать могу.

— Тогда давайте по порядку. Два с половиной года назад вы ушли из дома и не вернулись. Что с вами произошло?

— На меня напали, — кисло улыбнулся Баскаков. — Это случилось после репетиции в час дня. Я на минуту забежал в магазин, чтобы купить пакет сока. После этого я собирался ехать в автосервис менять резину. До своей машины я не дошел буквально два шага. Четверо парней окружили меня и потребовали, чтобы я сел с ними в машину. Я отказался. Тогда они брызнули мне в лицо газом и затащили в машину.

— Что за машина, помните?

— А как же? «Вольво». Черного цвета.

— И парней можете вспомнить?

— Один под метр девяносто. Остальные пониже. Вот того, что под метр девяносто, я узнаю. Братки его — все на одну рожу. Ну так вот: рот залепили мне пластырем, на глаза надели вязаную шапочку — руки, ноги связали. И везли около двух часов.

— Куда?

— Откуда я знаю? Ничего не видел! Слышал только, что машина остановилась где-то в лесу. Это я определил по щебету птиц. Меня впахнули в какой-то подвал. Там на бетонном полу со связанными руками я провалялся до следующего утра. На рассвете за мной пришли, выволокли из подвала, затащили в дом и сняли шапку. Меня осмотрел какой-то иностранец. Судя по всему, англичанин.

— Почему вы так решили?

— По акценту. Его бы я тоже узнал. С ним был еще какой-то тип с такими, знаете, наглыми лягушачьими глазами. Иностранец кивнул. Мне снова надвинули на глаза шапку,

затащили в его машину и сделали в руку укол. Что было после этого — я помню очень смутно. Меня куда-то привезли. Руки развязали, пластырь отлепили. Я начал возмущаться. Меня избили. Дальше не помню. Четко запомнился вот какой фрагмент: этот самый иностранец метит мне в лоб из пистолета. А пистолет какой-то странный: дуло на конце сужено. Помню щелчок. И лоб чешется. Потом он мне этим пистолетом выстрелил в ладонь. И дальше снова полный провал.

— Где все это происходило?

— В какой-то лаборатории. В какой? Не помню. Однако помню, как я начал себя осознавать. Работаю я на заводе по производству водки. Мою из шланга бутылки.

— Где это?

— Не знаю. До этого я работал на этом заводе, но как-то бессознательно. А тут мне стало казаться, что я этим занимался всю жизнь и никакой другой жизни у меня никогда не было.

— Вы работали один?

— Нет! Нас там было много. Мы друг с другом не разговаривали. В этом не было необходимости. Я там без конца слышал изнутри голос. Этот голос нас будил. Он говорил: «Подъем!» — и мы вставали. Я помню, что чувство страха ко всему, даже к смерти, у меня было атрофировано, а вот этого голоса я боялся панически.

Тут Баскакова передернуло. Он поднял глаза на следователя и увидел его скептическую улыбку. Больной нахмурился и отвернулся к окну.

— Что же вы замолчали? Продолжайте! — произнес Дрянцов. — Это интересно.

— Я больше не помню, — пробурчал скрипач, не поворачивая головы.

Воцарилась тишина.

— Где этот завод стоял, вы, конечно, тоже не помните? — спросил Дрянцов.

— Конечно, нет!

— И как же вы потом оказались в Москве?

— Не знаю, — ответил Баскаков хмуро.

— А говорите, все помните.

Скрипач повернул голову к следователю:

— Скажите, меня в чем-то подозревают?

— Нет, — соврал следователь.

— Тогда почему я нахожусь под арестом?

— Почему вы решили, что под арестом?

— Потому что у моей палаты дежурит милиционер. Меня никуда не выпускают, а я уже давно здоров.

Дрянцов улыбнулся.

— Милиционер дежурит в целях вашей же безопасности. А то, что вас не выпускают, это претензии к врачам. Если они выпишут вас сегодня, сегодня же отправитесь домой. Но учтите: те, кто покушался на вас, разгуливают на свободе. Вы не боитесь?

Баскаков задумался.

— Я об этом как-то не подумал, — пробормотал он после некоторой паузы. — А вы знаете, кто на меня покушался?

— Судя по вашему рассказу, вас «заказали».

— Кто? — удивился Баскаков.

— Чтобы выяснить это, нужно сначала вспомнить, кому вы перешли дорогу. Подумайте!

Вспомните! И позвоните мне.

Следователь поднялся и вышел из палаты. В коридоре он подошел к Баскаковой.

— К сожалению, еще пару дней придется полежать. Температуры нет, но сердце очень слабое. Кстати, Виктория Эдуардовна, что вы делали в минувшее воскресенье?

В красивых глазах Баскаковой появилось изумление.

— Это что, допрос?

— Праздное любопытство.

— В воскресенье я ездила в Тверскую область к одной бабке.

— Бабка это может подтвердить?

— Нет. Она там уже давно не живет. В общем, убила день, а съездила зря.

— Ездили одна?

— Как всегда.

— На «мерседесе»?

— На чем же еще?

— Ну хотя бы на «форде». Кстати, не будете вы возражать, если завтра ваш «форд» осмотрят наши эксперты?

Глаза Баскаковой потемнели от бешенства.

— Меня в чем-то подозревают?

— Я обязан всех подозревать. В том числе и вас, — ответил следователь.

— В таком случае, я вам не разрешаю осматривать свою машину без санкции прокурора. Имею право!

Она развернулась и вошла в палату, а следователь в дурном настроении направился к выходу. На лестнице ему преградил дорогу врач.

— Баскаков требует, чтобы его выписали. В принципе он имеет полное право покинуть больницу под расписку.

— Ни в коем случае! Продержите еще два дня...

Через час следователю позвонили. Он как раз только что оформил постановление о переводе Баскакова из больницы в лазарет Бутырки и о задержании его в качестве подозреваемого.

Звонил муж Сверилиной. Голос его был растерянным.

— Виктор Николаевич, деньги нашлись! Миллион девятьсот, рубль в рубль. Оказывается, они никуда не пропадали. Деньги лежали в пианино, в пакете. Жена раньше имела привычку класть в пианино. А я и забыл...

Дрянцов долго молчал. Первой мыслью было, что деньги подбросили. Подбросили, чтобы отвести подозрение от Баскакова.

— Так ведь в вашей квартире был обыск.

— Да какой, к черту, обыск, открыли пару ящиков на антресолях и дали расписаться...

— Пакет вы узнали?

— Да, узнал! Ее пакет. И деньги, все пятисотками, как выдали в сберкассе...

— Черт! — только и пробормотал следователь.

Он тут же набрал номер главврача больницы и сказал:

— Баскакова можете выписать сегодня.

После чего Дрянцов попросил соединить с начальником отдела по борьбе с организованной преступностью полковником Кожевниковым.

— Товарищ полковник, у меня есть человек, который утверждает, что работал на

ПОДПОЛЬНОМ ЛИКЕРОВОДОЧНОМ ЗАВОДЕ...

— Я ее убью! Возьму топор и убью, — всхлипывала в трубку Маргарита. — Представляешь, Светка, она сидит у его постели дни и ночи — эта светская львица, вся в золоте и с бриллиантами в ушах. Хоть бы драгоценности сняла. Все-таки в больнице, а не на балу у Сатаны.

— Значит, ты к нему не прорвалась? — посочувствовала Светка.

— Во-первых, у его палаты дежурит мент, а во-вторых, сидит она, так называемая жена, которая уже успела похоронить своего мужа. Главное, что и труп опознала! Все успела!

— Откуда ты знаешь, что дежурит мент? Значит, ты все же была?

— Да, была, Светка, была! — вздохнула Маргарита. — Меня не пустили. Спросили: ты кто ему? Что я могла ответить?

— Ритка, ну тебя в баню, не хнычь! Ты как относишься к тому, что его подозревают в убийстве?

У Маргариты вырвался нервный смешок.

— Светка, ну бред же собачий! Какой он убийца? Он человек искусства! А этих ментов хлебом не корми, дай повесить на кого-нибудь убийство. Тем более видят, человек не в себе.

— Значит, ты, Ритка, в трансе? А между прочим, этот наш сотрудник, который развелся, о тебе каждый день спрашивает. Давай к нему завтра ходим. А хочешь, сейчас позвоню?

На этих словах в квартире раздался звонок.

Маргарита сказала, что перезвонит, и положила трубку. Когда она открыла дверь, ноги ее подкосились. У решетки стоял он, Антон Баскаков, с огромным букетом роз. Он был в элегантном длинном пальто, с бабочкой на шее и сияющей улыбкой на лице.

— Привет, Марго, я за тобой, — произнес он.

Она отперла решетку и впустила его в квартиру.

— Вас уже выпустили из больницы? — еле слышно пролепетала она, чувствуя, что сейчас свалится без чувств.

— Только что выпустили! — произнес он и потянулся к ее губам.

— Нет-нет! — закачала она головой. — Разве вы забыли, что у вас есть жена?

— Кое о чем я хотел бы не вспоминать... — грустно покачал головой скрипач. — Да что мы все о печальном! Возьми эти розы и поставь их в вазу.

— У меня нет такой большой вазы.

— Тогда брось их в ванную! Завтра я тебе куплю огромную вазу.

Маргарита приняла розы, понюхала, и пол под ее ногами поплыл. Антон подхватил ее, и розы посыпались на пол.

Очнулась она на диване. Ее халат был наполовину расстегнут, балконная дверь распахнута настежь. Он легонько шлепал ее по щекам и обмахивал газетой. Придя в себя, Маргарита спросила, торопливо застегивая халат:

— Вас больше не обвиняют в убийстве?

— Кажется, нет! — ответил он, отнимая ее руки от халата. — Не спеши застегиваться, тебе нужен воздух.

Глаза его заблестели, дыхание участилось.

— Что вы делаете, Антон Павлович? — произнесла она умирающим голосом, чувствуя, что его горячие пальцы расстегивают халат уже на животе, затем все ниже и ниже. Вместо

ответа он припал губами к ее груди, и она снова поплыла...

Окончательно она очнулась, когда уже все свершилось. Он обессиленный лежал, зарывшись лицом в ее волосы, и засыпал. Но полу валялись ее халат и то, что было под халатом. Рядом в скомканном виде лежал его дорогой костюм с рубашкой, и только бабочка каким-то образом покоилась на столе.

Он сопел ей в ухо, а она гладила его волосы и была счастлива, хотя осознавала, что все это бессмысленно и тупиково. Маргарита потрепала его за вихры.

— Как тебя жена отпустила одного?

Он лениво открыл глаза и посмотрел на часы.

— Сейчас мы с тобой поедем.

— Куда?

— В «Рубикон!» Сегодня Олежка Кирсанов играет концерт, за который он получил Гран-при в Нью-Йорке. Как автора я его никогда не слышал.

— Ты хочешь взять меня с собой? — удивилась Маргарита.

— И хочу, и возьму! — улыбнулся Антон, проведя пальцем по ее шее.

— Ты с ума сошел! А жена?

— Жены на концерте не будет.

Баскаков поднялся и направился в ванную. Когда он возвратился, Маргарита еще нежилась в постели, и нагота почему-то ее не смущала. Он подошел, опустился на колени и стал осыпать поцелуями.

— Ты Венера Милосская...

Когда они вышли из подъезда и направились к автомобилю, их неожиданно окликнул милиционер.

— Это ваша машина? — спросил он строго. — Покажите права!

— А в чем дело?

— Какой-то парнишка подозрительный крутился около вашего «форда» и, кажется, собирался в него залезть. Я спросил права, он порылся в кармане и сказал, что забыл дома. И с тех пор его нет...

— Ну вот, — засмеялся Антон, услужливо открывая перед Маргаритой дверцу, — вчера мы угоняли машины, сегодня угоняют у нас. Все справедливо!

Хозяин дал блюстителю за бдительность, и они поехали.

— А что, если действительно крутился кто-то у вашей машины? — спросила Маргарита.

— Вряд ли, — улыбнулся он. — Это у милиции один из способов подхалтурить.

Они ехали, и Маргарите было не по себе. Ее смущало, что она появится на людях с чужим мужем, и не просто с чужим мужем, а с известным скрипачом, привыкшим быть в центре внимания. Все будут на нее смотреть и понимать, что она его любовница.

Но никто на нее не косился. Баскакова узнавали. Кто-то сдержанно здоровался, кто-то сразу бросался в объятия, и среди них — женщины, которые мазали его щеки своей помадой, и ни одну не смущало то, что на нее косо посмотрят. Антон радостно пожимал знакомым руки и кивал на свою спутницу.

— Знакомьтесь, Маргарита!

Больше он ничего не пояснял, и никто пояснений не требовал. Ей улыбались так же, как ему, а мужчины целовали руки. Словом, никакой неловкости Маргарита не ощутила. Единственно, что она смертельно боялась наткнуться на его жену. Если жена посмотрит Маргарите в глаза, то сразу все поймет. У нее всегда на лице все написано.

За пять минут до начала концерта Антон потащил ее за кулисы. Они вошли в гримерку к Кирсанову, и тот бросился навстречу. Мужчины обнялись и расцеловались.

— Боже мой, Антон! Как я рад тебя видеть живым и невредимым. Кстати, ты неплохо выглядишь, — говорил Кирсанов.

— Что, мандраж перед концертом? Бывает! — отвечал Антон. — Кстати, познакомься! Это Маргарита. Она меня и возвратила к жизни!

Маргарита протянула Кирсанову руку и улыбнулась. Где-то она видела этого скрипача, который у всех на устах. По телевизору — это само собой. Но где-то еще... И кажется, совсем недавно. Скрипач поцеловал Маргарите руку и тоже задержал на ней долгий взор, как будто видел где-то, но не вспомнил — где.

— Ну что, старик, желаю успеха! Особо не волнуйся. Мы с тобой.

Антон с Маргаритой сели в элитную ложу, где, кроме них, больше никого не было. Когда свет потух, он неожиданно притянул ее к себе и поцеловал. Она испуганно оттолкнула его, и после этого свет почему-то загорелся опять. Маргарита внимательно посмотрела на кавалера.

— Вы всегда так делаете перед концертом?

— Извини, больше не буду...

Зал был полон, но выступление почему-то задерживалось. Прошло пятнадцать минут, концерт не начинался. При этом никто не сообщал о причинах задержки. Зрители начали волноваться. Несколько раз зал взрывался аплодисментами, но за кулисами на них не реагировали. Наконец на сцену вышла пунцовая ведущая и с извинениями объявила, что концерт переносится на другой день в связи с болезнью исполнителя. На какой день — будет объявлено дополнительно, а сейчас зрители могут сдать билеты в кассу.

Зал недоуменно зашумел, и Антон воскликнул:

— Что за черт! Пойдем выясним.

Он взял Маргариту за руку и потащил за кулисы. В гримерке Кирсанова было много народу. На месте скрипача сидел администратор и недоуменно разводил руками.

— А что я мог сделать? Ну заболел артист. Плохо стало с сердцем...

Выяснилось, что Кирсанов уже уехал домой. Баскаков потащил Маргариту обратно.

— А точно, он был как-то не в себе! — пожал плечами Антон и вдруг улыбнулся Маргарите. — Ты знаешь, я рад, что концерт отменился. У нас с тобой три часа. Поедем в ресторан.

Они вышли на улицу и направились к автомобилю.

— В одиннадцать я должен быть дома, а сейчас только восемь.

Маргарита помрачнела. Тем не менее она дала усадить себя на переднее сиденье машины. Автомобиль почти тронулся, как вдруг Маргарита открыла дверцу и выскочила наружу.

— Извините, Антон, но все эти встречи в свободное от жены время — не для меня! — бросила она через плечо и пошла прочь.

— Подожди, Маргарита! — закричал он. — Ты все не так понимаешь!

Она услышала, как сзади хлопнула дверца, и прибавила шагу. Видимо, он вышел из машины и пошел за ней. Антон нагнал ее на углу, схватил за плечи и развернул к себе.

— Маргарита! — произнес он, с тревогой заглядывая ей в глаза. — Ты для меня больше чем любовница... Ты для меня...

В это время мощный взрыв потряс улицу и выбил все стекла театра «Рубикон». Они

вздрагнули и повернули головы в сторону взрыва. «Форд», из которого они только что вышли, разнесло на куски.

— Видимо, вас хотели убрать как свидетеля, — предположил полковник Кожевников, глядя Баскакову в глаза. — Кстати, познакомьтесь, это журналист Леонид Берестов. У вас с ним схожая судьба. Его тоже, как и вас, хотели взорвать, но спасла его от смерти та же женщина, что и вас.

— Даже так? — удивленно вскинул брови скрипач и протянул Берестову руку.

— Его так же, как и вас, — продолжал полковник, — продали на тот же ликероводочный завод под Рязанью и даже поставили на ту же работу по мытью бутылок. С единственной разницей: ему не успели внедрить микрочип, поскольку мистер Ричард срочно вылетел в Лондон. Но к концу недели он должен вернуться с новой партией лекарств. И там, в лекарствах, должны быть спрятаны микросхемы.

Баскаков достал из кармана маленький целлофановый пакетик и положил перед полковником на стол.

— Вот они, микрочипы. Я их лично вырезал скальпелем.

Полковник, эксперт и журналист склонили головы над пакетиком в котором поблескивали два крошечных золотистых шарика, величиной с жало шариковой ручки.

— Отлично! — воскликнул полковник. — Теперь хоть будем знать, как они выглядят! Такие крохотные, а волю человека поражают намертво...

— Их можно закатать в таблетку хоть десяток, — произнес эксперт, разглядывая микрочипы через увеличительное стекло. — Таможенников нужно серьезно подготовить.

— Подготовим. Время есть, — произнес полковник. — Вы расскажите, Антон Павлович, как вам удалось вырезать эти шарики, а перед этим — выйти из-под их власти. Насколько мне известно, самостоятельно это невозможно.

— Я сразу догадался, что мне под кожу загоняют микросхемы, — пояснил Баскаков. — Кое-что я об этом знал. Я как раз накануне прилетел из Лондона и слышал кое-какие разговоры. После того как мне сделали уколы, мое сознание стало как чистый лист бумаги. Это сейчас я сознаю, а тогда, конечно, не сознавал. Себя я сознавал только моющим бутылки. Знаете, даже в мыслях не было, что у меня до этого была какая-то другая жизнь. Во время мытья бутылок я, естественно, промокал с головы до ног, а, поскольку работа нелегкая, еще и потел. Я часто выходил во двор за ящиками и, видимо, меня прохватывало насквозняке. И когда я чувствовал, что заболел, — в мое сознание прорывались фрагменты прошлого. Я сразу сообразил, что это происходит со мной из-за того, что я простужаюсь: чем больше у меня поднималась температура, тем отчетливее я осознавал, что я — это не только тот, кто моет бутылки. Это как во сне — накатывает, оставляет впечатление и уплывает.

— Совершенно верно! — вмешался эксперт. — Температура тела более тридцати восьми и пяти временно выводит микрочип из строя. Но, наверное, трудно заболеть, потому, что в схеме дана установка на здоровую температуру?

— Верно. Мне пришлось постараться, чтобы капитально простудиться. Но после того как я простудился в первый раз, я вдруг вспомнил, кто я на самом деле, и стал понемногу простужать окружающих. Не знаю, сколько прошло времени, но постепенно это стало у всех обязательным ритуалом: чуть-чуть вспотеть и сразу выходить на ветер. Двор, кстати, плохо охранялся. За нами почти не присматривали. В основном нашими действиями руководил

голос изнутри, но мы постепенно научились его не бояться. А потом однажды после работы я заметил, что дверь в нашу казарму оставили не запертой. Ее часто оставляли не запертой, но к этому времени во дворе были сильные ветра и болели почти все. Я поднял всю казарму, мы выломали ворота и побежали в лес. Вскоре мы выбежали на железнодорожную станцию, там стоял товарный состав. Мы залезли в него, кто в тамбур, кто на крышу и доехали до Москвы. В Москве нас стала забирать милиция.

— Это было в прошлом году, в феврале? — спросил полковник.

— Кажется, да.

— Так вот откуда в Москве появилось столько пропавших ранее людей, которые ничего не помнят. Продолжайте!

— Меня тоже схватили. Но не милиция. А те же самые ребята, которые меня похитили весной. Мне снова надвинули на глаза шапку, заклеили рот и связали руки. Снова меня куда-то везли, и я всю дорогу повторял про себя как заклинание: «Вспотеть и выйти на ветер». Дальше помню очень смутно. Кажется, я снова видел того же англичанина, который собирался загнать в меня еще два чипа. Но тут мы стали с ним о чем-то спорить. Больше я не помню. Но отложилось в сознании, что он мне не делал укола. И вот через некоторое время я снова осознаю себя. Но уже не в качестве рабочего ликероводочного завода, а в качестве воина какого-то клана. Все было так же, как и в первый раз. Я не помнил своего прошлого, и мне казалось, что я всю жизнь в этой банде. Мы обитали в лесу, в каком-то доме. Спали на нарах. Нас было около двадцати человек. Команды отдавал внутренний голос. Мы целыми днями дрались, изучали приемы, с оружием и без. Драка с подсобными предметами и голыми руками. Мы запоминали болевые точки на теле человека. Сначала били чучел, потом друг друга. Наши хозяева ставили особую задачу: отключать противника одним ударом.

— Вы помните хозяев? — спросил полковник.

— Нет. Все лица их размыты.

— Сколько их было?

— Трое. Но больше всего мы боялись высокого в шляпе и длинном пальто. Лица не помню. В памяти отложились только очки без оправы, шляпа и тонкие черные усики. И так, я снова не помнил, кто я, но каждый раз, когда я потел, я стремился встать на сквозняк. Меня за это наказывали. Но однажды я заболел. Причем сам не знаю как. Мне измерили температуру, дали выпить аспирина, укутали в три одеяла и оставили одного. Как только я вспотел, я выбежал босиком во двор и вдруг четко вспомнил, как иностранец мне делал укол в ладонь. Я догадался, что он ввел под кожу микрочип, который не дает мне вспомнить прошлое. Я залез в дом через открытую форточку. Сами-то мы жили в подвале и в доме никогда не бывали. Я пробрался в ванную, нашел там лезвие и располосовал себе ладонь. Насколько помню, я без особого труда извлек из ладони микрочип и хотел располосовать себе лоб, но тут услышал, что к дому подъехала машина. Я быстро смыл кровь, сунул лезвие на место и тем же путем через форточку выбрался во двор. Потихоньку пробрался в подвал и лег на свое место. Никто ничего не заметил. На следующий день я внезапно выздоровел и снова про все забыл. Вспомнил некоторое время спустя, когда нас вдвоем послали на какую-то загородную дачу «пришить» хозяина. Мы подъехали к этой даче. Мой напарник зашел в дом, а мне мой внутренний голос приказал следить за улицей. И вдруг, как сейчас помню: опускаю стекло, ветерок обдувает мой потный лоб и вдруг я ясно вижу, как мы идем с мамой мимо фонтана в Большой театр. Сразу же мелькнула мысль, что нужно бежать. Я не долго думая завел машину и поехал знакомой дорогой в город, а когда проехал милицейский пост,

завернул на вокзал. Это было нелегко. За все время пути внутренний голос трижды спрашивал, спокойно ли на улице. Я отвечал, что все нормально.

— Вы отвечали вслух? — спросил эксперт.

— Вслух! — кивнул Баскаков. — Насколько я понимаю, микрочип еще не в силах считывать мысли.

— Куда же вы поехали?

— В сторону железнодорожного вокзала. Когда я к нему подъехал, внутренний голос приказал мне зайти в дом и бесшумно вырубить охрану. У напарника что-то не получилось. Мне стало страшно. Во мне боролись два «Я». Один хотел немедленно вернуться и выполнить приказ внутреннего голоса, другой требовал, чтобы я бежал. Последнее, что я помню: это название города над зданием вокзала: «Казань». Как я очутился потом на Казанском вокзале в Москве, не имею представления.

— То есть вы уверены, что все это происходило в Казани? — спросил полковник.

— Уверен.

— И можете показать то место, где вас готовили в боевики?

Баскаков задумался.

— Право, не знаю... — произнес он тихо. — Хотя, пожалуй, если я сяду за руль, то от вокзала запросто найду тот дом, куда нас посылали. А уже от того дома могу найти то место, где мы жили. Оно находится в пятидесяти минутах езды...

— Этим мы займемся завтра. Продолжайте! Итак, вы не помните, как оказались в Москве на Казанском вокзале.

— Совершенно верно. Себя я осознавал, но не очень четко. Единственное, что я знал наверняка: мне нужно опасаться стриженных парней в черных куртках. Три дня я прожил на этом вокзале, а потом увидел женщину. Когда я взглянул в ее глаза, то понял, что в них мое спасение. Не знаю, как я осмелился подойти к ней. Я спросил: что это за город? Она вместо ответа велела идти за ней. Я мало чего понимал. Но знал, что прежде чем что-то вспомнить о себе, я должен капитально простудиться. Как только представился случай, я тут же полез в ванную, распарился и вышел на балкон. Потом я пошел на улицу в одной рубашке, побродил по пустынным местам и вдруг ясно вспомнил, как работал на ликероводочном заводе. Дальше вы знаете: я вернулся в квартиру с твердым намерением избавиться от микрочипа во лбу. Я запланировал вырезать его ночью, но тут неожиданно в квартиру ворвались эти парни. Нам удалось отбиться и убежать. Мы угнали машину, и моя память на автопилоте привезла нас на мою собственную дачу. Там я нашел скальпель и вырезал микрочип, чем очень напугал Маргариту. Ну а дальше вы знаете. Мы вернулись в город и поставили машину на прежнее место.

— При этом на вашу спутницу было совершено еще одно нападение?

— Было. Но нам опять удалось отбиться.

Полковник едва заметно усмехнулся, а эксперт спросил:

— Что же стало с вашей памятью?

— Как только я вырезал микрочип, тут же почувствовал огромное облегчение. Будто пелена спала с глаз. В этот же вечер я вспомнил детство, двор в Сретенском переулке, своих родителей. Вспомнил, как учился в консерватории. Но окончательно все вспомнил, когда увидел жену...

Взгляд Баскакова задумчиво уперся в стол. Эксперт что-то пометил в своей записной книжке. А полковник сказал:

— Ну что ж, Антон Павлович, вы очень многое прояснили. Во-первых, стало ясно, откуда в феврале девяносто девятого появились в Москве пропавшие ранее люди. Во-вторых, теперь мы знаем, что волю пострадавших блокируют внедренные под кожу микрочипы. В-третьих, нам стало понятно, что зомбирование людей в России поставлено на поток. Одних зомбируют для черной работы, других — для убийств. Зомбированный киллер самый дешевый и самый эффективный. Если так пойдет дальше, братков скоро не будет. Их всех отстреляют киллеры с чипами во лбу. Их, видимо, уже достаточно много. При помощи только одной Сверилиной было зомбировано более двухсот человек. Я думаю, со временем мы всех их выявим и разблокируем. Но вся беда в том, что таких, как Сверилина, в России сотни. Они тоже зомбированы. Кстати, — поднял палец полковник, — теперь понятно, что смерть Сверилиной не связана с ограблением. Ей дана была установка покончить жизнь самоубийством — за то, что она выболтала механизм внедрения микросхем. Отсюда понятно, кто и почему заказал Берестова. Но вот что мне по-прежнему неясно, — вздохнул полковник, поднимая глаза на Баскакова, — за что вас хотели убить, Антон Павлович?

Через несколько дней на таможне был задержан гражданин Великобритании Джон Смит. Он пытался провезти в лекарственных препаратах более тысячи микросхем. Медицинской фирмы, представителем которой был этот джентльмен, в Англии не существовало. Документы оказались поддельными. Электронная фирма «Харт Лайанс» также не признала его своим представителем. Российским властям ничего не оставалось, как заключить его под стражу до выяснения всех обстоятельств. В некоторых СМИ появились сообщения, обвиняющие контрабандиста в шпионаже.

— Кто на самом деле стоит за этим Джоном Смитом и для кого он вез эти микросхемы? — вопрошал с экрана телевизора генерал ФСБ. А генерал Службы внешней разведки заявил, что о деятельности Джона Смита в России скоро будет знать весь мир и мир ужаснется.

«Ну если за это дело взялись ФСБ и российская разведка, то, значит, дело серьезное», — лениво думала Маргарита, валяясь на диване и равнодушно переключая каналы TV.

У нее опять была депрессия, но не осенняя, как всегда, а совсем иного характера. Нынешняя депрессия вообще не относилась ко времени года, а относилась к одному человеку, который вот уже неделю не появлялся и не звонил. Нет, эта депрессия не ровня тем, какие были у нее раньше. То были всего лишь цветочки. Тогда она робко предполагала, что их причина — не хмурое небо за окном, а отсутствие человека. А в этот раз она точно знала, что отсутствие, и точно знала, какого именно. Зачем Маргарита ему тогда сказала, что встречаться с женатыми мужчинами — это не для нее. Боже мой, надо же спорить такую глупость!

А в криминальном мире между тем происходило событие за событием: отдел по борьбе с организованной преступностью, кроме винного завода, накрыл еще два подпольных предприятия по производству лекарств и целую сеть мастерских по пошиву верхней одежды.

— Оказывается, вот этот бальзам «Бигнера», — радостно сообщала журналистка, тыча в телекамеру флакон, — поступал к нам не из-за рубежа, а изготовлялся в Подольске из турецкого спирта и химических красителей...

— А вот эти джинсы фирмы «Левайс», — вторила ей другая журналистка на другом канале, — были сшиты в одном из подвалов города Коломны.

А недалеко от Казани отделом по борьбе с организованной преступностью была накрыта целая школа по подготовке криминальных кадров. Ни один из готовящихся боевиков не знал своего имени и не помнил своего прошлого.

Также из телевизионных новостей Маргарита узнавала, что к потерявшим память людям, благодаря хирургическому вмешательству, начало возвращаться прошлое. Их показывали плачущими и немощными, бросающимися в объятия к своим женам и детям. И у всех на лбу было по пластырю.

Маргарита ложилась на спину, смотрела в потолок, но видела только Антона. Если бы хоть раз в месяц его руки могли касаться ее тела, о большем она бы и не помышляла. Страдалица вздыхала и снова перепрыгивала с канала на канал, словно искала спасение в дурацких передачах.

Со дня на день был готов разразиться международный скандал, связанный с именем Джона Смита. В чем суть этого скандала и чем виновен этот джентльмен с фальшивыми

документами, СМИ не сообщали. Но Маргарита знала из уст Лени Берестова, что в Подмоскowie найден бункер с микропультом управления людьми. Пульт рассчитан на четыре миллиона номеров. Половина ячеек уже загружена. Около двух миллионов русских было на подлючке. Кто-то из зомбированных уже активно действовал, а кто-то еще жил своей обычной жизнью и даже не подозревал, что его могут призвать в любую минуту на убийство или на пожизненный труд на каком-нибудь подпольном заводе.

В этот вечер Маргарита почти погасла. Не заснула, а именно погасла от своей тоски, как вдруг услышала по телевизору имя Баскакова. Она встrepенулась и открыла глаза. Нет, это были не новости культуры, а по-прежнему криминальное обозрение за неделю. Она увидела четырех парней, лежащих на асфальте лицом вниз рядом с черным «вольво», и снующих с автоматами оперативников.

— Поймана группа бандитов, связанных с похищением людей, — сурово сообщил тележурналист. — Предполагается, что это именно они два года назад похитили известного скрипача Антона Баскакова.

Вот в связи с чем упомянули его имя. Потом показали и скрипача. Он ходил по какой-то даче и что-то рассказывал ментам. Там же она увидела и Берестова, который указывал на забор и на железную дверь подвала. При виде Баскакова сердце Маргариты дрогнуло. А журналист между тем продолжал рассказывать, что на счету у этой братии около десятка похищенных людей. Снова показали их физиономии, но у Маргариты они вызвали такое отвращение, что она с раздражением выключила телевизор.

Но была другая женщина, которой этот сюжет доставил неопиcуемую радость. Она обитала не в Москве, а в глухом селе Самарской области. До этого женщина так же, как и Маргарита, лежала в тоске на диване и лениво перебирала каналы телевизора, но, увидев парней со скрещенными над головой руками, она вскочила и принялась бешено отплясывать камаринского.

— Вот так вам, паразитам, и надо! — воскликнула она. — Завтра же первым поездом в Москву...

Это была потомственная колдунья Анжелика, бывшая владелица московского магического салона.

А Маргариту от спячки спас телефон. Звонил следователь Дрянцов.

— Маргарита Николаевна, стою у вашего подъезда, звоню с сотового. Хочу зайти к вам в гости, а кода не знаю.

— Зачем? — удивилась Маргарита.

— Чтобы расставить все точки над «i».

Он вошел, галантно поцеловал Маргарите руку и скинул плащ. Затем вытащил из кармана кассету без опознавательных знаков и подал хозяйке.

— Я пришел к вам как к эксперту. Вы все-таки музыкант. Не правда ли? Извините, что без звонка. Просто дело не терпит отлагательства. Видите ли, Маргарита Николаевна, за всеми этими крупномасштабными разоблачениями, в которые уже вовлечены ФСБ и внешняя разведка, осталась в тени одна история. Я надеюсь раскрыть ее с вашей помощью сегодня вечером. Давайте послушаем эту кассету!

Хозяйка вставила кассету в магнитофон, и полилась знакомая скрипичная соната. Маргарита вспомнила, где слышала эту музыку, грустно улыбнулась и едва заметно покачала головой.

— Как называется эта вещь? — спросила она.

— Не знаю, — ответил следователь.

— А зачем вы мне ее принесли?

— Хочу вас спросить: вы когда-нибудь слышали эту мелодию?

— Слышала, — ответила Маргарита. — Ее играл Антон Баскаков в метро.

— Вы это гарантируете?

— У меня абсолютный слух.

— Я так и думал, что именно эту вещь Баскаков играл в метро, — улыбнулся следователь. — Собирайтесь, мы едем. Вы мне нужны как свидетельница.

Маргарита, ни слова не говоря, накинула поверх халата пальто, но следователь зацокал языком:

— Нет-нет, Маргарита Николаевна. Оденьтесь, пожалуйста, официально.

Хозяйку это удивило. Но спорить она не стала.

За все время пути Маргарита не задала ни единого вопроса, и, кажется, напрасно. Потому что, к ее изумлению, они приехали не в прокуратуру, а к музыкальному театру «Рубикон». Она удивленно подняла на следователя глаза.

— Что это значит?

— Не спешите, Маргарита Николаевна, вас никто не должен видеть. Мы зайдем после третьего звонка. У нас еще десять минут, — озабоченно посмотрел на часы Дрянцов.

— В чем дело, Виктор Николаевич?

— А дело в том, что сегодня авторский концерт Олега Кирсанова. В прошлый раз вам так и не удалось послушать сонату, за которую он получил особую премию в Нью-Йорке, не правда ли? Неужели вам не любопытно послушать?

Маргарита пожала плечами.

— Я думаю, это неуместно. Точнее, я хотела сказать, в компании с работниками прокуратуры слушать музыкальные новинки мне еще не приходилось.

— Что, вы думаете, работники прокуратуры не интересуются музыкой? Я ведь в прошлый раз тоже был. Но опоздал на десять минут. Я заметил черный «вольво» и наклеил ему на кузов датчик. Мы могли тех архаровцев, похитивших Баскакова, задержать еще неделю назад, но мое внимание привлек серый «ауди». Вот за ним я и погнался. Но, кажется, напрасно. Взрывное устройство подложили Баскакову орлы из «вольво». К счастью, никто не пострадал...

К этому времени вход театра опустел. Из холла вышел какой-то человек и махнул рукой.

— Пора, — сказал следователь, и они с Маргаритой вышли из машины.

Одновременно из соседнего автомобиля вышел Баскаков в сопровождении высокого человека в штатском. При виде Антона сердце Маргариты замерло. Когда же скрипач заметил Маргариту, глаза его радостно вспыхнули. Он сразу бросился к ней, но человек в штатском вежливо указал на дверь.

Они вошли в театр. Сначала Маргарита со следователем, за ними Баскаков с человеком в штатском. Билетерша узнала скрипача и кинулась его обнимать.

— Тише! — цыкнул следователь, и все четверо стали подниматься на второй этаж. Горелову с Баскаковым втолкнули в какую-то темную ложу и оставили вдвоем. Не успела Маргарита сообразить, что к чему, как он сразу заключил ее в объятия.

— Что вы делаете, Антон Павлович? Прекратите! — произнесла она сердито.

— Прости! — прошептал он в ответ. — Я так соскучился. Я каждый вечер порываюсь тебе позвонить, а охрана не разрешает. Мне говорили, что за мной охотятся. Возможно,

прослушивают телефонные разговоры. Я не звонил, чтобы не навлечь на тебя беду...

В это время свет уже потух и раздвинулся занавес. Под аплодисменты вышла сияющая ведущая и принялась перечислять все заслуги и достоинства нового блистательного композитора, покорившего Европу и Америку. Баскаков под шум аплодисментов умудрился дважды поцеловать Маргариту, которая с ужасом ощутила, что от третьего поцелуя уплывет далеко.

— Антон, прекратите! Закричу!

— Кстати, — шепнул он ей на ухо. — Тех орлов, которые похитили меня, уже поймали. Меня сегодня хотели взять на опознание, а привезли зачем-то сюда. Причем из отдела по борьбе с организованной преступностью меня передали прокуратуре. Ты что-нибудь понимаешь?

Маргарита уже ничего не понимала, поскольку его губы касались ее уха и он умудрялся еще покусывать мочку, а рука уже обвила ее талию и медленно, но верно ползла к груди. Вторая рука легла на ее колени.

«Ну все, кажется, я погибла, — вяло мелькнуло в голове. — Сил сопротивляться — никаких. Да и желания сопротивляться нет».

Раздались аплодисменты. На сцену вышел Олег Кирсанов. Он с улыбкой поклонился зрителям и поднял скрипку. К этому времени Маргарита молила только об одном: лишь бы не прибавили свет.

И вдруг с первых звуков скрипки Антон вздрогнул и, не выпуская из рук любимую женщину, уставился на сцену. Маргарита понемножку пришла в себя. Оторвала от своего тела его руки и положила их ему на колени. Немного отдышавшись, она стала вникать в то, что играл нью-йоркский лауреат. Играл он ту же сонату, что когда-то ее спутник в метро.

И вдруг она вспомнила, где до этого видела лауреата: на Никольской. Человек, который во все глаза смотрел на больного Баскакова, и был Кирсанов. Маргарита искоса поглядывала на Антона и изумлялась тому, как он слушал музыку. Музыкант реагировал на каждую ноту, вздрагивал, покачивался, закрывал глаза и покрывался потом. Механически он стирал пот платком, который исчезал неизвестно куда, и все начиналось сначала. Скрипач уже не замечал ни зал, ни Маргариту, он парил в заоблачных высотах. «Вот это настоящий музыкант, — восхищалась она. — Вот это я понимаю: человек слушает музыку...»

Она прижалась к его руке, но он не заметил.

— Ты играл в метро лучше, — прошептала она, но Антон не услышал.

Он снова приложил платок к пылающему лбу и сделался пунцовым.

— Когда ты успел выучить эту вещь? — спросила Маргарита, нежно коснувшись его руки.

И вдруг ее пронзило: а действительно, когда? Вещь совершенно новая. Написана Кирсановым только что. Возможно, ее уже передавали по телевизору или по радио, но где бомж с Казанского вокзала мог слышать радио или спокойно посмотреть телевизор?

Маргарита снова взглянула на Антона и подумала, что если даже эту сложную сонату он и мог каким-то чудом слышать, то нужно время, чтобы ее разучить. Причем разучить, судя по всему, на слух, а не по нотам.

Она перестала смотреть на сцену — только на Антона. Он по-прежнему был напряжен, глаза его наполнились болью. Музыкант хмурился, морщился и шептал:

— С диэзом надо играть, с диэзом...

Когда мелодия внезапно оборвалась, зал взорвался аплодисментами. Антон был в трансе. Включили свет, зрители поднялись и аплодировали стоя. А Антон все сидел и смотрел в пустоту.

Наконец он вскочил с места и, выбежав из ложи, помчался вниз по лестнице, за кулисы. Маргарита встревоженно побежала следом. Она заметила, что за ними торопливо двинулись еще двое: следователь Дрянцов и высокий незнакомец в штатском. Они забежали за кулисы и помчались по длинному коридору в направлении гримуборной Кирсанова. У его дверей уже стояла праздничная толпа с цветами и суетились телевизионные журналисты. Уборная тоже была полна народу. В центре стоял блистательный и сияющий Олег Кирсанов.

Баскаков влетел в гримерку подобно вихрю, грубо растолкав стоящих у дверей. За ним вбежала Маргарита, а за ней следователи, которые, впрочем, тут же смешались с толпой.

— Ты заперол сонату, Кирсанов! — прохрипел вне себя от негодования Баскаков.

И в гримерной установилась гробовая тишина. Все замерли, только тележурналисты подмигнули своим операторам, и те подняли камеры.

Кирсанов побледнел и сделал шаг назад. Баскаков схватил со столика скрипку и воскликнул:

— Третья часть вся играет с диэзом, вот как!

И он заиграл. Он играл так мощно и так ярко, с таким вдохновением, что у всех присутствующих в гримерке от изумления вытянулись лица. Когда Антон закончил, минуты две стояла тишина, потом прокатился недоуменный гул и раздались недружные аплодисменты. Кирсанов медленно опустился на банкетку и закрыл лицо руками.

— Прости, Антон! Это все она. Видит бог, я не хотел.

В ту же секунду подал голос следователь Дрянцов. Он поднял над головами удостоверение и вытурил всех в коридор, оставив только Антона и Маргариту.

— Кто она? — спросил Дрянцов, подсаживаясь к Кирсанову.

Но лауреат следователя не замечал. Он смотрел на Антона, и из его глаз текли слезы.

— Я жалкий, ничтожный и бездарный. Но она любила меня таким. А тебя она не любила. Я ей говорил: «Зачем убивать? Просто уйди от него». А она: «Я хочу, чтобы мой муж был мировой знаменитостью. И ты будешь ей! У Антона одних только скрипичных сонат написано на три жизни. Они гениальны все...»

Антон тяжело вздохнул и покачал головой. Дрянцов достал из кармана радиотелефон и объявил:

— Срочно задержать Викторину Баскакову.

— Только что отъехала от театра, — ответил телефон. — Начинаем преследование.

Антон долго молчал, презрительно глядя на Кирсанова. Наконец произнес:

— Значит, меня «заказала» собственная жена?

— Да! — ответил Кирсанов.

— Я так и думал, — усмехнулся Баскаков.

Вскоре Баскакова была поймана и доставлена в прокуратуру. Туда же доставили и Кирсанова. Кирсанов был вне себя. На лице его было отчаяние. Баскакова же, напротив, усмехалась презрительно и подтвердила слова любовника, что именно она наняла орлов убить своего мужа. Но те не убили, а из жадности продали мистеру Ричарду, который в то время скупал всех «заказников».

— А сейчас уже не скупает? — удивился следователь.

— А зачем? — хмыкнула Баскакова. — Сейчас дешевле зомбировать студентов под видом независимой медкомиссии.

— Вы про это знали? — поднял брови следователь.

— Про это многие знают! — дернула плечиками Баскакова. — В том числе и правоохранительные органы. А некоторые даже этому способствуют.

Следователь обречено покачал головой.

— А скажите, Виктория Эдуардовна, вы что же, действительно думали, что вам тогда, в Институте судебной медицины, предъявляли останки вашего мужа?

— Да! — потрянула сережками Баскакова. — Я искренне думала, что это кости Антона. Но до меня дошли слухи, что моего мужа видели в Москве живым и невредимым. Тогда-то у меня и закралось подозрение, что ребята его не убили, а продали Ричарду. Я потребовала предъявить труп. Они побожились, что Баскакова убили двумя пулями, по всем законам. И сбросили в реку в том месте, где сейчас работает землесос. Через полгода труп обнаружат естественным путем. И действительно, через полгода меня вызвали на опознание останков.

— А вам не показалось странным, что труп был сброшен в районе очистных работ, а не с моста?

Баскакова сощурила глаза и отрицательно покачала головой.

— И последний вопрос, Виктория Эдуардовна: зачем вы поручили продать дачу Кирсанову?

— Откуда вы знаете? — удивилась она.

— Его серый «ауди» видел муж потенциальной покупательницы.

Баскакова пожала плечами.

— Поручила, потому что у меня не было времени заниматься такими мелочами.

— Почему же вы не сказали нам, что именно вы продаете дачу?

— Я не всегда посвящаю органы в свои личные дела, — улыбнулась Виктория.

Когда ее уводили, она обернулась и лукаво подмигнула Антону:

— Учти, милый, квартира осталась за мной!

После этого Баскакова повели на опознание. Он опознал всех четверых. И они признались, что действительно похищали его и дважды продавали мистеру Ричарду.

— Это как? — удивился следователь.

Орлы переглянулись и одновременно кивнули.

— Ну что ж, — подал голос самый высокий из них. — Можем и рассказать.

Он сел напротив следователя за стол, закурил. Остальных увели.

— Дело обычное. Мы решили не убивать скрипача, а продать мистеру Ричарду. Он как раз на «ликерку» под Рязанью набирал людей.

— Ричард был хозяин «ликерки»?

— Нет. Он только продавал фабрикантам зомбированную рабочую силу. Покупал по одной цене. Зомбирова́л и продавал втрое дороже. Верный бизнес! Людей у нас как грязи. Работать не хотят.

— А чей же труп вы подсунули под землесос?

Парень поморщился.

— Киселя, из можайской группировки. Кирилла Киселева. Он такого же роста, что и скрипач. Мы его не убивали. Он уже был убит при разборке пуль в сердце и похоронен у Рязанского проспекта на месте перестрелки. Когда нас Вика вызвала и сказала, что ее мужа видели в Москве, мы решили предъявить ей труп Киселя. Мысль была хорошая. Даже когда мы порыскали по вокзалам и наткнулись на скрипача, мы опять решили не убивать его, а снова продать тому же Ричарду. Он тогда говорил, что у него есть запрос из Казани в боевую школу. Мы скрипача раздели. Выкопали труп Киселя, одели в шмотки скрипача, напялили ему на палец кольцо, шарахнули еще одну пулю в лоб и оторвали челюсть. И только после этого бросили в реку, неподалеку от землесоса.

— С катера?

— Естественно! Пришлось нанимать катер. А скрипача снова продали. А зачем убивать? Мы очень хорошо относимся к людям искусства.

— А челюсть зачем оторвали?

— Потому что полистали перед этим амбулаторную карту скрипача. У него на нижней челюсти две пломбы. А у Киселя ни одной. У него зубы — как у акулы...

Было уже пять часов утра, когда Маргарита с Антоном, покачиваясь от усталости, вышли из прокуратуры.

— Куда вас везти? — спросил сержант.

— Меня на «Спортивную», — ответила Маргарита.

— А меня... — задумался Баскаков. — Машину мою взорвали. Квартиры, можно сказать, нет. Да и не хочу я в квартиру жены. Ничего у меня не осталось, кроме тебя, — повернулся Баскаков к Маргарите.

Маргарита улыбнулась.

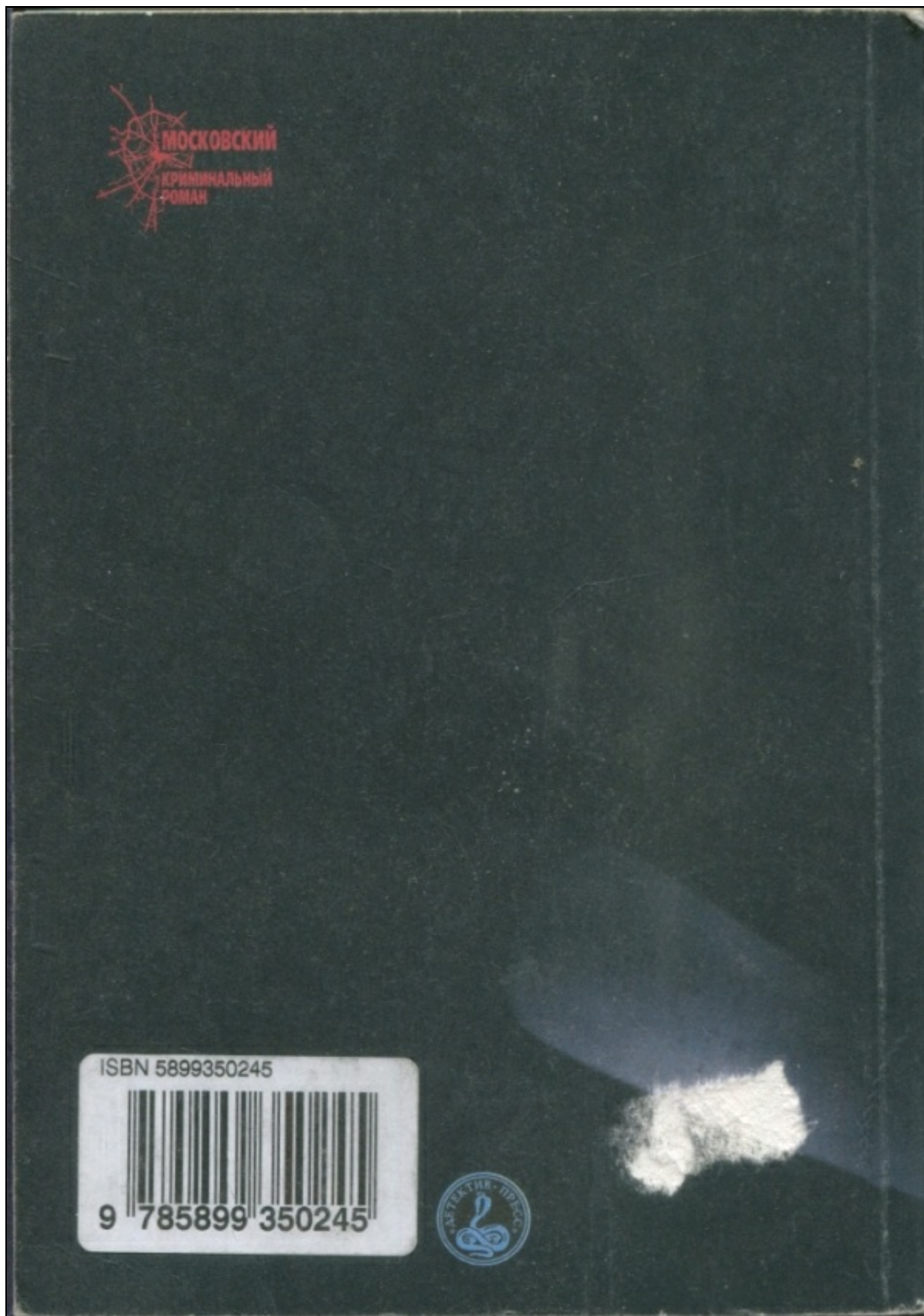
— Так уж и ничего? А твоя дача в Солнечногорске?

— Почему твоя? — удивился Баскаков, взяв ее пальчики в свои руки. — Наша дача!

Маргарита посмотрела ему в глаза и вдруг рассмеялась.

— Сержант! Обоих на «Спортивную»...

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с

законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.